

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАН
CENTRAL ECONOMICS AND MATHEMATICS INSTITUTE RAS

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК

RUSSIAN
ACADEMY OF SCIENCES

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В РОССИИ**

Сборник научных трудов

Выпуск 54

Москва
ЦЭМИ РАН
2022

УДК 330:331
ББК 65в6
Т337

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4

Теория и практика институциональных преобразований в России [Текст]: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 54. – М.: ЦЭМИ РАН, 2022. – 153 с. (Рус., англ.)

Коллектив авторов: Варшавский Л.Е., Васильева И.А., Винокуров Е.Ф., Гргуревич Н.З., Делибашич М.В., Драшкович М.В., Детнева Э.И., Ерзнкян Б.А., Смбалян С.А., Тарасова Н.А., Fontana К.А., Yerznkuyan В.Н.

Пятидесят четвертый выпуск сборника включает два раздела: «Теоретические проблемы экономики и институциональных преобразований», «Прикладные проблемы и практика институциональных преобразований в России».

Ключевые слова: экономика и система социальных ценностей, экономическая методология, институциональные преобразования, институты, экономическое развитие, технологические изменения, экономические системы.

Классификация JEL: A13, B41, B52, F50, O00, P00, Z10.

Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia [Text]: Collection of Scientific Works / Ed. by В.Н. Yerznkuyan. Issue 53. – Moscow: CEMI Russian Academy of Sciences, 2022. – 154 p. (Rus., Eng.)

The fifty fourth issue of the collection includes two sections: «Theoretical problems of economics and institutional reforms» and «Applied problems and practice of institutional reforms in Russia».

Keywords: relation of economics to social values, economic methodology, institutional transformation, institutions, economic development, technological change, economic systems.

JEL classification: A13, B41, B52, F50, O00, P00, Z10.

Ответственный редактор – доктор экономических наук, профессор Б.А. Ерзнкян.

Рецензенты: доктор экономических наук, профессор Н.В. Суворов;
доктор экономических наук, профессор Е.Ю. Хрусталеv.

УДК 330: 331
ББК 65в6

ISBN 978-5-8211-0807-4

© ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН,
2022 г.

СОДЕРЖАНИЕ / CONTENT

ОТ РЕДАКТОРА.....	4
FROM THE EDITOR.....	5
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ.....	6
<i>Ерзникян Б.А.</i> Институциональный анализ стратегических и экономических особенностей инновационных предприятий.....	6
<i>Варшавский Л.Е.</i> Моделирование динамики показателей догоняющих экономических агентов.....	15
<i>Винокуров Е.Ф.</i> Оценка мультипликативного эффекта изменений заработной платы.....	26
<i>Мартынов Г.В., Малков У.Х.</i> Использование модельного инструментария для экспериментальной оценки воздействия отраслевых структурных сдвигов на динамику изменения системно согласованных макроэкономических показателей. Часть 2. Результаты экспериментальной оценки относительных изменений системно согласованных макроэкономических показателей под воздействием отраслевых структурных сдвигов (на примере российской экономики 2005–2015 гг.).....	31
<i>Yerznkyan B.H., Fontana K.A.</i> Ethics and Aesthetics of the Third Way Economy.....	66
РАЗДЕЛ 2. ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ.....	73
<i>Делибашич М.В., Гргуревич Н.З., Драшкович М.В.</i> Экзаптация институтов как метод изменения сущности и динамики экономического поведения в странах Юго-Восточной Европы.....	73
<i>Смбатян С.А.</i> Положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения.....	85
<i>Тарасова Н.А.</i> «До» и «после» инновационного развития экономики: проблемы организации социально-экономических исследований и анализ возможных последствий.....	91
<i>Детнева Э.В.</i> Практическое применение методологии построения единой системы интегрированных балансов и моделирования макроэкономического оборота на ее основе.....	121
<i>Васильева И.А.</i> К вопросу об актуальности социальной поддержки населения.....	131

ОТ РЕДАКТОРА

54-й выпуск сборника продолжает тему институциональных преобразований и экономического развития. В нем представлены два раздела: «Теоретические проблемы экономики и институциональных преобразований», «Прикладные проблемы и практика институциональных преобразований в России».

Раздел 1 открывается статьей *Б.А.Ерзнкяна*, посвященной институциональному анализу стратегических и экономических особенностей инновационных предприятий. Статья *Л.Е.Варшавского* посвящена моделированию динамики показателей догоняющих экономических агентов. Темой статьи *Е.Ф.Винокурова* является оценка мультипликативного эффекта изменений заработной платы. В статье *Г.В. Мартынова* и *У.Х.Малкова* продолжается начатое в вып. 53 настоящего сборника исследование использования модельного инструментария для экспериментальной оценки воздействия отраслевых структурных сдвигов на динамику изменения системно согласованных макроэкономических показателей. Завершается раздел англоязычной статьей *Б.А. Ерзнкяна* и *К.А. Фонтана*, посвященной этическим и эстетическим вопросам экономики третьего пути.

Раздел 2 открывается статьей *М.В. Делибашич*, *Н.З. Гргуревича* и *М.В. Драшковича*, в которой исследуется тема экзопатии институтов в качестве метода изменения сущности и динамики экономического поведения в странах Юго-Восточной Европы. В статье *С.А.Смбатяна* исследуются положительные и отрицательные стороны дистанционного обучения. В статье *Н.А. Тарасовой* исследуется состояние инновационного развития экономики, и освещаются проблемы организации исследований вместе с анализом возможных последствий, в первой части приводятся результаты семиотического подхода к организации исследований, а во второй раскрывается социальный характер политики занятости и доходов без прекариатизации населения. В статье *Э.В. Детневой* дано применение методологии построения единой системы интегрированных балансов и моделирования на ее основе макроэкономического оборота. В завершающей раздел статье *И.А. Васильевой* рассматриваются исторические этапы и формы социальной поддержки населения, начиная от благотворительности в древней Руси до современного уровня развития социальной сферы.

Благодарю авторов за участие в сборнике, а также рецензентов – доктора экономических наук, профессора *Николая Владимировича Суворова* (ИНП РАН) и доктора экономических наук, профессора *Евгения Юрьевича Хрусталева* (ЦЭМИ РАН) – за полезные советы и замечания.

Б.А. Ерзнкян

FROM THE EDITOR

54th issue of the collection contains the papers both in Russian and English devoted to the actual problems of economic development and institutional changes. It includes two sections: “Theoretical problems of economics and institutional reforms” and “Applied problems and practice of institutional reforms in Russia”.

Section 1 is started with a paper by *B.H. Yerznkyan* devoted to the institutional analysis of the strategic and economic features of innovative enterprises. The paper by *L.E. Varshavsky* is devoted to modeling the dynamics of indicators of catching up economic agents. The topic of the paper by *E.F. Vinokurov* is the evaluation of the multiplicative effect of wage changes. The paper by *G.V. Martynov* and *U.H. Malkov* continues the research started in issue 53 of this collection on the use of model tools for experimental assessment of the impact of sectoral structural shifts on the dynamics of changes in systemically consistent macroeconomic indicators. The section ends with an English-language paper by *B.H. Yerznkyan* and *K.A. Fontana*, devoted to ethical and aesthetic issues of the economy of the third way.

Section 2 is opened with a paper by *M.V. Delibasic*, *N.Z. Grgurevic* and *M.V. Draskovic*, which explores the topic of exaptation of institutions as a method of changing the nature and dynamics of economic behavior in the countries of South-Eastern Europe. The paper by *S.A. Smbatyan* explores the positive and negative aspects of distance learning. In the paper by *N.A. Tarasova* explores the state of innovative development of the economy and highlights the problems of organizing research together with an analysis of possible consequences, the first part provides the results of a semiotic approach to organizing research, and the second reveals the social nature of employment and income policy without precariatization of the population. In the paper by *E.V. Detneva*, the application of the methodology for constructing a single system of integrated balances and modeling macroeconomical turnover on its basis is given. In the final section of the paper *I.A. Vasilyeva* considers the historical stages and forms of social support for the population, ranging from benevolence in ancient Russia to the modern level of development of the social sphere.

I **acknowledge** the authors for taking participation in the collection, as well as two referees for their useful comments – Dr. of Econ., Prof. *Nikolay V. Suvorov* (Institute of Forecasting RAS) and Dr. of Econ., Prof. *Evgeny Yu. Khrustalev* (CEMI RAS).

B.H. Yerznkyan

РАЗДЕЛ 1.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ И ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-6-14

Б.А. Ерзнкян

*Ерзнкян Баграт Айкович, д.э.н., проф., г.н.с., рук.лаб. ЦЭМИ РАН,
Москва, тел. +7(499)129-35-44, lvova1955@mail.ru, yerz@cemi.rssi.ru*

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ СТРАТЕГИЧЕСКИХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЕЙ ИННОВАЦИОННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ

Процессы, происходящие на предприятии, разнообразны, и это касается в первую очередь процессов стратегических, охватывающих межфирменные транзакции, и процессов собственно экономических, затрагивающих непосредственно внутрифирменную деятельность. Исследование этих – взаимосвязанных и дополняющих друг друга – процессов особенно важным является применительно к инновационным предприятиям, получение на которых синергетического эффекта от совместного протекания этих двух процессов, имеет для них критическое значение. Отсюда вытекает цель настоящей статьи: выявить особенности этих процессов и проанализировать их в институциональном контексте.

Ключевые слова: институциональный анализ, стратегирование, экономическая деятельность, синергетический эффект, инновационные предприятия.

JEL классификация: B52, D01, D02, D81, D91.

ВВЕДЕНИЕ

В своей производственно-хозяйственной деятельности предприятия ориентируются на достижение, по меньшей мере, двух целей – стратегических и экономических. Эти цели, разумеется, не существуют в отрыве друг от друга, ибо они взаимосвязаны и взаимозависимы. Стратегические процессы, как правило, касаются межфирменных транзакций, а экономические – транзакций, затрагивающих внутрифирменную деятельность. Если прибегнуть к терминологии Уоллиса–Норта (Wallis, North, 1978), можно сказанное выразить несколько иначе: стратегические процессы направлены на выполнение экономическими агентами транзакционной функции, а экономические в узком смысле процессы – на выполнение функции трансформационной (она же функция производственная, встающая перед предприятиями). Осуществление этих функций касается такого обустройства протекания вышеотмеченных – взаимозависимых и взаимопроникающих – процессов, при котором возможно будет получение синергетического эффекта от их совместной деятельности. В ситуации с инновационными предприятиями

получение такого синергетического эффекта может служить в качестве глобальной цели, делающей осмысленным само их существование – *raison d'être*.

Данная статья посвящена сравнительному институциональному анализу процессов стратегической деятельности и экономических процессов, а также исследованию возможностей получения синергетического эффекта от внутрифирменной экономической деятельности и межфирменных стратегических взаимодействий (транзакций) в условиях развивающейся цифровой экономики.

ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В общем случае стратегические процессы включают в себя выполняемые заданными на предприятии людьми разнообразные действия – разработку долгосрочных планов и преследование тех или иных целей, миссий и видения, выполнение стратегий, претворение в жизнь задумок и действий, процессов, формирование структур и пр. Разработка стратегии, распространенная в промышленности, бизнесе, вооруженных силах, политике и правительстве, требует наличия и умения стратегического мышления. Особенно это относится к управленческому аппарату, к менеджерам, которые должны уметь стратегически мыслить во всех важнейших областях развития компании для достижения долгосрочных целей и успеха.

Вместе с тем имеет смысл разграничить стратегические процессы, протекающие во внешнефирменной деятельности и направленные на достижение целей развития предприятия, от процессов, протекающих внутри фирмы. Чтобы отличить их друг от друга, имеет смысл провести разграничение между стратегическими процессами, охватывающими межфирменные взаимодействия, и экономическими процессами, протекающими внутри собственно предприятий. Конечно, в определенном смысле грань между этими процессами условная, но такого рода разграничение процессов небезосновательно, и оно имеет право на существование.

Процессы разработки и реализации стратегий суть процессы стратегического (как правило, но не обязательно, долгосрочного – в отличие от оперативного, или тактического, большей частью краткосрочного по своему характеру) планирования, практикуемого на предприятиях, в том числе предприятиях инновационной направленности (ориентации).

Стратегию можно рассматривать как процесс соответствующего планирования, связанный со стратегическим управлением и осуществлением предприятиями бизнес-стратегией. По словам Оливера Уильямсона, существует два ведущих подхода к эффективности бизнес-стратегии:

- подход, основанный на ресурсах;
- подход, базирующийся на динамических возможностях.

В последние десятилетия оба эти подхода развиваются достаточно быстро, (Mahoney, Pandian, 1990), причем зачастую столь быстрое их развитие приводит к тому,

что они сливаются друг с другом (Williamson, 1991, p. 76), и провести между ними разграничение становится затруднительным.

К тому же, вполне вероятно допустить, что на выбор исследователями того или иного подхода оказывают влияние не только объективные причины, но и научные пристрастия самих ученых.

Так, к примеру, ранние работы Пенроуза о росте фирмы (Penrose, 1959) и более поздние работы Барни (Barney, 1991), Монтгомери и Вернерфельта (Montgomery, Wernerfelt, 1988), Оучи (Ouchi, 1981, Тиса (Teese, 1982) развивались в русле подхода, основанного на ресурсах (*resource-based perspective*).

В противоположность этому подход, основанный на динамических возможностях (*dynamic capabilities approach*) и черпающий вдохновение в работах Й.Шумпетера (Schumpeter, 1942), был детально и последовательно разработан такими авторами, как Дози (Dosi, 1982), Нельсон и Винтер (Nelson, Winter, 1982), Прахалад и Хамел (Prahalad, Hamel, 1990) и другими.

Вообще говоря, стратегирование, будучи процессом разработки и реализации стратегии, должно выступать в качестве неотъемлемой части управления предприятием и должно учитывать ограничения, налагаемые многими факторами, как-то: конфликтующими интересами, финансовыми барьерами, нехваткой ресурсов, отсутствием или неполнотой информации, стратегическим потенциалом, отсутствием или нерелевантностью компетентности, ожидаемыми изменениями в окружающей среде, конкуренцией и т.д.

Несмотря на столь разно- и многообразие факторов, в настоящей статье стратегирование трактуется в первую очередь в качестве институционального процесса; при этом доказывается целесообразность изучения стратегирования именно в таком контексте, а его особенности выявляются при сопоставлении стратегирования с близкими ему понятиями, тем не менее, если к нему и редуцируемыми, то только до известной степени.

Причина изучения стратегирования совместно с инновационным развитием через призму социально-экономических факторов и институционального развития объясняется тем, что адекватный выбор институтов, способных поддерживать друг друга, может способствовать стратегическому и инновационному развитию, благодаря феномену *институционального усиления*. В противоположность этому ненадлежащий выбор институтов – наоборот, может стать препятствием на пути к развитию, что обусловлено действием подобного же феномена, но со знаком «минус», а именно феномена *институционального ослабления* (Ерзнкян, 2017).

Отметим также особую роль динамики в изучении процесса стратегирования. Последнее является по своей сути динамическим процессом «целенаправленных изменений в экономической системе определенного уровня, и как таковой этот процесс не может не пересекаться с иными динамическими процессами, в частности, изменениями в институционально-организационных формах хозяйствования и изменениями,

обусловленными длинноволновой динамикой» (Ерзнкян, 2019, с. 13–14). Принципиальным в этой динамике является наблюдаемый в последнее время дрейф институциональных структур в сторону сетевых организаций. Одним из понятий, характеризующих сетевую активность различного рода предприятий и (или) различного рода корпоративных систем, является индекс сетевой готовности. Такой же индекс употребляется и в отношении региональных систем. Так, подобный индекс регионов делает акцент исключительно на сетевой готовности системы регионального уровня функционировать в виде сетевых структур. Как подчеркивает Е.В. Попов, особенностью такого рода экономики является опора на интенсивное использование «сетевого и информационного потенциалов общества как возобновляемого ресурса его устойчивого прогрессивного развития», что позволяет обеспечить значительное повышение «эффективности по сравнению с материальным производством индустриального общества» (Попов, 2016, с. 128).

ОСОБЕННОСТИ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

В широком смысле все процессы в экономике суть процессы экономические, будь то стратегические процессы или собственно экономические. В более узком смысле, однако, эти процессы имеет смысл разграничить друг от друга хотя бы по критерию выполняемой ими функции – трансакционной или трансформационной (производственной). В известном смысле выполнение первой из них суть процесс институциональный, в то время как выполнение второй – в той или иной степени рационально экономический. Оговорка «в той или иной степени» не случайна, в особенности, если речь идет «не только и не столько» о «трудностях наделения возможных контрагентов неограниченной или, во всяком случае, ограниченной рациональностью, сколько в ограничивающей их действия неопределенности иного, нежели у Г.Саймона, характера». На это обращаем особое внимание, поскольку дело касается нечеткого представления такими агентами «существа рассматриваемого предмета и в первую очередь собственной полезности». Здесь подчеркивается тот факт, что «экономические агенты не всегда способны четко сформулировать свои предпочтения и предвидеть таковые у своих потенциальных контрагентов» (Ерзнкян, 2022, с.60). Такова человеческая натура, которой стандартная экономическая теория, как правило, пренебрегает, дабы сделать рассуждения по возможности ясными и легко формализуемыми.

СИНЕРГЕТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ ПРОЦЕССОВ

Прежде чем рассмотреть возможность получения синергетического эффекта от взаимообусловленного протекания стратегических и экономических процессов, отметим, что они, будучи взаимосвязанными и функционирующими вместе, тем не менее, обладают различной силой воздействия. По О.Уильямсону, роль первой скрипки принадлежит экономическим процессам (Williamson, 1991), что, однако, не должно приводить к умалению роли стратегических процессов. Обе они выполняют свою

специфическую функцию: экономизирующую – трансформационную и стратегическую – транзакционную. С этой точки зрения говорить о приоритете одних процессов над другими бессмысленно, ибо они суть процессы комплементарные, дополняющие друг друга. Тем не менее Уильямсон отдает предпочтение одному из них, хотя в известном смысле смысл концепцию стратегирования можно считать даже более важным. Причина заключается в способности стратегических процессов акцентировать внимание на элементах осознания и рефлексии, дефицит которых остро ощущается в практике разработки и реализации стратегий хозяйствующими субъектами на различных уровнях российской социально-экономической системы.

В работе (Yerznkyan, 2020) подчеркивается необходимость систематического учета значимости обоих, без чего невозможно будет добиться желательной синергии. В этом смысле можно говорить о третьем понятии, названном синергизмом, которое объединяет экономию и стратегирование в единую гармонично сбалансированную систему (Yerznkyan, 2020).

Примечательно, что синергизм достигается именно в объединенной системе, можно даже сказать, экосистеме. В самом деле, экономические и стратегические процессы, составляя функциональное единство, выступают в роли производственно-хозяйственной экосистемы, которой свойственно порождать синергетические эффекты. Такие эффекты играют особую роль в инновационных предприятиях.

Для понимания синергетического подхода обратимся к разграничению, предложенному четой Евстигнеевых, согласно которым множество экономических агентов как субъектов действий образует *общество*, а множество субъектов в роли носителей институтов – *социум*. Такое разграничение, предложенное для характеристики синергетического подхода к ментальности как единству способа производства и способа жизни, имеет принципиальное значение. Объясняется это тем, что эти оба способа подчеркивают то обстоятельство, что связь «между членами социума нерациональна, а значит, не объективирована...» (Евстигнеева, Евстигнеев, 2011, с. 52). Отсюда становится ясно, почему трансформационная функция ассоциируется с рациональным поведением ориентированных на эффективность экономических агентов, а транзакционная – с институциональным поведением социально-экономических субъектов, укорененных в традиционном для себя институциональном поле.

ИНОВАЦИОННЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ

Инновационные предприятия являются органической частью организационно-экономической системы, обеспечивающей институциональное воспроизводство, которое представляет собой процесс смены одних институтов другими. В стационарной экономике «процесс инновационного развития сопровождается институциональными изменениями, включающими воспроизводство и развитие институтов в направлении, способствующем установлению динамического равновесия между инновационными и институциональными процессами». Это имеет существенное значение, поскольку сам

факт достижения такого равновесия выступает «свидетельством релевантности системы формальных и неформальных институтов». Российская экономика, будучи нестационарной по своему характеру, является неравновесной, «характеризуемой нерелевантностью институциональной системы». Речь, разумеется, идет не об абсолютном, а об относительном характере таких экономических типов, поэтому «в реальности уместнее говорить о тяготении экономики к одному из двух режимов. Курс на инновационное развитие следует сопровождать таким институциональным развитием, которое будет работать на трансформацию нестационарного режима ее функционирования» (Ерзнкян, Иманов, Ставчиков, 2018, с. 55).

С ролевой точки зрения предприятия, задействованные в инновационном процессе, выполняют по меньшей мере четыре роли – инвестора, создателя, собственника и потребителя. Допустим, таковыми являются: инвестиционная компания, научно-исследовательский институт, заказчик инновации и ее потребитель. Эти ролевые функции могут быть распределены различным образом – в рамках различных предприятий, а то и одного предприятия, именуемого нами инновационным. Сам инновационный процесс может быть организован через посредство экономического (где взаимодействия осуществляются посредством традиционных рыночных контрактов *людьми экономическими* или выступающими в их роли субъектами) или социального рынка (где денежным отношениям противопоставляются социальные отношения и контракт строится на взаимных, но не обязательствах, а ожиданиях; поскольку социальный рынок связывает не обезличенных людей, а, как правило, персонифицированных, действующих в социальном контексте и разделяющих общие для них нормы, то уместнее к ним употреблять термин *люди институциональные*). Такое разграничение рынков хорошо увязывается с практикой протекания инновационного процесса.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Стратегирование – понятие, допускающее различные трактовки. Так, в понимании академика Дмитрия Семеновича Львова стратегирование, под которым имеются в виду стратегические процессы, направленные на прорыв России в будущее, было попыткой осмысления и описания способов построения востребованной для России экономики, ориентированной на удовлетворение запросов будущего. И хотя рассмотренные им и отчасти затронутые в настоящей статье положения и принципы разработки и реализации стратегии «ни в коем случае не являются исчерпывающими и вряд ли могут конкретизировать пути реализации предлагаемых мероприятий», все, о чем писал в реформаторское и раннее пореформенное время Д.С. Львов (Lvov, 1995, p. 37), остается актуальным и поныне. Это относится и ко многим рассуждениям и идеям Д.С. Львова, как теоретическим, так и практическим, которые сохраняют свое действенное значение и сегодня, в наше время (Yerznkyan, 2016, p. 98).

Следует отметить, что отношение к стратегическим процессам в разное время было различным. Так, в 1990-е гг., когда в стране происходили масштабные события, связанные с реформированием всей социально-экономической системы и институциональной, предприятиям, также находящимся на переломном этапе, явно было не до стратегии – главное было удержать себя в условиях возникшего институционального вакуума от краха. И что примечательно, так это то, что, несмотря на объяснимое охлаждение предприятий к осуществлению стратегических процессов, необходимость в них имела, и ее очень тонко уловил Георгий Борисович Клейнер, став организатором и бессменным руководителем ежегодного всероссийского симпозиума по стратегическому планированию предприятий. Вот так: зачастую практика оказывается впереди теории, а порой и наоборот – теория опережает практику. И далеко не случайно, что в 1998 г. была создана кафедра институциональной экономики в Государственном университете управления усилиями тогдашнего его ректора А.Г. Поршнева и Д.С. Львова, возглавившего ее в рамках вновь созданного в рамках ГУУ Института новой экономики (а после его смерти и до сих пор кафедрой руководит Г.Б. Клейнер). Создание такой кафедры также было ответом на запрос на формирование новой институциональной системы, нуждающейся *помимо прочего* в квалифицированных специалистах, способных грамотно и ответственно конструировать релевантную институциональную систему, причем не эволюционным, а революционным способом. Имеет смысл напомнить слова Д.С. Львова о том, что менять следует не только социально-экономическую и институциональную реальность, но и отношение людей как носителей институтов к ней.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Новые грани ментальности: Синергетический подход. М.: ЛЕНАНД, 2011.
- Ерзнкян Б.А.* Институциональные понятия стратегирования: критический анализ // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 48. М.: ЦЭМИ РАН, 2019. С. 6–16. DOI: 10.33276/978-5-8211-0781-7-6-16
- Ерзнкян Б.А.* Институциональное усиление: три типа отношений // Журнал институциональных исследований. 2017. Т. 9. №1. С. 27–38. DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.1.027-038
- Ерзнкян Б.А.* Возможности реализации теоремы Коуза. Гл. 2. В кн.: Рональд Коуз и новая институциональная теория: монография / коллектив авторов; под ред. Р.М. Нуреева и Ю.В. Латова. М.: КНОРУС, 2022. С. 59–66.
- Ерзнкян Б.А., Иманов Р.А., Ставчиков А.И.* Стратегия инновационного развития предприятий в контексте институционального выбора // Стратегическое планирование и развитие предприятий [Эл. ресурс]: материалы Девятнадцатого всероссийского симпозиума, Москва, 10–11 апреля 2018 г / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2018. С. 53–55.
- Попов Е.В.* Сети. Екатеринбург: Издательство АМБ, 2016.
- Barney J.* Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // Journal of Management. 1991. No. 17. P. 19–120.
- Dosi G.* Technological Paradigms and Technological Trajectories // Research Policy. 1982. No. 11. P. 147–162.
- Lvov D.* Of the Russian Economic Reforms Scientific Grounding. Moscow: Central Economic-Mathematical Institute, Independent Economic Society, 1995.
- Mahoney J., Pandian J.R.* The Resource-Based View of the Firm / Unpublished manuscript, 1990.

- Montgomery C., Wernerfelt B.* Diversification, Picardian Rents, and Tobin's q // *Rand Journal of Economics*. 1988. № 19. P. 623–632.
- Nelson R., Winter S.* An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge MA: Harvard University Press, 1982.
- Ouchi W.G.* Theory Z. Reading, MA: Addison-Wesley, 1981.
- Penrose E.* The Theory of Growth of the Firm. N.Y.: John Wiley & Sons, 1959.
- Prahalad C.K., Hamel G.* The Core Competence of the Corporation // *Harvard Business Review*. 1990. № 68. P. 79–91.
- Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism, and Detnocracy. N.Y.: Harper and ROW, 1942.
- Teece D.J.* Towards an Economic Theory of the Multiproduct Firm // *Journal of Economic Behavior and Organization*. 1982. № 3. P. 39–64.
- Wallis J.J., North D.C.* Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970. In: Long-term factors in American economic growth, ed. by Engerman L. Stanley and Robert E. Gallman. Chicago: The University of Chicago Press, 1986. P. 95–148.
- Williamson O.E.* Strategizing, Economizing and Economic Organization // *Strategic Management Journal*. 1991. Vol. 12. P. 75–94.
- Yerznkyan B.H.* The Strategy for Russia's Breakthrough to the Future: Lvov's Legacy // *Montenegrin Journal of Economics*. 2016. Vol. 12. № 2. P. 89–100.
- Yerznkyan B.H.* Strategizing as an Institutional Process // *Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia: Colltction of Scientific Works / Ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 41. Moscow: CEMI RAS, 2017. P. 88–108.*
- Yerznkyan B.H.* Strategizing, Economizing, and Synergizing // *Science. Education. Practice: Materials of the Internftional University Science Forum (Toronto, Canada, April 22, 2020). Vol. 2. Infinity Publishing, 2020. P. 25–34. DOI 10.34660/INF.2020.1.61625*

REFERENCES

- Evstigneeva L.P., Evstigneev R.N.* New Facets of Mentality: A Synergetic Approach. Moscow: LENAND, 2011 (in Russian).
- Yerznkyan B.H.* Institutional Notions of Strategizing: Critical Analysis // *Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia: Collection of Scientific Works / Ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 48. Moscow: CEMI RAS, 2019. P. 6–16 (in Russian). DOI: 10.33276/978-5-8211-0781-7-6-16*
- Yerznkyan B.H.* Institutional Reinforcement: Three Types of Relations // *Journal of Institutionak Studies*. 2017. Vol. 9. No. 1. Pp. 27–38 (in Russian). DOI: 10.17835/2076-6297.2017.9.1.027-038
- Yerznkyan B.H.* Possibilities of Realization of Coase's Theorem. Ch. 2. In: Ronald Coase and the New Institutional Theory: Monograph / collective of authors; by ed. of R.M. Nureev and Yu.V. Latov. M.: KNORUS, 2022. P. 59–66 (in Russian).
- Yerznkyan B.H., Imanov R.A., Stavchikov A.I.* Strategy of Innovative Development of Enterprises in the Context of Institutional Choice // *Strategic Planning and Development of Enterprises [El. resource]: Materials of the Nineteenth All-Russian Symposium, Moscow, April 10–11, 2018 / ed. corresponding member RAS G.B. Kleiner. Moscow: CEMI RAN, 2018. P. 53–55 (in Russian).*
- Popov E.V.* Networks. Ekaterinburgh: AMB Publ., 2016 (in Russian).
- Barney J.* Firm Resources and Sustained Competitive Advantage // *Journal of Management*. 1991. No. 17. P. 19–120.
- Dosi G.* Technological Paradigms and Technological Trajectories // *Research Policy*. 1982. No. 11. P. 147–162.
- Lvov D.* Of the Russian Economic Reforms Scientific Grounding. Moscow: Central Economic-Mathematical Institute, Independent Economic Society, 1995.
- Mahoney J., Pandian J.R.* The Resource-Based View of the Firm / Unpublished manuscript, 1990.
- Montgomery C., Wernerfelt B.* Diversification, Picardian Rents, and Tobin's q // *Rand Journal of Economics*. 1988. № 19. P. 623–632.
- Nelson R., Winter S.* An Evolutionary Theory of Economic Change. Cambridge MA: Harvard University Press, 1982.
- Ouchi W.G.* Theory Z. Reading, MA: Addison-Wesley, 1981.

- Penrose E.* The Theory of Growth of the Firm. N.Y.: John Wiley & Sons, 1959.
- Prahalad C.K., Hamel G.* The Core Competence of the Corporation // Harvard Business Review. 1990. № 68. P. 79–91.
- Schumpeter J.A.* Capitalism, Socialism, and Detnocracy. N.Y.: Harper and ROW, 1942.
- Teece D.J.* Towards an Economic Theory of the Multiproduct Firm // Journal of Economic Behavior and Organization. 1982. № 3. P. 39–64.
- Williamson O.E.* Strategizing, Economizing and Economic Organization // Strategic Management Journal. 1991. Vol. 12. P. 75–94.
- Wallis J.J., North D.C.* Measuring the Transaction Sector in the American Economy, 1870–1970. In: Long-term factors in American economic growth, ed. by Engerman L. Stanley and Robert E. Gallman. Chicago: The University of Chicago Press, 1986. P. 95–148.
- Yerznkyan B.H.* The Strategy for Russia’s Breakthrough to the Future: Lvov’s Legacy // Montenegrin Journal of Economics. 2016. Vol. 12. № 2. P. 89–100.
- Yerznkyan B.H.* Strategizing as an Institutional Process // Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia: Colltction of Scientific Works / Ed. by B.H. Yerznkyan. Issue 41. Moscow: CEMI RAS, 2017. P. 88–108.
- Yerznkyan B.H.* Strategizing, Economizing, and Synergizing // Science. Education. Practice: Materials of the Internftional University Science Forum (Toronto, Canada, April 22, 2020). Vol. 2. Infinity Publishing, 2020. P. 25–34. DOI 10.34660/INF.2020.1.61625

Yerznkyan B.H.

INSTITUTIONAL ANALYSIS OF STRATEGIC AND ECONOMIC FEATURES OF INNOVATIVE ENTERPRISES

The processes taking place in the enterprise are diverse, and this applies primarily to strategic processes, covering inter-company transactions, and actually economic ones, affecting intra-company activities. The study of these – interrelated and complementary – processes is especially important in relation to innovative enterprises, in which obtaining a synergistic effect from the joint flow of these two processes is of critical importance for them. From this follows the purpose of this paper: to identify the features of these processes and analyze them in an institutional context.

Keywords: institutional analysis, strategizing, economic activity, synergetic effect, innovative enterprises.

JEL Classification: B52, D01, D02, D81, D91.

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-15-25

Л.Е. Варшавский

Варшавский Леонид Евгеньевич, д.э.н., г.н.с. ЦЭМИ РАН, Москва,
тел. +7(499)724-24-53, hodlev@rambler.ru

МОДЕЛИРОВАНИЕ ДИНАМИКИ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ДОГОНЯЮЩИХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ АГЕНТОВ

В статье рассматриваются подходы к моделированию динамики производственных инвестиций догоняющих экономических агентов, основанные на результатах теории следящих систем. Исследуется динамика инвестиций с использованием различных законов обратной связи, обеспечивающих устойчивость, робастность и скорость слежения за показателями передовых экономических агентов, а также выполнение ограничений по объемам инвестиций. Рассмотренные подходы могут быть использованы при прогнозировании и планировании высокотехнологичных отечественных производств, подвергающихся различного рода санкциям.

Ключевые слова: следящая система, экономический агент, догоняющий участник, обратная связь, устойчивость, робастность.

JEL классификация: C00, O10.

1. ВВЕДЕНИЕ

В связи с происходящим в настоящее время переходом мировой экономики к деглобализации и обострением международной обстановки, повлекшей за собой разного рода санкции, перед рядом стран остро встает проблема импортозамещения и создания собственной производственной базы. Наибольшие сложности возникают при импортозамещении высокотехнологичной продукции, создание которой сопряжено с проведением достаточно длительного цикла исследования и разработок, а также с осуществлением больших объемов капитальных вложений. Так, в микроэлектронике у некоторых производителей капиталоемкость продукции составляет 30% и более, что обусловлено непрерывным усложнением производственных процессов.

Для того чтобы безнадежно не отстать в гонке технологий в деглобализованном мире санкций, экономическим агентам и странам необходимо непрерывно отслеживать динамику мирового производства продукции и обеспечивать ее выпуск в объемах, необходимых для потребителей. При этом в капиталоемких производствах особую важность приобретает проблема правильной оценки инвестиций. Для решения этой проблемы у догоняющих агентов есть некоторые преимущества перед инноваторами, так как они могут использовать данные о свойствах и динамике технико-экономических показателей производства уже выпускаемой инновационной продукции.

В настоящей статье рассматривается подход к моделированию динамика инвестиций догоняющего экономического агента, основанный на использовании методов теории следящих систем. Исследуются различные законы обратной связи, обеспечивающие необходимые динамические характеристики экономических показателей.

2. МОДЕЛЬ СЛЕДЯЩЕЙ СИСТЕМЫ

Проводимый в настоящей статье анализ основан на использовании догоняющим экономическим агентом динамической зависимости, связывающей объемы товарного производства продукции Q_t со входной переменной u_t (инвестициями), в виде передаточной функции $W(z)$ [1–3]:

$$Q_t = W(z) u_t, \quad (1)$$

где $W(z) = \frac{A(z)}{B(z)}$, $A(z)$, $B(z)$ – многочлены относительно z , причем порядок многочлена $A(z)$ не превышает порядок многочлена $B(z)$, $t = 0, 1, \dots$ – индекс года, z – оператор сдвига: $zx_t = x_{t+1}$.

Перед догоняющим агентом стоит, в частности, задача отслеживать необходимые для потребителей объемы продукции Q_t^* (они могут быть связаны с объемами продукции передовых экономических агентов) и определять требуемые для ее производства инвестиции u_t . С этой целью он может использовать различные виды отрицательной обратной связи:

$$u_t = R(z)e_t, \quad (2)$$

где $R(z)$ – передаточная функция, $e_t = Q_t^* - Q_t$ – отклонение фактического объема производства продукции от желаемого.

В простейшем случае

$$u_t = K e_t, \quad (2.1)$$

где коэффициент $K > 0$.

Более общая форма обратной связи имеет следующий вид:

$$R(z) u_t = T(z) Q_t^* - S(z) Q_t, \quad (3)$$

где $R(z)$, $T(z)$, $S(z)$ – многочлены относительно z , причем порядок многочленов $T(z)$, $S(z)$ не превышает порядок многочлена $R(z)$.

Используемые законы обратной связи должны обеспечивать устойчивость, приемлемую скорость слежения, а также робастность (устойчивость всей следящей системы (1, 2) или (1–3) при отклонениях параметров от номинальных).

Ниже исследуются эти характеристики следящей системы с передаточной функцией $W(z)$, имеющей 2-й порядок:

$$W(z) = \frac{A(z)}{B(z)} = \frac{a_0 z + a_1}{(z - b_1)(z - b_2)}. \quad (4)$$

Такие передаточные функции достаточно адекватно отражают динамику процессов превращения производственных инвестиций в высокотехнологичную продукцию (исчисляемую как в натуральных, так и в стоимостных единицах) [**Ошибка! Залкадка не определена.**]. При этом разностное уравнение, связывающее Q_t и u_t имеет следующий вид:

$$Q_t = (b_1 + b_2) Q_{t-1} - b_1 b_2 Q_{t-2} + a_0 u_{t-1} + a_1 u_{t-2}. \quad (4.1)$$

3. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОСТОГО ЗАКОНА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

В этом случае, как следует из (1), (2.1) и (4), соотношение между отслеживаемой и выходной переменными имеет следующий вид:

$$Q_t = \frac{KW(z)}{1 + KW(z)} Q_t^* = \frac{K(a_0 z + a_1)}{(z - b_1)(z - b_2) + K(a_0 z + a_1)} Q_t^*, \quad (5)$$

а ошибка отслеживания e_t

$$e_t = \frac{1}{1 + KW(z)} Q_t^* = \frac{(z - b_1)(z - b_2)}{(z - b_1)(z - b_2) + K(a_0 z + a_1)} Q_t^*. \quad (6)$$

Очевидно, качество отслеживания определяется величиной ошибки e_t . Для обеспечения $\lim_{t \rightarrow \infty} e_t = 0$ в (2) принимается, что $R(z) = \frac{1}{(z - 1)^n}$, где величина n определяется динамикой отслеживаемой переменной (т.е. в систему вводится астатизм). В экономических системах динамика показателей обычно имеет C -образный вид. Поэтому часто достаточно ограничиться значением $n = 1$. Если $R(z) = \frac{z}{z - 1}$, то

$$u_t = u_{t-1} + K e_t = u_{t-1} + K(Q_t^* - Q_t) \quad (2.2)$$

и справедливо:

$$Q_t = \frac{KzW(z)}{z - 1 + KzW(z)} Q_t^* = \frac{K(a_0 z + a_1)}{(z - 1)(z - b_1)(z - b_2) + Kz(a_0 z + a_1)} Q_t^*. \quad (6.1)$$

Таким образом, скорость приближения Q_t к желаемой траектории Q_t^* и устойчивость (6.1) зависит от принимаемой величины коэффициента K . Для исследования устойчивости (6.1) необходим анализ корней характеристического многочлена системы (знаменателя передаточной функции (6.1)), который имеет вид:

$$F(z) = f_0 z^3 + f_1 z^2 + f_2 z + f_3, \quad (7)$$

где $f_0 = 1$;

$$f_1 = -(1 + b_1 + b_2) + K a_0;$$

$$f_2 = b_1 b_2 + b_1 + b_2 + K a_1;$$

$$f_3 = -b_1 b_2. \quad (8)$$

Для обеспечения устойчивости динамической связи (6.1) необходимо и достаточно выполнение следующих условий [4]:

$$F(1) > 0; \quad (7.1)$$

$$F(-1) < 0; \quad (7.2)$$

$$|f_3| - f_1 < 0; \quad (7.3)$$

$$f_3^2 - f_0^2 < f_3 f_1 - f_2 f_0. \quad (7.4)$$

В настоящей работе для исследования качества следящей системы с передаточной функцией (4.1) приняты следующие значения параметров, характерные для некоторых ведущих компаний микроэлектронной промышленности [Ошибка! Закладка не определена.]: $b_1 = 1,00$; $b_2 = 0,374$; $\alpha_0 = 0,821$; $\alpha_1 = -0,771$.

На рис. 1, 2 приведена динамика объемов производства и инвестиций в следящей системе с данной передаточной функцией при разных значениях коэффициента K . В качестве отслеживаемой переменной (необходимого объема производства) принята переменная, характеризующаяся следующей динамикой: зависимость $Q_t^* = 25,5(1 - 0,75^t)$.

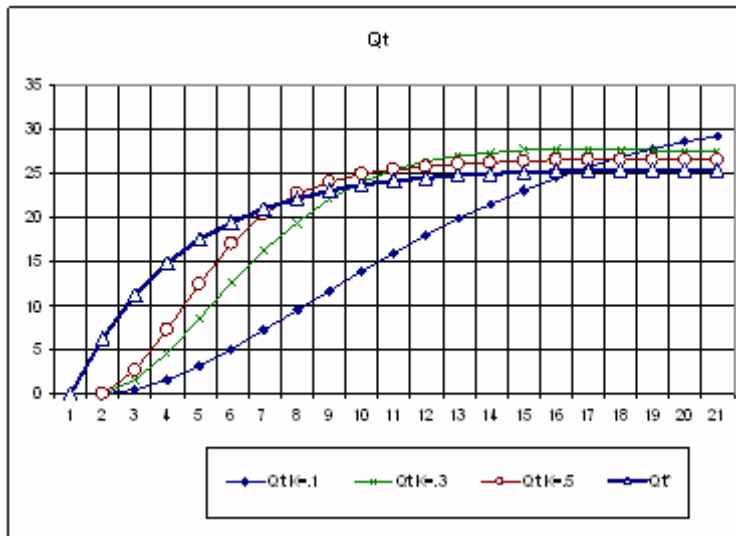

Рис. 1. Динамика объемов производства продукции Q_t при разных значениях коэффициента K

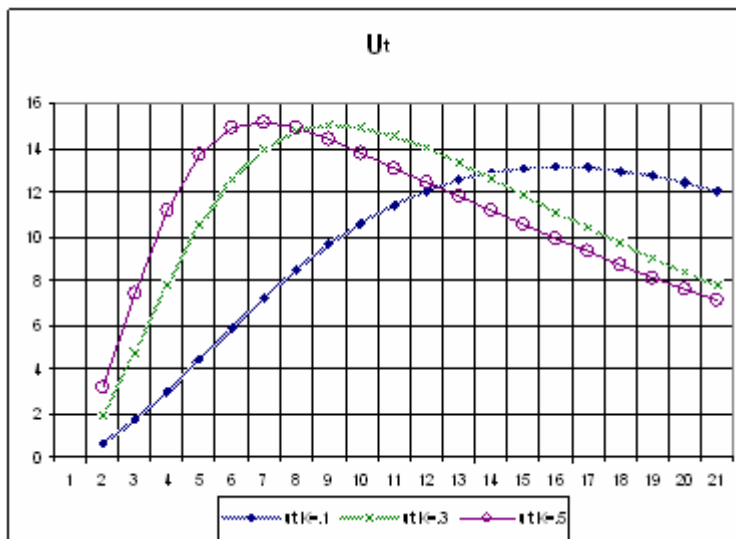

Рис. 2. Динамика инвестиций u_t при разных значениях коэффициента K

Построенные графики иллюстрируют тот факт, что с повышением величины коэффициента обратной связи K происходит ускорение приближения выходной

переменной (объема производства) Q_t к Q_t^* (рис. 1). Однако это достигается за счет резкого увеличения в начальный период слежения входной переменной u_t (рис. 2). Дальнейшее увеличение K приводит к заметным колебаниям входной переменной и при $K > 3,451$ – к потере устойчивости (рис. 3). Неизбежность потери устойчивости системы при больших значениях K следует из соотношений (8) и неравенств (7.1)–(7.4). Вместе с тем, при $a_1 < -a_0 < 0$ (случай неминимально-фазового объекта (4)), ввиду того, что в силу соотношений (8) $F(1) = K(a_0 + a_1) < 0$, т.е. не выполняется условие (7.1), следящая система также является неустойчивой при $K > 0$.

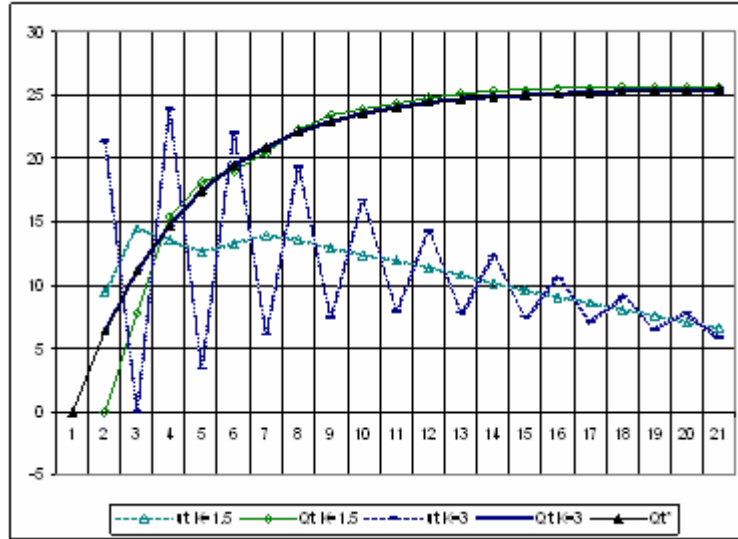

Рис. 3. Динамика инвестиций u_t и объемов производства Q_t при разных значениях коэффициента K

Выбор коэффициента обратной связи K может быть проведен при исследовании реакции следящей системы (6.1) на единичный импульс (это связано с тем, что динамика отслеживаемой переменной заранее неизвестна). В частности, можно определять K путем решения оптимизационной задачи, например, с помощью электронных таблиц:

$$\sum_t^T u_t^2 \rightarrow \min_K, \tag{9}$$

при ограничении:

$$\frac{\left(\sum_t^T e_t^2 \right)^{1/2}}{AT} \leq eps, \tag{10}$$

где A – высота импульса, T – продолжительность периода оптимизации, а eps – величина допустимого относительного отклонения выходной переменной от импульса.

На рис. 4 представлена реакция переменных u_t и Q_t в рассматриваемой модели при $A = 25,5$, и двух значениях eps : $eps = 0,025$ и $eps = 0,01$. Расчеты в соответствии с (9)–(10) показывают, что этим значениям eps соответствуют значения коэффициента K , равные соответственно 0,262 и 1,080. Очевидно, наиболее приемлемым является первый

вариант значений, K при котором динамика исследуемых переменных имеет существенно более плавный характер. Вместе с тем, и в этом варианте, как и в других при $0 < K < 0,262$ в начальный период имеет место горбообразное превышение Q_t над Q_t^* (перерегулирование).

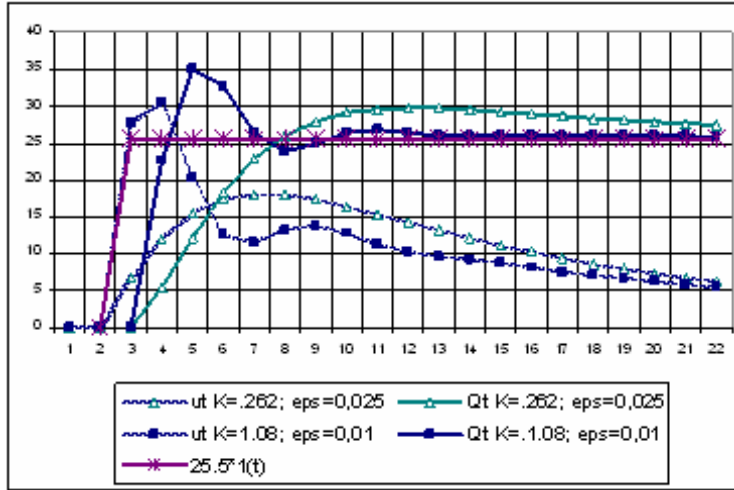

Рис. 4. Реакция переменных u_t и Q_t на единичный импульс при разных значениях допустимого относительного отклонения eps

4. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ОБОБЩЕННОГО ЗАКОНА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

В этом случае задача состоит в нахождении значений параметров регулятора $R(z)$, $S(z)$, $T(z)$, обеспечивающего отслеживание показателя Q_t^* в соответствии с передаточной функцией $H^*(z)$:

$$Q_t = H(z)Q_t^* = \frac{M(z)}{N(z)}Q_t^*, \quad (11)$$

где $M(z)$ и $N(z)$ – задаваемые многочлены. При этом используется закон обратной связи (3). Параметры регулятора определяются из следующего соотношения [5]:

$$\frac{A(z)T(z)}{A(z)S(z) + R(z)B(z)} = \frac{M(z)}{N(z)}. \quad (12)$$

Порядок многочлена $N(z)$ должен быть не ниже порядка многочлена $B(z)$. Для рассматриваемой системы с передаточной функцией (4) принято, что

$$H(z) = \frac{M(z)}{N(z)} = \frac{(1-\lambda_1)(1-\lambda_2)z}{(z-\lambda_1)(z-\lambda_2)}, \quad (13)$$

причем параметры λ_i , характеризующие лаг отставания управляемой переменной от отслеживаемой, находятся в диапазоне $0 < \lambda_i < 1$, $i = 1, 2$. Тогда значения коэффициентов регулятора (3) можно определить из следующих соотношений:

$$R(z) = (az + a_1)R_0; \quad (14)$$

$$T(z) = T_0z = (1-\lambda_1)(1-\lambda_2)z; \quad (15)$$

$$R_0(z^2 - (b_1 + b_2)z + b_1b_2) + s_0z + s_1 = z^2 - (\lambda_1 + \lambda_2)z + \lambda_1\lambda_2. \quad (16)$$

В результате имеем:

$$T_0 = (1 - \lambda_1)(1 - \lambda_2);$$

$$R_0 = 1;$$

$$s_0 = (b_1 + b_2) - (\lambda_1 + \lambda_2);$$

$$s_1 = \lambda_1\lambda_2 - b_1b_2. \quad (17)$$

Таким образом, управление (объем инвестиций) определяется следующим образом:

$$u_t = \frac{T(z)}{R(z)} Q_t^* - \frac{S(z)}{R(z)} Q_t = \frac{T_0}{a_0z + a_1} Q_t^* - \frac{s_0z + s_1}{a_0z + a_1} Q_t, \quad (3.1)$$

где параметры T_0 , s_0 , s_1 определяются из (17).

На рис. 5–6 представлена динамика объемов производства и инвестиций в следящей системе с обобщенным регулятором при разных значениях $\lambda_1 > 0$, при $\lambda_2 = 0$, и при тех же значениях параметров передаточной функции (4), что и в п. 3. Использование регулятора (3) с большим числом переменных по сравнению с простым законом обратной связи, позволяет получить более плавную динамику показателей, без перерегулирования Q_t . В то же время следует отметить, что выбор приемлемых значений параметров λ_1 и λ_2 можно проводить также как в (9)–(10), с той лишь разницей, что оптимизацию (9) следует проводить не по K , а по этим параметрам.

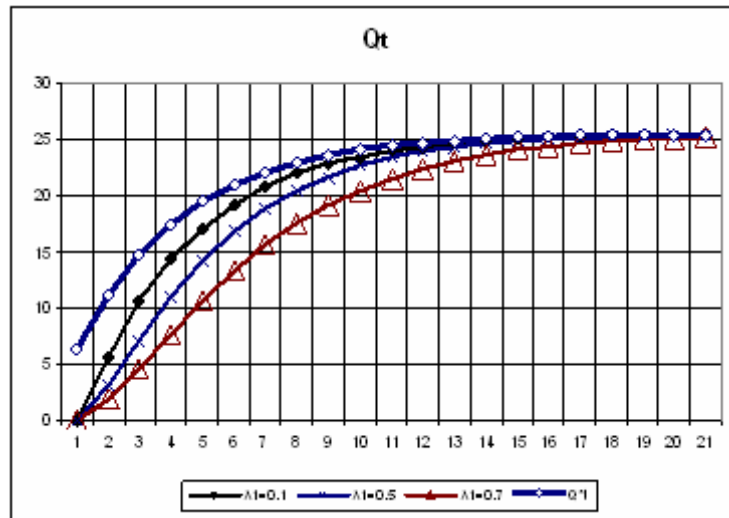

Рис. 5. Динамика объемов производства продукции Q_t при разных значениях λ_1

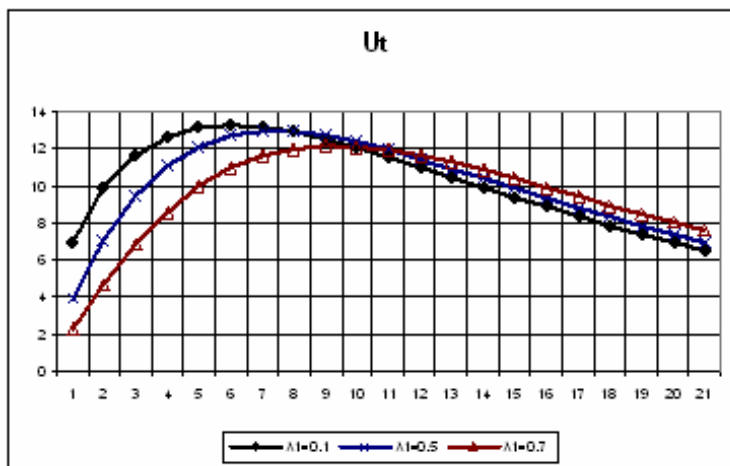

Рис. 6. Динамика инвестиций u_t при разных значениях λ_1

5. РОБАСТНОСТЬ ОБОБЩЕННОГО ЗАКОНА ОБРАТНОЙ СВЯЗИ

Как известно, робастность системы характеризует сохранение качества управления при изменении параметров объекта. В настоящей статье при исследовании робастности следящей системы (4) с регулятором (3.1) предполагалось, что закон управления формируется в соответствии с (3.1), (14)–(16) при номинальных значениях параметров объекта a_0, a_1, b_1, b_2 , а реальными значениями параметров являются a'_0, a'_1, b'_1, b'_2 . В этом случае соотношение между отслеживаемой Q_t^* и выходной Q_t переменными приобретает следующий вид:

$$Q_t = \frac{z(a'_0 z + a'_1)(1 - \lambda_1)(1 - \lambda_2)}{(a'_0 z + a'_1)(s_0 z + s_1) + (a_0 z + a_1)(z^2 - (b'_1 + b'_2)z + b'_1 b'_2)} Q_t^* = \frac{z(a'_0 z + a'_1)(1 - \lambda_1)(1 - \lambda_2)}{f'_0 z^3 + f'_1 z^2 + f'_2 z + f'_3} Q_t^*, \quad (11.1)$$

где $f'_0 = a_0$;

$$f'_1 = a_1 + a'_0 s_0 - a_0 (b'_1 + b'_2);$$

$$f'_2 = a_0 b'_1 b'_2 - a_1 (b'_1 + b'_2) + a'_0 s_1 + a'_1 s_0;$$

$$f'_3 = a'_1 s_1 + a_1 b'_1 b'_2, \quad (18)$$

причем

$$a'_i \in [\underline{a}_i, \overline{a}_i], \quad i = 0, 1; \quad b'_i \in [\underline{b}_i, \overline{b}_i], \quad i = 0, 2.$$

Исследовалась устойчивость системы (4) с теми же номинальными значениями параметров объекта (4), что и в п. 3, и неопределенностью параметров, находящейся в следующих пределах:

$$\Delta a_0 \in (\underline{\Delta a}_0, \overline{\Delta a}_0) = (0,000; 0,200); \quad \Delta a_1 \in (\underline{\Delta a}_1, \overline{\Delta a}_1) = (-0,0404; 0,200);$$

$$\Delta b_2 \in (\underline{\Delta b}_2, \overline{\Delta b}_2) = (-0,274; 0,300).$$

(в силу специфики рассматриваемой модели (4) предполагалось, что $b'_1 = b_1 = 1$).

В расчетах также принято, что $\lambda_1 = \lambda_2 = 0,3$, а параметры регулятора, соответствующие этим значениям и определяемые из (17), равны соответственно: $s_0 = 0,774$; $s_1 = -0,284$; $T_0 = 0,49$.

В табл. 1 представлены коэффициенты характеристического многочлена системы (12), соответствующие «угловым» (граничным) значениям параметров объекта. Всем «угловым» значениям параметров соответствуют устойчивые характеристические многочлены. Это дает определенное основание считать, что полученный закон управления обеспечивает робастность следящей системы при принятых ограничениях на неопределенность параметров объекта [6], что подтверждается результатами моделирования (см. рис. 7, построенный для объекта со значениями параметров $a'_0 = 0,8214$; $a'_1 = -0,8114$; $b'_1 = 1,00$; $b'_2 = 0,674$).

Более объективную проверку робастности синтезированной системы можно провести путем оптимизации каждого из ограничений (7.1)–(7.4) по параметрам объекта $a'_i \in [a_i, \bar{a}_i]$, $i = 0, 1$; $b'_2 \in [b_2, \bar{b}_2]$, с заданными диапазонами изменения (при этом следует определять максимум левых частей (7.1)–(7.4) и минимум (7.1)). Проведенные оптимизационные расчеты показали, что при принятых диапазонах изменения параметров все ограничения выполняются с некоторым запасом.

Таблица 1

Проверка робастности следящей системы с обобщенным законом обратной связи при $\lambda_1 = \lambda_2 = 0,3$

«Угловые» значения параметров объекта (4)								
a'_0	1,021	1,021	1,021	1,021	0,821	0,821	0,821	0,821
a'_1	-0,571	-0,571	-0,811	-0,811	-0,571	-0,571	-0,811	-0,811
b'_2	0,674	0,100	0,674	0,100	0,674	0,100	0,674	0,100
Значения коэффициентов характеристического многочлена (12)								
f'_0	0,821	0,821	0,821	0,821	0,821	0,821	0,821	0,821
f'_1	-1,356	-0,884	-1,356	-0,884	-1,510	-1,039	-1,510	-1,039
f'_2	1,112	0,199	0,926	0,013	1,169	0,255	0,983	0,069
f'_3	-0,357	0,085	-0,289	0,153	-0,357	0,085	-0,289	0,153
Условия устойчивости (7.1)–(7.4)								
$F'(1)$	0,221	0,221	0,103	0,103	0,123	0,123	0,005	0,005
$F'(-1)$	-3,647	-1,819	-3,392	-1,565	-3,858	-2,031	-3,604	-1,777
$ f_3'' - f_1''$	-0,464	-0,736	-0,532	-0,668	-0,464	-0,736	-0,532	-0,668
$f_3''^2 - f_0''^2 - (f_3''f_1'' - f_2''f_0'')$	-0,118	-0,429	-0,222	-0,505	-0,127	-0,369	-0,220	-0,435

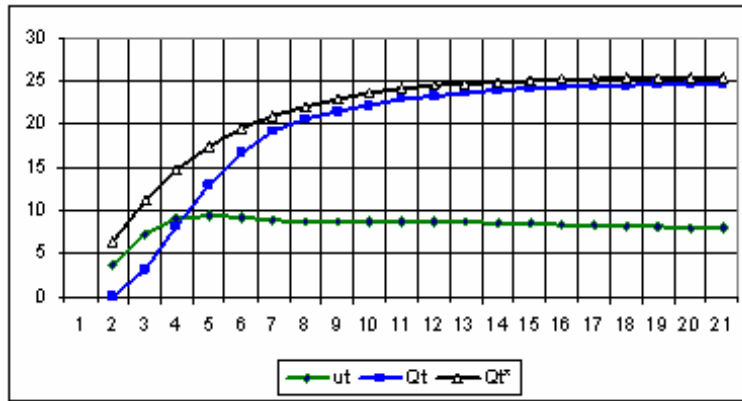

Рис. 7. Динамика инвестиций u_t и объемов производства Q_t при $\lambda_1 = \lambda_2 = 0,3$ и «угловом» значении параметров модели (4)

Однако наиболее чувствительным к изменениям параметров данного объекта является ограничение (7.1), т.е. $F'(1) > 0$, которое применительно к неопределенной системе с коэффициентами характеристического многочлена (18) при $b'_1 = b_1 = 1$ имеет следующий вид:

$$\begin{aligned}
 F'(1) &= f'_0 + f'_1 + f'_2 + f'_3 = a_0 + a_1 + a'_0 s_0 - a_0(b'_1 + b'_2) + a_0 b'_1 b'_2 - a_1(b'_1 + b'_2) + \\
 &+ a'_0 s_1 + a'_1 s_0 + a'_1 s_1 + a_1 b'_1 b'_2 = (a_0 + a_1)(1 - b'_1 - b'_2 + b'_1 b'_2) + (a'_0 + a'_1)(s_0 + s_1) = \quad (19) \\
 &= (a'_0 + a'_1)[1 - (\lambda_1 + \lambda_2 - \lambda_1 \lambda_2)].
 \end{aligned}$$

Из (19) следует, что при $0 < \lambda_i < 1$, $i = 1, 2$, а также при $a'_1 < -a'_0 < 0$ (случай неминимально-фазового объекта (4)) синтезированная следящая система становится неустойчивой. На рис. 8 представлена динамика показателей неустойчивой следящей системы при $\lambda_1 = \lambda_2 = 0,3$ и значениях параметров объекта $a'_0 = 0,8214$; $a'_1 = -0,8814$; $b'_1 = 1,00$; $b'_2 = 0,674$. При этом $\max F'(1) = -0,029 < 0!$

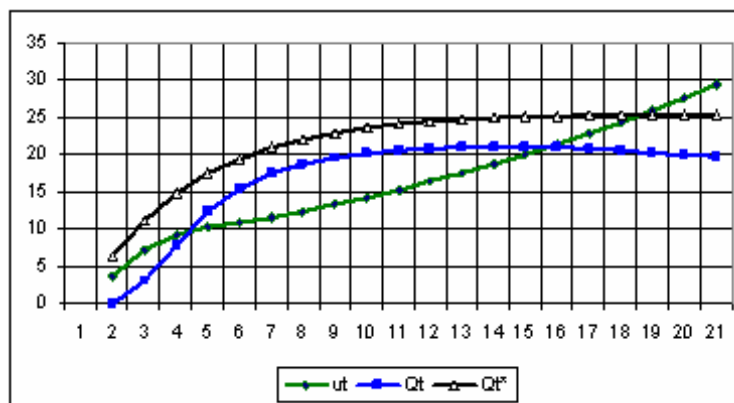

Рис. 8. Динамика инвестиций u_t и объемов производства Q_t неустойчивой следящей системы при $\lambda_1 = \lambda_2 = 0,3$ и $a'_0 = 0,8214$, $a'_1 = -0,8814$

6. ВЫВОДЫ

Рассмотренные в статье подходы, основанные на результатах теории следящих систем, позволяют проводить оценку производственных инвестиций догоняющих экономических агентов в режиме реального времени.

Они обеспечивают приемлемую для прогнозирования робастность и точность отслеживания экономических показателей производства.

Реализация рассмотренных подходов может быть эффективно проведена путем применения общедоступных электронных таблиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Варшавский Л.Е.* Исследование эволюции рынка высокотехнологичной продукции с догоняющим участником // Теория и практика институциональных преобразований в России / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 53. М.: ЦЭМИ РАН, 2022. С. 61–70.
2. *Варшавский Л.Е.* Использование методов теории управления для формирования рыночных структур // Компьютерные исследования и моделирование. 2014. Т. 6. № 5. С. 839–859.
3. *Варшавский Л.Е.* Исследование динамики структуры олигополистических рынков при нерыночных противодействиях сторон // Компьютерные исследования и моделирование. 2021. Т. 13. № 1. С. 219–233.
4. *Jury E.I.* Theory and Applications of the Z-Transform Method. John Wiley, NY, 1964.
5. *Острем К., Виттенмарк Б.* Системы управления с ЭВМ: Пер. с англ. М.: Мир, 1987.
6. *Джури Э.И.* Робастность дискретных систем // Автоматика и телемеханика. 1990. № 5. С. 3–28.

Varshavsky L.E.

MODELING DYNAMICS OF INDICATORS OF CATCHING UP ECONOMIC AGENTS

The article examines an example of using a one-group model of the kinetics of nuclear reactors in the study of stabilizing the structure of social systems. Approaches to stabilization of the original bilinear system are investigated by reducing it to a linear system and using the results of the theory of linear-quadratic regulators. On the basis of computer experiments, the influence of the coefficients of the conditional model of the social system and of control parameters on the quality of stabilizing its structure is analyzed.

Keywords: catching up participant, economic agent, feedback system, stability, robustness.

JEL Classification: C00, O10.

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-26-30

Е.Ф. Винокуров

Винокуров Евгений Федорович, к.э.н., с.н.с. ЦЭМИ РАН, тел. +7(906)033-46-41, evinokurov@yandex.ru, Москва

ОЦЕНКА МУЛЬТИПЛИКАТИВНОГО ЭФФЕКТА ИЗМЕНЕНИЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

В статье предложена методика оценки мультипликативного эффекта изменений реальной заработной платы применительно к российским реалиям. Данная методика предусматривает учет не только непосредственного, но и индуцированного влияния этих изменений, обусловленного связью оплаты труда с экономической активностью населения. Методика апробирована на официальных статистических данных по России за период 2003–2017 гг. Результаты проведенных расчетов позволяют утверждать, что мультипликативный эффект роста заработной платы в значительной степени определяет темпы роста российской экономики.

Ключевые слова: реальная заработная плата, непосредственный мультипликативный эффект, индуцированный мультипликативный эффект, совокупный мультипликативный эффект.

JEL классификация: C53, E24, E23.

ВВЕДЕНИЕ

Целью работы является ретроспективный анализ влияния изменений среднемесячной реальной начисленной заработной платы на прирост валового внутреннего продукта (ВВП) России. Уточним: речь пойдет заработной плате в «белом», отражаемом официальной статистикой, секторе российской экономики.

В статье предложен и апробирован вариант методики этого анализа, уточненный по сравнению с представленным в публикации (Винокуров, 2021).

ЗАДАЧА ОЦЕНКИ

Сформулируем задачу: требуется оценить, насколько по сравнению с предыдущим годом менялись значения ВВП в результате изменения заработной платы, т.е. мультипликативный эффект этих изменений.

Начнем с подготовительного этапа, необходимого для расчета интересующего нас годового мультипликативного эффекта. Рассмотрим связь с приростом заработной платы динамики численности экономически активного населения.

Введем обозначения:

ΔA – вызванный изменением заработной платы годовой прирост численности экономически активного населения, тыс. чел.

N – численность населения в возрасте от 15 до 72 лет в рассматриваемом году, тыс. чел.

ΔW – прирост реальной среднемесячной заработной платы по сравнению с предыдущим годом, тыс. руб. (в ценах 2008 г.).

Обратившись к работе (Винокуров, Винокурова, 2021), на основе представленного в ней регрессионного уравнения записываем:

$$\Delta A = 0,00332 N \cdot \Delta W. \quad (1)$$

В дальнейшем в наших расчетах мы будем считать величину ΔA равной изменению численности занятых по сравнению с предыдущим годом.

Мультипликативный эффект от изменения зарплаты отличается от эффекта от изменения, скажем, трансфертов или инвестиций. Когда меняется зарплата, помимо непосредственного мультипликативного эффекта; аналогичного эффекту от изменения, скажем, трансфертов, возникает индуцированный мультипликативный эффект; связанный с тем, что динамика зарплаты вызывает изменение численности занятых, а тем самым, индуцированный прирост доходов. Сумма непосредственного и индуцированного эффектов дает совокупный мультипликативный эффект прироста зарплаты.

При расчете мультипликативного эффекта за год (или несколько лет) приходится использовать нестандартную единицу времени. Такой единицей является временной отрезок, за который деньги в экономике совершают один оборот. Этот отрезок времени будем в дальнейшем называть периодом. Продолжительность периода в месяцах выражается дробью $12/\tau$, где τ – скорость обращения денег в некотором году.

Если ставку подоходного налога принять постоянной и равной T (в долях), непосредственный прирост располагаемого дохода за один период в млн руб. обозначить через D , а индуцированный прирост располагаемого дохода за один период в млрд руб. – через I , то можно записать:

$$D = (1 - T) \cdot \frac{12}{\tau} \cdot \Delta W \cdot (L - \Delta A), \quad (2)$$

$$I = (1 - T) \cdot \Delta A \cdot \frac{12}{\tau} \cdot W, \quad (3)$$

где W – среднемесячная реальная заработная плата в тыс. руб. (базовый год – 2008).

Обозначив совокупный прирост располагаемого личного дохода за период в млрд руб. через ΔZ , записываем:

$$\Delta Z = D + I. \quad (4)$$

Совокупный мультипликативный эффект, который даст за год приращение располагаемого дохода в течение одного периода на величину ΔZ , который мы обозначим через M , рассчитывается по формуле

$$M = h \cdot \Delta Z \text{ (млрд руб.)}. \quad (5)$$

Рассчитанное значение M представляет собой основной результат проводимого исследования.

Коэффициент h , который будем, как в работе (Винокуров, 2021), называть индексом мультипликации, рассчитывается при следующих предположениях:

- изменение располагаемого дохода происходит в начале каждого периода;

- если рассматривается отрезок времени, равный доле g от целого периода, прирост фонда зарплаты за этот отрезок времени рассчитывается как g от прироста за весь период;

- предельная склонность к потреблению – MPC – является постоянной величиной.

Тогда формула расчета индекса мультипликации оказывается следующей:

$$h = \sum_{n=1}^{[\tau]} ([\tau] - n + 1) \cdot MPC^n + \frac{\tau - [\tau]}{\tau}, \quad (6)$$

где $[\tau]$ – целая часть τ .

Апробация предложенной методики была проведена на примере официальных данных Росстата за период 2003–2017 гг.¹ Исходные данные для наших расчетов представлены в табл. 1. Кроме этих данных в качестве параметров использовались еще две величины: предельная склонность к потреблению, значение которой по аналогии с (Винокуров, 2020) принято за 0,94, и ставка подоходного налога, величина которой задана равной 0,13.

Таблица 1

Информация, использованная в расчетах мультипликативного эффекта

Годы	Заработная плата, тыс. руб.	Численность населения в возрасте от 15 до 72 лет, тыс. чел.	Численность занятых, тыс. чел.	Скорость обращения денег
2002	8,458	–	–	–
2003	9,382	111762,9	67152	6,2
2004	10,371	111601,6	67134	5,3
2005	11,676	111465,0	68603	4,7
2006	13,230	112046,2	69169	4,4
2007	15,509	112217,9	70770	3,9
2008	17,290	112308,1	71003	3,1
2009	16,682	111962,5	69410	3,1
2010	17,547	111592,7	69934	2,8
2011	18,038	110867,8	70857	2,7
2012	19,555	110216,3	71545	2,5
2013	20,493	110261,0	71391	2,4
2014	20,742	109547,8	71539	2,6
2015	18,590	110833,2	72324	2,6
2016	20,640	110256,6	72393	2,4
2017	21,213	107100,5	72316	2,3

Источники: Статистические справочники «Российский статистический ежегодник» и «Финансы России» (М.: Росстат, 2004–2018 гг.).

¹ Более современная информация не была нами использована, поскольку с 2017 г. изменилась методика определения численности рабочей силы. Глава Росстата А.Е. Суринов прокомментировал это следующим образом: «Мы вряд ли получим радикальное изменение доли экономически активного населения» (Егоршева, 2017). Однако применительно к эконометрическим расчетам, официальные данные о численности рабочей силы начиная с 2018 г. приходится рассматривать как несопоставимые с аналогичной информацией за предшествующий период.

Проведенные на основе формул (1–6) и данных из табл. 1 расчеты привели к результатам, представленным в табл. 2.

Таблица 2

Оценка мультипликативного эффекта изменений реальной заработной платы

Годы	Годовой прирост реальной заработной платы, тыс. руб.	Совокупный мультипликативный эффект в ценах 2008 г.	
		млрд руб.	Процентов от ВВП
2003	0,924	2004,8	2,8
2004	0,989	1998,9	2,8
2005	1,305	2425,9	3,3
2006	1,554	2856,6	3,9
2007	2,279	3937,3	5,3
2008	1,781	2659,3	3,5
2009	–0,608	–896,9	–1,2
2010	0,865	1593,9	2,1
2011	0,491	680,2	0,9
2012	1,517	2030,4	2,7
2013	0,938	1229,3	1,6
2014	0,249	332,8	0,4
2015	–2,152	–2911,6	–3,8
2016	2,050	2708,4	3,6
2017	0,573	703,2	1,0

Расчеты автора.

Как видно из табл. 2, совокупный мультипликативный эффект увеличения заработной платы обеспечивал в рассматриваемый период времени до 4–5% прироста ВВП России. Заметим, что индуцированный эффект при этом составлял порядка 10% от совокупного. Таким образом, можно утверждать, что динамика реальной заработной платы во многом определяла темпы роста отечественной экономики в начале XXI в., что особенно явно проявилось в 2006 и 2007 гг.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги работы, констатируем: ее результаты подтверждают уже сформулированный нами в предыдущих публикациях вывод: повышение реальной заработной платы не только способствует решению стоящей перед государством задачи повышения уровня жизни населения, но благодаря значительному мультипликативному эффекту обеспечивает и существенный экономический рост.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Винокуров Е.Ф., Винокурова Н.А.* Предложение на российском рынке труда: гендерный аспект // Народонаселение. 2021. Т. 24. № 3. С. 191–205.
- Винокуров Е.Ф.* Динамика заработной платы и экономический рост: российские реалии // Экономическая наука современной России. 2021. № 4. С. 68–77.
- Винокуров Е.Ф.* Чарльз Кобб и Пол Дуглас против Артура Оукена // Вестник ЦЭМИ. 2020. Т. 3. Вып. 1.

Егоршева Н. Сделали перерасчет. Россиян старше 70 лет объявили рабочей силой // Российская газета. Федеральный выпуск № 27 (7193). 07.02.2017.

REFERENCES

- Vinokurov E.F., Vinokurova N.A.* Supply on the Russian labor market: gender aspect // *Population*. 2021. Vol. 24. No. 3. Pp. 191–205 (in Russian).
- Vinokurov E.F.* Wage dynamics and economic growth: Russian realities // *Economics of Contemporary Russia*. 2021. No. 4. Pp. 68–77 (in Russian).
- Vinokurov E.F.* Charles Cobb and Paul Douglas vs. Arthur Oaken // *Bulletin of CEMI*. 2020. Vol. 3. Iss. 1 (in Russian).
- Egorshcheva N.* They made a recalculation. Russians over 70 years old are declared a labor force // *Rossiyskaya gazeta*. Federal issue No. 27 (7193). 07.02.2017.

Vinokurov E.F.

EVALUATION OF THE MULTIPLICATIVE EFFECT SALARY CHANGES

The article proposes a methodology for assessing the multiplicative effect of changes in real wages in relation to Russian realities. This methodology provides for taking into account not only the direct, but also the induced impact of these changes, due to the connection of wages with the economic activity of the population. The methodology was tested on official statistical data for Russia for the period 2003–2017. The results of the calculations suggest that the multiplicative effect of wage growth largely determines the growth rate of the Russian economy.

Keywords: real wages, direct multiplicative effect, induced multiplicative effect, cumulative multiplicative effect.

JEL Classification: C53, E24, E23.

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-31-65

Г.В. Мартынов, У.Х. Малков

*Мартынов Геннадий Викторович, д.э.н., проф., г.н.с. ЦЭМИ РАН, Москва, +7(495)779-13-85, martynovS87@yandex.ru**Малков Устав Херманович, к.ф.-м.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН, Москва, +7(495)779-13-56, ustav-malkov@yandex.ru*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МОДЕЛЬНОГО ИНСТРУМЕНТАРИЯ ДЛЯ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ОТРАСЛЕВЫХ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ НА ДИНАМИКУ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМНО СОГЛАСОВАННЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ

Часть 2. РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ ОТНОСИТЕЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ СИСТЕМНО СОГЛАСОВАННЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОД ВОЗДЕЙСТВИЕМ ОТРАСЛЕВЫХ СТРУКТУРНЫХ СДВИГОВ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ 2005–2015 ГГ.).

Представлены результаты моделирования численной оценки относительных изменений наиболее важных макроэкономических показателей под воздействием различных вариантов отраслевых структурных сдвигов в одном из возможных сценариев долгосрочного системно сбалансированного развития российской экономики в 2005–2015 гг.

Ключевые слова: макроэкономическое регулирование, стратегия развития, отраслевая структура, приоритетное развитие отрасли, относительные изменения макроэкономических показателей, оценка эффективности отраслевых структурных сдвигов.

JEL классификация: C00, E00.

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа является продолжением статьи (Мартынов, Малков, 2021) и посвящена результатам проведенных по системе динамических моделей анализа и прогнозирования макроэкономических взаимодействий рынков товаров, труда, инвестиций и денег экспериментальных расчетов оценки относительных изменений ряда наиболее важных макроэкономических показателей под воздействием отраслевых структурных сдвигов. Объектом экспериментальных исследований выступают воспроизводственные и инвестиционные процессы развития российской экономики в 2005–2015 гг., представленные в разрезе 18 укрупненных отраслей материального производства (перечень отраслей дается в табл. 1 приложения).

К рассмотрению предлагаются результаты моделирования одного из возможных сценариев макроэкономического регулирования, в котором управляющие параметры кредитно-денежной, бюджетно-налоговой, амортизационной и внешнеторговой политики государства построены в соответствии с данными

официальной статистики. Этот вариант расчетов в дальнейшем будем называть базовым и обозначать через V1.0, в котором цифра 1 соответствует значению номера этого варианта макроэкономического регулирования ($v = 1$), а цифра 0 – значению номера полученной в результате этих расчетов отраслевой структуры производства ($n_1 = 0$). Численные значения системно согласованных макроэкономических материально-вещественных, ценовых и финансовых показателей базового варианта стратегии развития V1.0 представлены в табл. 2 приложения. Относительно значений этих показателей осуществляется оценка результатов различных вариантов проектируемых изменений отраслевой структуры производства.

1. ВАРИАНТЫ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ ДОЛЕЙ ПРОИЗВОДСТВА ТОВАРОВ И УСЛУГ ОТРАСЛЕЙ ПРИОРИТЕТНОГО РАЗВИТИЯ

В данном эксперименте в качестве отраслей приоритетного развития рассматриваются три отрасли: машиностроение, легкая промышленность, сельское и лесное хозяйство. Приоритетное развитие этих отраслей (увеличение доли их выпуска) реализуется в четырех «структурных» вариантах стратегии развития: в стратегии V1.1 – отрасли «машиностроение», в стратегии V1.2 – отрасли «легкая промышленность», в стратегии V1.3 – отрасли «сельское и лесное хозяйство» и в стратегии V1.4 – группы из трех отраслей («машиностроение», «легкая промышленность», «сельское и лесное хозяйство»).

Управляющими параметрами отраслевой структуры производства в модельных расчетах служат доли реального выпуска товаров и услуг приоритетными отраслями экономики. Основой численного изменения данных параметров, согласно пошаговой схеме расчетов, является отраслевая структура производства, рассчитанная в базовой стратегии развития V1.0 (табл. 1 приложения). Управляющие параметры изменения доли отрасли «машиностроение» в совокупном выпуске отраслей материального производства в стратегии V1.1 строятся с использованием гипотезы о возможном (допустимом) увеличении этой доли в каждом году периода 2012–2015 гг. на 18% относительно ее значений, полученных при реализации базовой стратегии V1.0. Данное требование к величинам доли производства отрасли «машиностроение» в 2012–2015 гг. формально учитывается в виде соответствующих структурных ограничений при проведении расчетов по системе динамических моделей, реализующих стратегию V1.1 развития экономики. При этом управляющие параметры бюджетно-налоговой, кредитно-денежной и внешнеторговой политики базового сценария развития V1.0 и сценария V1.1 полностью совпадают. Отличие их состоит только в том, что в стратегии V1.1 доля реального выпуска продукции отрасли «машиностроение» фиксируется на заданном уровне по годам периода 2012–2015 гг.

Аналогично строятся новые доли производства отраслей приоритетного развития в стратегиях V1.2, V1.3 и V1.4. Для них, как и для стратегии V1.1, в системе моделей формально учитывается требование увеличения доли реального выпуска товаров и

услуг соответственно отраслями «легкая промышленность», «сельское и лесное хозяйство» и группы из трех вышеназванных отраслей приоритетного развития относительно доли реального выпуска этих отраслей в базовом варианте стратегии развития V1.0 соответственно на 19, 18,5 и 17,8% в каждом году периода 2012–2015 гг.

Спроектированные значения управляющих параметров отраслевой структуры производства для отраслей приоритетного развития имеют условный смысл и предназначены для получения экспериментальной оценки относительных изменений численных значений системно согласованных макроэкономических показателей. Это позволяет исследовать зависимость изменения численных значений макроэкономических и отраслевых показателей воспроизводственных, инвестиционных и финансово-денежных процессов российской экономики в состоянии ее системной сбалансированности от спроектированных вариантов изменения долей производства отраслями приоритетного развития и тем самым экспериментально выявить круг тех макроэкономических показателей, численные значения которых наиболее чувствительны к такого рода отраслевым структурным сдвигам.

2. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ СИСТЕМНО СОГЛАСОВАННЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ПОКАЗАТЕЛЕЙ СТРАТЕГИЙ РАЗВИТИЯ V1.1–V1.4

Оценка результатов изменения отраслевой структуры материального производства осуществляется путем сравнения динамики изменения макроэкономических и отраслевых показателей базовой стратегии V1.0 с динамикой изменения этих показателей в стратегиях V1.1–V1.4.

На данном этапе исследований мы исходим из предположения, что реализация стратегий V1.1–V1.4 происходит за счет изменения объемов использования основного капитала, материальных, трудовых и финансовых ресурсов при тех же значениях коэффициентов фондоотдачи, трудоемкости, прямых материальных затрат, удельных капитальных затрат на простое и расширенное воспроизводство основного капитала и ряда других исходных экзогенных показателей, которые использовались при моделировании стратегии V1.0. Иными словами, моделирование стратегий развития V1.1–V1.4 с заданными долями реального выпуска товаров и услуг отраслями приоритетного развития осуществляется при всех прочих равных условиях, что и моделирование базовой стратегии V1.0.

Основные результаты экспериментальных расчетов представлены в табл. 1–8 и на рис. 1–42. С целью компактного изложения полученных результатов числовой материал в таблицах и на рисунках дается не по всем годам расчетного периода 2005–2015 гг., а только для 2005 г. и по годам периода 2010–2015 гг.

1.1. Относительные изменения ценовых показателей

Во всех вариантах стратегии развития V1.1–V1.3 наблюдается рост общего уровня цен относительно его значений в базовой стратегии V1.0, а в стратегии V1.4, наоборот, его снижение (см. табл. 1).

Таблица 1

Изменение ценовых показателей в структурных вариантах V1.1–V1.4 стратегии развития российской экономики в 2005–2015 гг.
(% относительно значений ценовых показателей в базовом варианте стратегии V1.0)

Показатели	Варианты стратегии	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Общий уровень цен товаров и услуг отраслей материального производства	V1.1	-0,05	-0,57	-0,31	1,15	0,86	0,97	1,78
	V1.2	-0,05	0,19	0,26	0,13	0,08	0,06	0,05
	V1.3	-0,05	0,19	0,26	0,13	0,08	0,06	0,05
	V1.4	-0,02	0,67	1,85	-0,57	-1,05	-0,94	-1,93
Уровень потребительских цен (декабрь к декабрю предыдущего года)	V1.1	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	-0,01	0,00
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,00	0,00	0,00	0,01	0,00	-0,01	0,00
Темп инфляции	V1.1	0,02	-0,09	-0,12	0,97	-0,01	-0,70	0,04
	V1.2	0,01	0,12	-0,05	-0,01	0,01	-0,01	0,00
	V1.3	0,01	-0,01	0,00	-0,01	0,06	-0,04	0,03
	V1.4	-0,05	-0,02	0,02	0,83	0,10	-0,80	0,20
Реальная ставка процента по рублевым кредитам, предоставленным нефинансовым организациям	V1.1	0,02	-0,03	-0,03	0,27	0,00	-0,19	0,01
	V1.2	0,01	0,04	-0,02	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,01	0,00	0,00	0,00	0,02	-0,01	0,01
	V1.4	-0,05	-0,01	0,01	0,24	0,03	-0,22	0,05
Среднемесячная ставка номинальной заработной платы на одного работника в отраслях: промышленности	V1.1	0,01	-0,07	-0,06	0,09	0,08	-0,02	-0,01
	V1.2	0,01	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,01	-0,09	-0,04	0,07	0,08	-0,03	0,01
сельского хозяйства	V1.1	0,00	-0,05	0,01	0,03	0,01	-0,01	0,00
	V1.2	0,00	0,01	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	-0,03	0,03	-0,01	0,01
	V1.4	0,00	-0,07	0,05	0,00	0,04	-0,02	0,01
строительства	V1.1	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,00	0,00	-0,02	0,01	0,00	0,00	0,00
транспорта и связи	V1.1	0,00	-0,04	-0,03	0,03	0,02	0,00	0,00
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,00	-0,05	-0,02	0,03	0,03	-0,01	0,00
торговли, МТС и заготовок	V1.1	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

Однако относительные изменения общего уровня цен товаров и услуг отраслей материального производства, а также уровня потребительских цен, темпа инфляции и реальной ставки процента являются сравнительно небольшими величинами и составляют в абсолютном выражении для общего уровня цен не более 1,92%, для уровня потребительских цен не более 0,009%, для темпа инфляции не более 0,96% и для реальной ставки процента не более 0,27%. Относительные изменения ставки номинальной заработной платы на одного работника в абсолютном выражении также невелики и не превосходят в отраслях промышленности 0,09%, в сельском хозяйстве 0,07%, в строительстве 0,02%, в отраслях транспорта и связи 0,05%, в торговле, материально-техническом снабжении и заготовках 0,001%. Незначительные колебания в окрестности нулевых значений как в положительную, так и отрицательную сторону наблюдаются в относительных изменениях и ряда других ценовых показателей.

Исходя из представленных расчётных данных можно сделать вывод о незначительной чувствительности относительных изменений ценовых показателей к спроектированным относительным изменениям долей выпуска товаров и услуг отраслей приоритетного развития в 2012–2015 гг. во всех вариантах стратегии развития экономики. В связи с этим можно говорить об неэластичности относительных изменений ценовых показателей, полученных в результате экспериментальных расчетов с использованием системы динамических моделей, по относительным изменениям долей выпуска товаров и услуг отраслями машиностроения, сельского хозяйства и легкой промышленности в стратегиях развития V1.1–V1.4.

2.2. Относительные изменения финансовых показателей

В системе динамических моделей финансовые показатели представлены расчетными, сберегательными и ссудными счетами таких экономических агентов, как государство, население, отрасли материального производства и кредитно-банковская система, а также международными финансовыми операциями данных экономических агентов, отраженных в платежном балансе. В табл. 2–5 представлены относительные изменения только части этих показателей.

Рассмотрим относительные изменения финансовых показателей экономического агента «Государство». В табл. 2 они представлены относительными изменениями величин доходов и сальдо доходов и расходов консолидированного бюджета, величин государственных займов и объемов их обслуживания, а также величин внутреннего государственного долга.

Доходы консолидированного бюджета в стратегиях развития V1.1–V1.4 в 2010–2015 гг., как правило, увеличиваются относительно их значений в базовой стратегии V1.0. Однако, эти относительные увеличения незначительны и лежат в диапазоне от 0,22 до 4,20%. Изменения отраслевой структуры производства в стратегиях развития V1.1–V1.4 приводят и к относительным изменениям величин изъятия денежных средств с расчетного счета государства. Динамика этих относительных изменений во всех

вариантах стратегий развития имеет ярко выраженный колебательный характер и обусловлена главным образом изменением отдельных статей расходов бюджета таких, как, например, текущие расходы государства, расходы по обслуживанию государственных кредитов и займов, расходы, связанные с притоком рублевых и валютных вкладов на депозитных счетах государства в отечественных банках и ряда других статей расходов. Например, величины относительных изменений текущих расходов государства могут принимать по годам расчетного периода как положительные, так и отрицательные значения, однако в абсолютном выражении для них характерна тенденция к снижению во всех вариантах стратегии развития.

Таблица 2

Изменение финансовых показателей деятельности
экономического агента «Государство» в «структурных» вариантах V1.1–V1.4
стратегии развития российской экономики в 2005–2015 гг.
(% относительно значений этих показателей в базовом варианте стратегии V1.0)

Показатели	Варианты стратегии	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Доходы консолидированного бюджета	V1.1	-0,09	-0,81	-0,32	2,37	2,05	2,29	3,12
	V1.2	-0,05	0,24	0,26	0,34	0,32	0,33	0,26
	V1.3	-0,09	0,22	0,82	1,71	1,45	1,68	1,48
	V1.4	-0,14	1,49	4,20	1,61	0,47	1,07	-1,01
Профицит, (дефицит) консолидированного бюджета	V1.1	-0,63	6,76	-10,86	359,91	-51,00	-157,00	-238,51
	V1.2	-0,32	-2,05	8,76	51,77	-7,84	-22,94	-20,17
	V1.3	-0,62	-1,83	27,46	259,68	-36,11	-115,29	-113,17
	V1.4	-0,99	-12,50	141,37	244,13	-11,69	-73,21	76,99
Государственные займы	V1.1	0,00	6,76	0,00	0,00	-51,00	-100,00	-99,60
	V1.2	0,00	-2,05	0,00	0,00	-7,84	-22,94	-20,17
	V1.3	0,00	-1,83	0,00	0,00	-36,11	-100,00	-99,60
	V1.4	0,00	-12,50	0,00	-3,93	-11,69	-73,21	76,99
Обслуживание займов	V1.1	0,00	2,41	6,77	0,00	21,26	-51,29	-99,65
	V1.2	0,00	0,54	-2,06	0,00	0,00	-7,86	-22,95
	V1.3	0,00	-0,56	-1,83	0,00	21,26	-36,37	-99,65
	V1.4	0,00	-1,97	-12,51	-3,93	-3,93	-11,70	-73,24
Внутренний государственный долг	V1.1	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,00	-3,93	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00

Динамика относительных изменений величин доходов и расходов государства определяет и динамику относительных изменений величин профицита (дефицита) консолидированного бюджета государства по годам расчетного периода. Так, в 2013–2015 гг. во всех вариантах стратегии развития наблюдаются отрицательные относительные изменения профицита консолидированного бюджета (с -7,84% в 2013 г. в стратегии V1.2 до -238,51% в 2015 г. в стратегии V1.1). Для периода 2005–2012 гг. характерна иная картина относительных изменений дисбаланса бюджета. Здесь в основном отмечаются относительные изменения дефицита консолидированного бюджета. В 2005 и

2010 г. его относительные изменения во всех вариантах стратегии развития имеют, как правило, отрицательные значения, а для двух лет периода 2011–2012 гг. величины этих изменений, в основном, положительные и располагаются в диапазоне от 8,75% (в стратегии V1.2) до 359,9% (в стратегии V1.1).

Основным источником покрытия дефицита консолидированного бюджета являются государственные займы. Относительные значения этих показателей в 2013–2015 гг., как и следовало ожидать, в виду профицита консолидированного бюджета резко снижаются с –7,84% в 2013 г. в стратегии V1.2 до –100% в 2014 г. в стратегиях V1.1 и V1.3. В 2005–2012 гг. относительные изменения величины государственных займов в абсолютном выражении во всех вариантах стратегий развития не превышают 12,5%.

Относительные изменения величины обслуживания государственных займов таковы: в 2014–2015 гг. во всех четырех вариантах стратегии развития они имеют отрицательную направленность и изменяются с –7,85% в стратегии V1.2 до –99,6% в стратегии V1.1. Для периода 2005–2012 гг. динамика этих изменений разнонаправлена: от –0,56% в стратегии V1.3 до 6,77% в стратегии V1.1.

Что же касается относительных изменений показателя внутреннего государственного долга, то они во всех вариантах стратегии развития принимают значения близкие к нулевым, так как объем внутреннего государственного долга во всех четырех вариантах стратегии развития V1.1–V1.4 сохраняется на уровне его значений в базовом варианте стратегии V1.0.

По результатам модельных расчетов, представленных в табл. 2, можно сделать вывод об эластичности изменения в 2012–2015 гг. профицита (дефицита) консолидированного бюджета и величины государственных займов в стратегиях V1.1–V1.4, а также эластичности изменения величины обслуживания займов в стратегиях V1.1 и V1.3 в 2012–2015 и в стратегии V1.2 в 2015 г. Показатели эластичности для них превышают единицу. Для периода 2005–2011 гг. изменения этих показателей по изменениям долей выпуска товаров и услуг отраслями приоритетного развития в 2012–2015 гг. не эластичны.

Динамика относительных изменений финансовых показателей деятельности экономического агента «Население» представлена относительными изменениями номинальных доходов и расходов населения, сбережений населения и долга населения банковской системе (см. табл. 3).

Доходы и расходы населения в 2005–2015 гг. во всех вариантах стратегии развития, как правило, увеличиваются относительно их значений в базовой стратегии V1.0. Однако, этот относительный рост незначителен и изменяется для доходов населения от минимального значения 0,01% в 2010 г. в стратегии V1.3 до максимального значения 1,1% в 2015 г. в стратегии V1.1, а для расходов населения от минимального значения 0,002% в 2010 г. в стратегии V1.3 до максимального значения 0,32% в 2015 г. в стратегии V1.1. Исключение составляют относительно изменения расходов населения в стратегии

V1.4: в 2012–2015 гг эти расходы уменьшаются относительно их значений в стратегии V1.0 в диапазоне от 1,1 до 3,33%.

Таблица 3

Изменение финансовых показателей деятельности
экономического агента «Население» в вариантах V1.1–V1.4 стратегии
развития российской экономики в 2005–2015 гг.
(% относительно значений этих показателей в базовом варианте стратегии V1.0)

Показатели	Варианты стратегии	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Доходы	V1.1	0,00	-0,11	0,03	0,83	0,63	0,69	1,11
	V1.2	0,00	0,05	0,05	0,09	0,07	0,08	0,08
	V1.3	0,00	0,01	0,16	0,50	0,39	0,44	0,45
	V1.4	-0,02	0,24	0,95	1,09	0,66	0,83	0,60
Расходы	V1.1	0,56	-0,10	0,01	0,21	0,10	0,11	0,32
	V1.2	-0,56	0,01	0,30	0,01	0,01	0,01	0,01
	V1.3	0,12	0,00	-0,03	0,08	0,06	0,07	0,07
	V1.4	-0,99	0,04	0,06	-1,10	-3,33	-2,54	-2,73
Сбережения	V1.1	1,80	-0,60	0,18	6,49	5,02	6,77	7,88
	V1.2	-1,81	1,82	-1,85	0,82	0,59	0,66	0,70
	V1.3	0,39	-0,26	1,64	4,40	3,09	3,44	3,79
	V1.4	-3,21	0,80	7,75	21,11	33,40	28,02	29,40
Долг банковской системе	V1.1	3,51	2,30	3,42	3,42	3,42	5,74	3,66
	V1.2	-3,52	1,03	-3,07	-3,07	-3,07	-3,07	-3,07
	V1.3	0,76	-0,16	0,67	0,67	0,67	0,67	0,67
	V1.4	-6,20	-6,79	-5,77	-5,77	-5,77	-5,77	-5,77

Незначительные относительные изменения наблюдаются также и в величинах показателей сбережений населения и долга населения банковской системе. По абсолютной величине они не превышают 7,88% для сбережений населения и 5,77% для показателя долга населения банковской системе. Однако, в стратегии V1.4 в 2012–2015 гг. мы отмечаем и достаточно высокие проценты относительных изменений сбережений населения (21,1–33,40%).

Из сказанного можно сделать вывод о незначительной чувствительности относительных изменений финансовых показателей экономического агента «Население» к относительным изменениям долей выпуска товаров и услуг машиностроения, легкой промышленности и сельского хозяйства в совокупном выпуске отраслей материального производства во всех вариантах V1.1–V1.4 стратегии развития. Исключение составляют сбережения населения в 2012–2015 гг. в стратегии развития V1.4: эластичности изменения этого показателя по изменению долей выпуска товаров и услуг группой отраслей (машиностроение, легкая промышленность и сельское хозяйство) превосходят единицу.

Относительные изменения финансовых показателей совокупности отраслей материального производства в стратегиях развития V1.1–V1.4 по годам расчетного периода 2005–2015 гг. представлены в табл. 4.

Таблица 4

Изменение финансовых показателей деятельности совокупности
отраслей материального производства в вариантах V1.1–V1.4
стратегии развития российской экономики периода 2005–2015 гг.
(% к значению этих показателей в базовом варианте стратегии V1.0)

Показатели	Варианты стратегии	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Доходы	V1.1	-0,03	-0,91	0,76	3,13	2,60	2,88	2,66
	V1.2	-0,01	0,59	0,44	0,18	0,44	-0,04	0,11
	V1.3	-0,03	0,61	1,35	1,52	1,30	1,27	1,14
	V1.4	-0,06	1,88	3,94	1,50	0,38	-0,34	-1,60
Расходы	V1.1	-0,05	-0,41	0,85	4,07	2,40	3,25	3,55
	V1.2	-0,02	0,38	0,37	0,42	0,14	0,08	0,13
	V1.3	-0,04	0,65	1,55	2,22	1,20	1,23	1,01
	V1.4	-0,25	2,15	6,05	4,62	2,84	2,93	1,55
Сбережения	V1.1	0,54	-0,20	-2,03	-7,12	1,99	-2,33	-3,68
	V1.2	0,22	1,62	0,60	-2,63	1,67	-0,04	1,20
	V1.3	0,43	0,11	-1,48	-5,68	0,90	-0,07	1,98
	V1.4	0,86	5,04	-4,12	-16,26	-14,23	-11,57	-17,95
Долг банковской системе	V1.1	-0,16	34,77	-0,09	-21,53	-20,89	-39,88	-7,26
	V1.2	-0,08	-1,99	-1,76	-6,44	-7,91	2,86	18,52
	V1.3	-0,16	0,29	-10,37	-16,37	-13,52	-15,79	4,06
	V1.4	-0,16	49,54	58,13	30,05	30,90	47,71	91,08

Финансовые показатели каждой из восемнадцати отраслей, представленных в системе моделей, характеризуются расчетными, сберегательными и ссудными счетами этой отрасли. В данной работе мы не будем давать описание относительных изменений данных счетов для каждой отрасли из-за большого объема такого рода информации. Ограничимся иллюстрацией динамики относительных изменений отдельных наиболее важных показателей таких, как доходы, расходы, сбережения и долг банковской системе для всей совокупности отраслей материального, построенных на основе отраслевых финансовых показателей.

Результаты модельных расчетов показывают, что для вариантов V1.1–V1.4 стратегии развития характерны незначительные относительные изменения как доходов, так и расходов совокупности отраслей материального производства. По абсолютной величине они не превышают 6,05%. При этом относительные изменения расходов, как правило, превосходят по абсолютной величине относительные изменения доходов во всех вариантах стратегии развития и всех годах расчетного периода, кроме 2005 и 2013 гг.

Следствием такой динамики относительных изменений доходов и расходов являются незначительные по абсолютной величине разнонаправленные относительные изменения как величины сбережений, так и величины долга банковской системе отраслей материального производства. Например, в стратегии V1.1, как видно из представленных данных, показатель относительных изменений сбережений уменьшается с 0,19 в 2010 до 3,68% в 2015 г. и увеличивается с 0,54 в 2005 до 1,99% в 2013 г.

Разнонаправленно изменяются и относительные величины показателя долга совокупности отраслей материального производства банковской системе: они принимают отрицательные значения и изменяются с $-0,08$ в 2005 до $-7,26\%$ в 2015 г. и принимают положительные значения в 2010–2015 гг. в стратегии V1.4 (с 30,05 до 91,08%).

Из данных табл. 4 видно, что наиболее чувствительными к изменениям отраслевой структуры производства являются показатели долга банковской системе отраслей материального производства в стратегии развития V1.4. Эластичность изменения этих показателей по изменениям доли производства товаров и услуг группой приоритетных отраслей (машиностроения, легкой промышленности, сельского и лесного хозяйства) в совокупном выпуске отраслей материального производства в данном варианте стратегии развития в 2010–2015 гг. значительно превышает единицу.

Таблица 5

Изменение финансовых показателей деятельности
кредитно-банковской системы в вариантах V1.1–V1.4
стратегии развития российской экономики периода 2005–2015 гг.
(% к значению этих показателей в базовом варианте стратегии V1.0)

Показатели	Варианты стратегии	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>Доходы</i>	V1.1	1,54	6,34	1,00	2,65	0,15	-0,86	-0,22
	V1.2	-1,57	1,64	1,88	-0,89	-1,00	-1,25	-0,16
	V1.3	0,32	0,01	-1,10	-0,34	-0,45	-2,48	-2,51
	V1.4	-3,52	5,50	14,93	26,43	32,16	34,42	30,36
<i>Расходы</i>	V1.1	1,21	5,80	0,88	2,39	0,13	-0,80	-0,21
	V1.2	-1,23	1,50	1,67	-0,80	-0,91	-1,16	-0,15
	V1.3	0,25	0,01	-0,98	-0,30	-0,42	-2,29	-2,32
	V1.4	-2,76	5,04	13,22	23,78	29,53	31,76	28,00
<i>Резервы</i>	V1.1	0,42	-0,23	-0,20	0,38	0,82	1,38	1,93
	V1.2	-0,42	0,37	0,18	0,24	0,27	0,31	0,35
	V1.3	0,09	-0,06	0,09	0,46	0,71	0,97	1,21
	V1.4	-0,74	0,29	0,92	2,69	5,61	7,70	9,57
<i>Собственный капитал</i>	V1.1	1,12	3,60	4,33	5,61	7,14	11,30	34,36
	V1.2	-1,16	-2,14	-2,94	-3,60	-4,82	-7,74	-20,71
	V1.3	0,22	0,90	1,10	1,52	1,84	2,54	7,98
	V1.4	-2,06	-2,79	-1,59	1,89	9,23	18,82	58,82

Относительные изменения показателей финансового состояния кредитно-банковской системы представлены относительными изменениями поступлений (доходов) и изъятий (расходов) денежных средств, а также относительными изменениями приростов собственного капитала и резервных активов банковской системы (см. табл. 5). Динамика изменения поступления денежных средств обусловлена в системе моделей изменениями объемов возврата кредитов и учетом начисленных процентов и приростов депозитных вкладов. Изменения этих величин в стратегиях развития V1.1–V1.3 относительно их значений в базовой стратегии V1.0 по годам расчетного периода в абсолютном выражении не превосходит 6,34%, что свидетельствует об неэластичности

изменения этих показателей по изменениям долей выпуска товаров и услуг отраслями приоритетного развития в данных вариантах стратегии развития.

В стратегиях V1.4 положительные относительные изменения поступлений денежных средств в банковскую систему в 2012–2015 гг. принимают более высокие значения по абсолютной величине (от 26,43 до 34,42%), что говорит об их большей чувствительности к относительным изменениям долей выпуска товаров и услуг группой отраслей приоритетного развития.

Динамика изменения объемов изъятий денежных средств из банковской системы в системе моделей связана с динамикой выдачи кредитных ресурсов экономическим агентам. По данным таблицы 5 относительные изменения этого показателя в абсолютном выражении в стратегиях V1.1–V1.3 сравнительно невелики и составляют в 2005–2015 гг. не более 5,80%. Однако в стратегии V1.4 в 2012–2015 гг. они принимают достаточно большие положительные значения (до 31,7%), что говорит об эластичности изменения этого показателя в данном периоде по изменениям отраслевой структуры в стратегии V1.4.

Относительные изменения прироста собственного капитала банковской системы зависят в системе моделей от относительных изменений приростов ее прибыли и резервных активов. Во всех вариантах стратегии развития относительные изменения этих показателей не превышают в абсолютном выражении 11,30%. Исключение составляют их относительные изменения в 2015 г. в стратегиях V1.1, V1.2 и V1.4 (в абсолютном выражении не менее 20,71%) и в 2014 г. в стратегии V1.4 (до 18,82%). Величины относительных изменений прироста резервных активов в абсолютном выражении во всех вариантах стратегий развития составляют не более 9,56% и, следовательно, их изменения по соответствующим изменениям отраслевой структуры производства в стратегиях V1.1–V1.4 неэластичны.

2.3. Относительные изменения показателей воспроизводственной деятельности отраслей материального производства

Данные изменения представлены в таблице 6 динамикой относительных изменений объемов реального выпуска товаров и услуг, объемов использования среднегодового основного капитала, объемов вводов основного капитала, объемов финансовых источников расширенного воспроизводства основного капитала (чистой прибыли отраслей, государственных инвестиций, кредитных вложений, иностранных инвестиций), объемов капитальных затрат на простое и расширенное воспроизводство основного капитала, объемов реального конечного потребления населением товаров и услуг, объемов запасов государственных резервов и материальных оборотных средств, объемов затрат трудовых ресурсов, а также динамикой относительных изменений показателей добавленной стоимости и валового внутреннего продукта российской экономики.

Таблица 6

Изменение показателей воспроизводственной деятельности совокупности
отраслей материального производства в вариантах V1.1–V1.4
стратегии развития российской экономики периода 2005–2015 гг.
(% к значению этих показателей в базовом варианте стратегии V1.0)

Показатели	Варианты стратегии	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Выпуск товаров и услуг (в реальном выражении, в ценах 1991г)	V1.1	0,00	-0,07	0,39	1,74	1,57	1,78	2,12
	V1.2	0,00	0,40	0,49	0,76	0,76	0,81	0,83
	V1.3	0,00	0,03	0,53	1,27	1,28	1,22	1,67
	V1.4	-0,30	0,61	3,19	1,83	1,84	2,09	2,03
Среднегодовой основной капитал (в сметных ценах 1991 г.)	V1.1	0,00	-2,93	-3,02	1,88	1,76	2,05	6,01
	V1.2	0,00	0,27	0,13	0,17	0,16	0,17	0,17
	V1.3	0,00	0,03	0,40	0,95	0,98	0,91	1,16
	V1.4	-0,04	-2,16	0,77	-1,20	-1,36	-1,42	-1,77
Ввод основного капитала (в сметных ценах 1991 г.)	V1.1	0,00	-44,94	-4,69	100,34	-1,16	8,91	81,30
	V1.2	0,00	10,21	-2,21	0,97	0,09	0,25	0,19
	V1.3	0,00	0,00	6,58	12,12	2,08	0,16	6,15
	V1.4	-0,17	-38,74	50,20	-40,31	-4,72	-1,74	-7,78
Капитальные затраты на простое воспроизводство основного капитала (в текущих ценах)	V1.1	0,00	-2,70	-2,75	1,68	1,56	1,73	4,33
	V1.2	0,00	0,23	0,10	0,13	0,12	0,13	0,13
	V1.3	0,00	0,03	0,33	0,78	0,80	0,74	0,96
	V1.4	-0,05	-1,73	0,54	-1,82	-2,00	-2,17	-2,34
Капитальные затраты на расширенное воспроизводство основного капитала (в текущих ценах)	V1.1	0,00	-23,50	38,06	47,27	2,95	33,42	5,11
	V1.2	0,00	3,06	-0,99	0,22	0,08	0,11	0,01
	V1.3	0,00	4,50	13,47	9,69	1,69	2,53	0,32
	V1.4	0,32	4,68	10,24	-17,92	-2,69	-5,87	-0,68
Конечное потребление населением товаров и услуг отраслей материального производства (в реальном выражении, в ценах 1991 г.)	V1.1	0,00	0,03	1,61	4,21	5,18	4,96	6,02
	V1.2	0,00	1,06	0,96	1,86	1,82	3,07	1,99
	V1.3	0,00	0,18	1,91	4,42	4,93	5,68	4,40
	V1.4	-1,81	2,13	8,15	11,53	13,87	14,59	13,77
Материальные оборотные средства и запасы государственных резервов (в реальном выражении, в ценах 1991 г.)	V1.1	0,00	-3,05	45,92	0,64	3,94	49,21	-3,06
	V1.2	0,00	-0,15	53,89	-29,59	-29,74	-2,21	0,71
	V1.3	0,00	-2,97	0,27	-31,88	-35,45	30,51	1,11
	V1.4	-0,34	-2,33	6,28	-43,33	-34,29	31,28	-7,44
Затраты трудовых ресурсов:	V1.1	0,00	-0,14	0,73	3,53	3,09	3,47	5,25
	V1.2	0,00	0,77	0,43	0,65	0,64	0,66	0,66
	V1.3	0,00	0,06	1,55	3,79	3,80	3,74	4,39
	V1.4	-0,31	1,20	6,38	5,36	5,33	5,60	5,25
Добавленная стоимость	V1.1	0,00	-0,02	-0,02	0,00	0,00	-0,01	-0,01
	V1.2	-0,04	0,26	0,26	0,39	0,34	0,39	0,35
	V1.3	-0,08	0,18	0,85	2,02	1,69	1,99	1,83
	V1.4	-0,19	1,46	4,72	2,79	1,33	2,07	0,06
Валовой внутренний продукт	V1.1	0,00	-0,01	-0,01	0,00	0,00	-0,01	-0,01
	V1.2	-0,04	0,25	0,25	0,37	0,32	0,37	0,33
	V1.3	-0,07	0,18	0,81	1,88	1,58	1,86	1,71
	V1.4	-0,18	1,44	4,51	2,52	1,11	1,83	-0,08

В абсолютном выражении во всех вариантах стратегии развития относительные изменения данных показателей, как правило, не превышают 14,59%. Исключение составляют относительные изменения численных значений следующих показателей:

а) вводы основного капитала: в 2010 г. в стратегиях V1.1 (–44,94%) и V1.4 (–38,73%); в 2011 г. в стратегии V1.4 (50,20%); в 2012 г. в стратегиях V1.1 (100,33%) и V1.4 (–40,31%); в 2015 г. в стратегии V1.1 (81,30%);

б) капитальные затраты на расширенное воспроизводство основного капитала: в 2010 г. в стратегии V1.1 (–23,50%), в 2011 г. в стратегии V1.1 (38,06%), в 2012 г. в стратегиях V1.1 (47,27%) и V1.4 (–17,92%);

в) государственные инвестиции в расширенное воспроизводство основного капитала: в стратегии V1.1 в 2010 г. (–42,48%), в 2011 г. (38,25%), в 2012 г. (54,52%), в 2014 г. (62,28%); в стратегии V1.4 в 2012 г. (–27,73%);

г) кредитные вложения в расширенное воспроизводство основного капитала: в стратегии V1.1 в 2010 г. (43,50%), в 2011 г. (–23,66%), в 2012 г. (–29,21%), в 2014 г. (–46,41%); в стратегии V1.4 в 2010 г. (55,71%), в 2011 г. (54,51%), в 2013 г. (30,17%), в 2014 г. (79,57%) и в 2015 г. (73,93%);

д) материальные оборотные средства и запасы государственных резервов: в 2011 г. в стратегиях V1.1 (45,92%) и V1.2 (53,89%); в 2012 г. в стратегиях V1.2 (–29,58%), V1.3 (–31,88%) и V1.4 (–43,33%); в 2013 г. в стратегиях V1.2 (–29,74%), V1.3 (–35,45%) и V1.4 (–34,28%); в 2014 г. в стратегиях V1.1 (49,21%), V1.3 (30,51%) и V1.4 (31,28%).

Изменения этих показателей для указанных лет расчетного периода и указанных вариантов стратегий развития по изменениям долей производства товаров и услуг отраслями приоритетного развития в стратегиях V1.1–V1.4 могут быть отнесены к эластичным.

Отметим также, что хотя данные табл. 6 и показывают для ряда лет в стратегиях развития V1.1–V1.4 относительный рост реального выпуска товаров и услуг, среднегодового капитала, капитальных затрат на простое воспроизводство основного капитала, объемов конечного потребления населением товаров и услуг, затрат трудовых ресурсов, а также относительный рост добавочной стоимости и валового внутреннего продукта, однако, этот рост является сравнительно небольшим (в пределах от 0,0001% до 14,58%) и не позволяет говорить об эластичности изменения данных показателей по изменением долей выпуска товаров и услуг отраслями приоритетного развития в соответствующих вариантах стратегий развития. Аналогичное замечание можно сделать для показателей с отрицательными значениями их относительных изменений.

2.4. Относительные изменения показателей внешней торговли

В табл. 7 представлена динамика изменений показателей экспорта и импорта товаров и услуг и сальдо торгового баланса в стратегиях развития V1.1–V1.4 относительно значений этих показателей в стратегии V1.0 в 2005–2015 гг. В абсолютном

выражении они не превышают 5,89%, что говорит об неэластичности их изменений по вариантам изменения отраслевой структуры производства.

Таблица 7

Изменение показателей внешней торговли в вариантах V1.1–V1.4 стратегии развития российской экономики периода 2005–2015 гг. (% к значению этих показателей в базовом варианте стратегии V1.0)

Показатели	Варианты стратегии	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Экспорт товаров	V1.1	0,00	-0,01	-0,01	0,00	0,00	-0,01	-0,01
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,00	0,11	0,11	0,12	0,12	0,11	0,11
Импорт товаров	V1.1	0,00	-0,01	-0,01	0,00	0,00	-0,01	-0,01
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	-0,01	0,13	0,13	-1,89	-4,98	-3,43	-3,19
Сальдо торгового баланса	V1.1	0,00	-0,01	-0,01	0,00	0,00	-0,01	-0,01
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,00	0,08	0,08	2,42	5,89	3,90	3,99

Выделим теперь из всего перечня макроэкономических показателей, представленных в табл. 1–7, те из них, значения которых наиболее чувствительны к относительным изменениям отраслевой структуры материального производства. Таковыми являются:

- финансовые показатели: сальдо доходов и расходов консолидированного бюджета, государственные займы и обслуживание государственных займов, сбережения населения, сбережения отраслей материального производства и их долг банковской системе, доходы, расходы и собственный капитал кредитно-банковской системы;
- вводы основного капитала и капитальные затраты в расширенное воспроизводство основного капитала отраслей материального производства;
- материальные оборотные средства и запасы государственных резервов.

Относительные изменения каждого из этих этих показателей в среднем за расчетный период не меньше величин относительных изменений долей производства товаров и услуг отраслей приоритетного развития при смене базового варианта V1.0 стратегии развития на один из четырех «структурных» вариантов V1.1–V1.4.

3. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ОТРАСЛЕВОЙ СТРУКТУРЫ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И ИНВЕСТИЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СФЕРЫ МАТЕРИАЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА В СТРАТЕГИЯХ РАЗВИТИЯ V1.1–V1.4

С целью более компактного изложения числового материала относительные изменения отраслевой структуры показателей воспроизводственной деятельности совокупности отраслей материального производства в стратегиях развития V1.1–V1.4 будем

рассматривать не по всем восемнадцати отраслям, а в разрезе шести структурообразующих групп отраслей:

- сырьевые отрасли (нефтегазовая, угольная и прочая топливная промышленность, химическая и нефтехимическая промышленность, черная и цветная металлургия, лесная, деревообрабатывающая и целлюлозно-бумажная промышленность);
- обрабатывающие отрасли (машиностроение, промышленность строительных материалов, легкая, пищевая и прочие отрасли обрабатывающей промышленности);
- сельское и лесное хозяйство;
- строительство;
- торговля, материально-техническое снабжение и заготовки;
- инфраструктурные отрасли (электроэнергетика, транспорт и связь).

3.1. Относительные изменения отраслевой структуры выпуска товаров и услуг

На рис. 1–3 представлены графики изменения долей трех структурообразующих групп отраслей («сырьевые отрасли», «обрабатывающие отрасли», «сельское хозяйство») в совокупном выпуске товаров и услуг отраслями материального производства в стратегиях развития V1.1–V1.4 относительно значения этих долей в базовой стратегии V1.0.

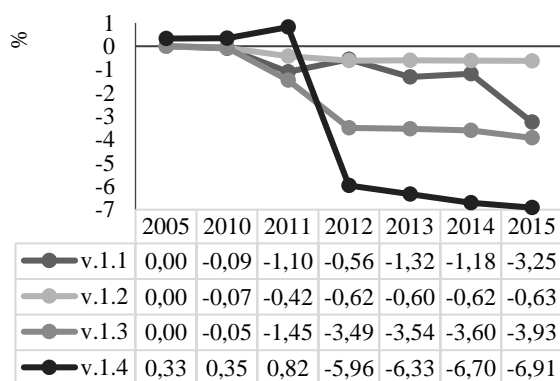

Рис. 1. Сырьевые отрасли

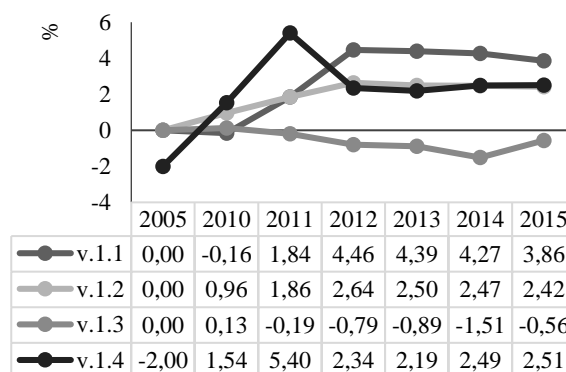

Рис. 2. Обрабатывающие отрасли

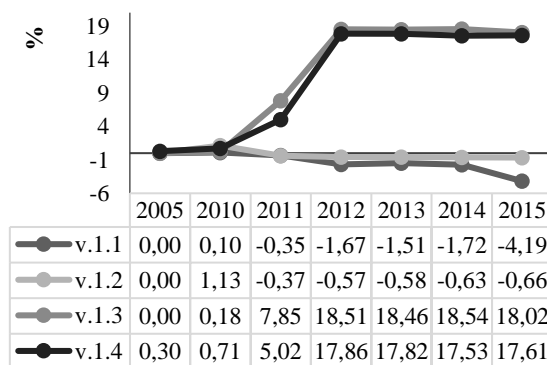

Рис. 3. Сельское хозяйство

Из рис. 1. видно, что относительное увеличение долей выпуска продукции машиностроения, легкой промышленности, сельского и лесного хозяйства в стратегиях V1.1–V1.4 на 18–19% в 2012–2015 гг. приводит к относительному снижению, хотя и незначительному, доли группы «сырьевых отраслей». Наибольшее снижение наблюдается в стратегии V1.4 с приоритетным развитием группы из трех отраслей: машиностроения, легкой промышленности, сельского и лесного хозяйства (от 5,96 в 2012 до 6,91% в 2015 г.) и в стратегии V1.3 с приоритетным развитием сельского и лесного хозяйства (от 3,49 в 2012 до 3,93% в 2015 г.).

Относительные изменения доли группы «обрабатывающих отраслей» имеют тенденцию к увеличению: в стратегии V1.1 с –0,16 до 4,46%, в стратегии V1.2 с 0,96 до 2,64% и в стратегии V1.4 с –2,0 до 5,4%. В стратегии V1.3 величина доли этой группы отраслей, как и следовало ожидать, уменьшается и в 2014 г. она снизилась на 1,51% (рис. 2).

Доля выпуска продукции группы отраслей «сельское и лесное хозяйство» в стратегиях V1.1 и V1.2 относительно значения этой доли в базовой стратегии V1.0 снижается. Так в стратегии V1.1 она снизилась с 0,35 в 2011 до 4,19% в 2015 г., а в стратегии V1.2 с 0,37 в 2011 до 0,65% в 2015 г. В стратегиях V1.3 и V1.4, наоборот, наблюдается значительное относительное увеличение этой доли (до 18,59% в 2014 г. в стратегии V1.3 и до 17,86% в 2012 г. в стратегии V1.4) (рис. 3).

Что же касается относительных изменений долей выпуска продукции трех других групп отраслей («строительство», «торговля, МТС и заготовки» и «инфраструктурные отрасли»), то они близки к нулевым значениям во всех рассматриваемых вариантах стратегии развития. Это говорит о малой чувствительности относительных изменений их долей выпуска к относительным увеличениям долей выпуска продукции отраслями приоритетного развития.

3.2. Относительные изменения отраслевой структуры выпуска товаров и услуг на вновь вводимых мощностях

Доля выпуска товаров и услуг группой «сырьевых отраслей» на вновь вводимых мощностях во всех вариантах стратегии развития, как правило, снижается относительно ее значений в базовой стратегии V1.0. Наибольшее снижение наблюдается в стратегии V1.4 в 2012 г. (на 63,1%) (рис. 4).

Для группы «обрабатывающих отраслей» относительные изменения долей ее выпуска на вновь вводимых мощностях в стратегиях V1.1 и V1.2 имеют как положительные, так и отрицательные значения (рис. 5). Наибольшие относительные увеличения этих долей отмечаются в стратегии V1.1 в 2010 г. (19,12%) и в стратегии V1.2 в 2011 г. (16,19%). В стратегиях V1.3 и V1.4 доли выпуска продукции на вновь вводимых мощностях относительно их значений в базовой стратегии V1.0 уменьшаются. Наибольшие уменьшения отмечаются в 2012 г. на 16,41% в стратеги V1.3 и на 47,42% в стратегии V1.4.

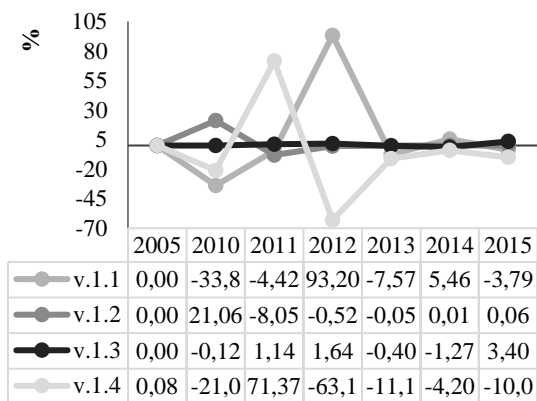

Рис. 4. Сырьевые отрасли

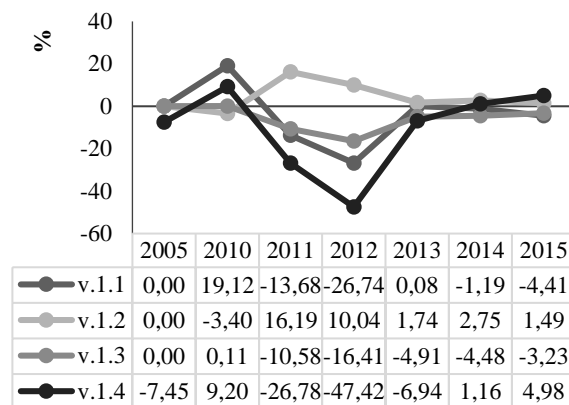

Рис. 5. Обрабатывающие отрасли

Доли выпуска продукции группы отраслей «сельское и лесное хозяйство» на вновь вводимых мощностях в стратегиях V1.3 и V1.4 в 2012–2015 гг. значительно превышает их значения в базовой стратегии V1.0. Относительные увеличения этих долей в стратегии V1.3 лежат в диапазоне от 3,48 до 58,56%, а в стратегии V1.4 от 18,89 до 102,9%. В стратегиях V1.1 и V1.2 относительные изменения долей выпуска товаров и услуг этой группы отраслей на вновь вводимых мощностях имеют отрицательные значения во всех годах расчетного периода, причем в стратегии V1.1 они значительно меньше, чем в стратегии V1.2 (рис. 6).

Доля «строительства» в совокупном выпуске товаров и услуг на вновь вводимых мощностях во всех вариантах стратегии развития и во всех годах расчетного периода, кроме 2015 г., значительно меньше значения этой доли в стратегии V1.0. Относительное увеличение данной доли отмечается в 2015 г. в стратегиях V1.1–V1.3. Наибольшее увеличение происходит в стратегии приоритетного развития машиностроения (на 159,13%) (рис. 7).

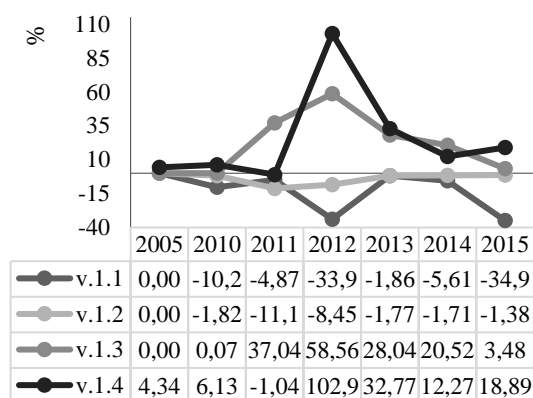

Рис. 6. Сельское хозяйство

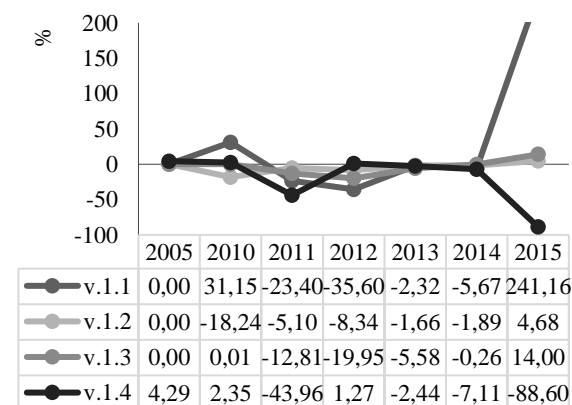

Рис. 7. Строительство

Относительные изменения долей выпуска товаров и услуг группами отраслей «торговля, МТС и заготовки» и «инфраструктурные отрасли» составляют, как правило, отрицательные значения. Исключение представляют «инфраструктурные отрасли», доля которых в стратегии V1.1 в 2014 и 2015 гг. выше их доли в базовой стратегии V1.0 соответственно на 8,43 и 159,13% (рис. 8–9).

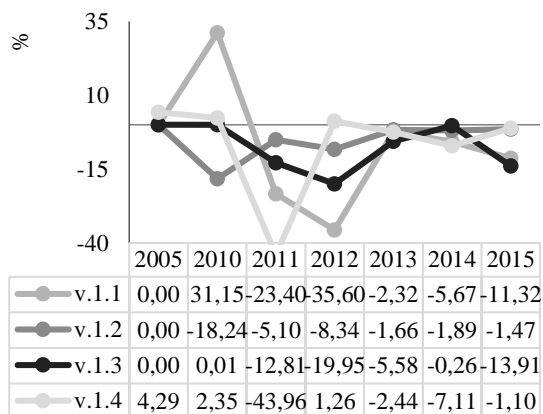

Рис. 8. Торговля, МТС и заготовки

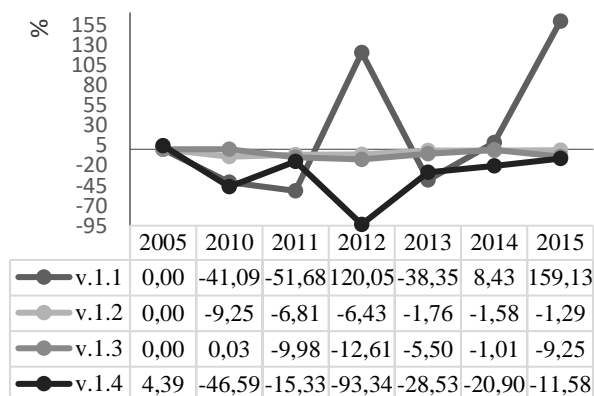

Рис. 9. Инфраструктурные отрасли

3.3. Относительные изменения отраслевой структуры среднегодового основного капитала

Доля среднегодового основного капитала группы «сырьевых отраслей» во всех вариантах стратегии развития для каждого года периода 2010–2015 гг. меньше доли среднегодового основного капитала этой группы отраслей в базовой стратегии V1.0.

Наибольшее относительное снижение этой доли наблюдается в стратегиях V1.1 (до 5,19% в 2015 г.) и V1.4 (до 3,14% в 2012 г.) (рис. 10).

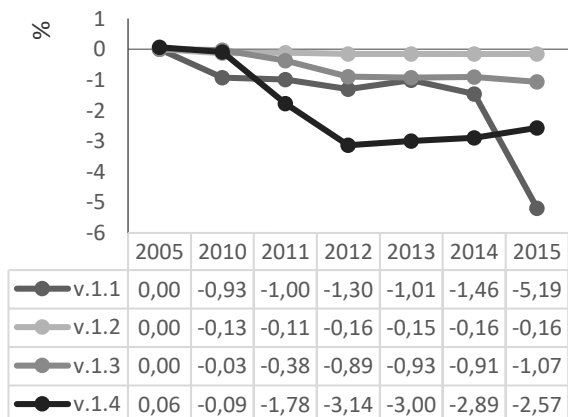

Рис. 10. Сырьевые отрасли

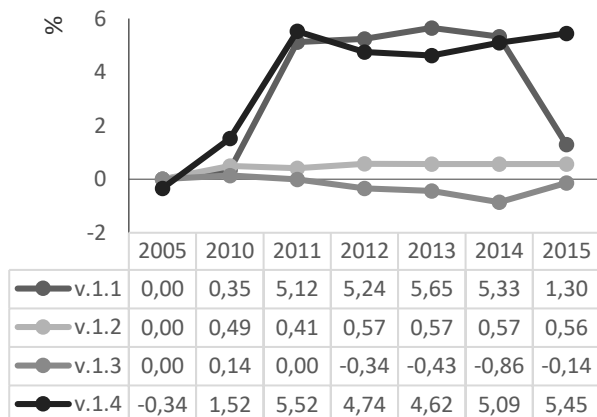

Рис. 11. Обрабатывающие отрасли

Для группы «обрабатывающих отраслей», как видно из рис. 11, обратная картина. Доля среднегодового основного капитала этой группы отраслей в стратегиях V1.1, V1.2 и V1.4 выше этой доли в стратегии V1.0 в каждом году расчетного периода. Наибольшие относительные увеличения данной доли наблюдаются в стратегии V1.1 с приоритетным развитием машиностроения (до 5,65% в 2013 г.) и в стратегии V1.4 с приоритетным развитием трех отраслей: машиностроения, легкой промышленности и сельского хозяйства (до 5,52% в 2011 г.). Доля среднегодового основного капитала группы «обрабатывающих отраслей» в стратегии V1.3 с приоритетным развитием сельского и лесного хозяйства ниже значения этой доли в базовой стратегии V1.0 в среднем на 0,36% для периода 2011–2015 гг.

Относительные изменения доли среднегодового основного капитала группы «сельское и лесное хозяйство» показывают рост этой доли в стратегиях V1.2–V1.4 относительно ее значений в стратегии V1.0 во всех годах расчетного периода. Наибольший рост отмечается в стратегии V1.3 (на 18,89% в 2014 г.) и в стратегии V1.4 (на 22,11% в 2015 г.). Стратегия V1.1 демонстрирует отрицательные значения относительных изменений долей среднегодового основного капитала отрасли «сельское и лесное хозяйство» (рис. 12).

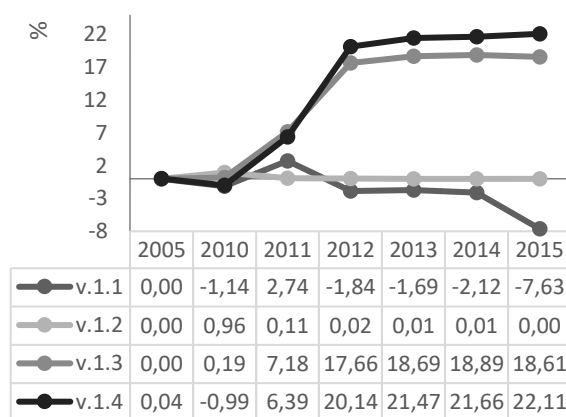

Рис. 12. Сельское хозяйство

Доли среднегодового основного капитала других групп структурообразующих отраслей («торговля, МТС и заготовки», «строительство» и «инфраструктурные отрасли») в стратегиях развития V1.1–V1.4 остаются примерно на том же уровне, что и в базовой стратегии V1.0.

3.4. Относительные изменения отраслевой структуры прибыли отраслей материального производства

В группе «сырьевые отрасли» наблюдается относительное падение доли прибыли в нефтегазовой и угольной отраслях промышленности (рис. 13).

Доля прибыли группы «обрабатывающие отрасли» в стратегиях развития V1.1, V1.2, V1.4 возрастает по годам расчетного периода относительно ее соответствующих значений в стратегии V1.0. Наибольший относительный рост здесь наблюдается в 2012 г. на 8,21% в стратегии V1.1 и на 9,12% в стратегии V1.4 (рис. 14).

Доля прибыли группы «сельское и лесное хозяйство» в стратегиях V1.3 и V1.4 относительно стратегии V1.0 растет и наибольший рост отмечается в 2012 году соответственно на 23,95 и 23,41%. Для стратегий V1.1 и V1.2 относительные изменения доли прибыли этой группы имеют отрицательные значения (не менее –5,87%) (рис. 15).

Доля прибыли «строительства» во всех вариантах стратегии развития падает относительно ее значений в стратегии V1.0. Наибольшее падение отмечается в стратегии V1.1 на 8,4% (рис. 16).

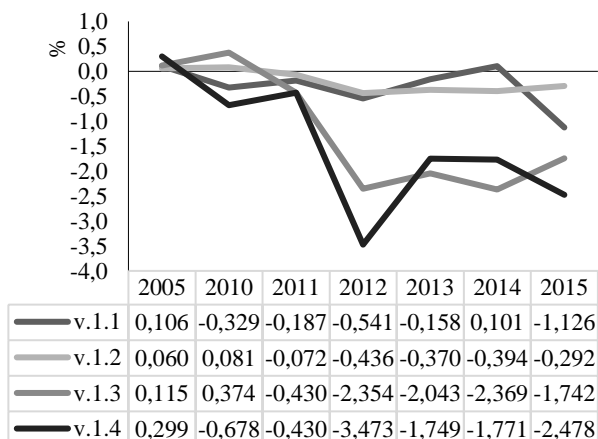

Рис. 13. Сырьевые отрасли

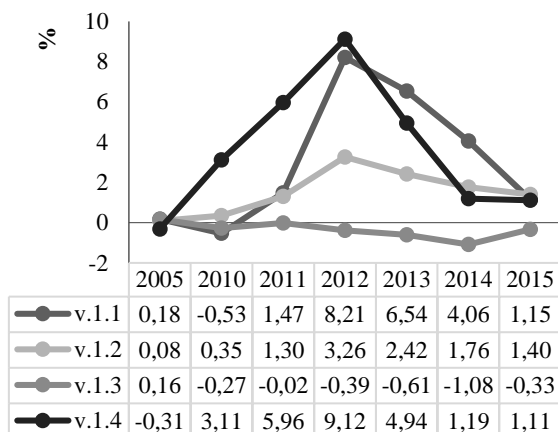

Рис. 14. Обрабатывающие отрасли

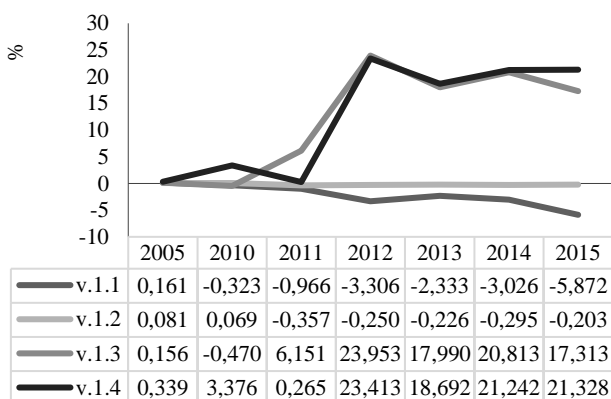

Рис. 15. Сельское хозяйство

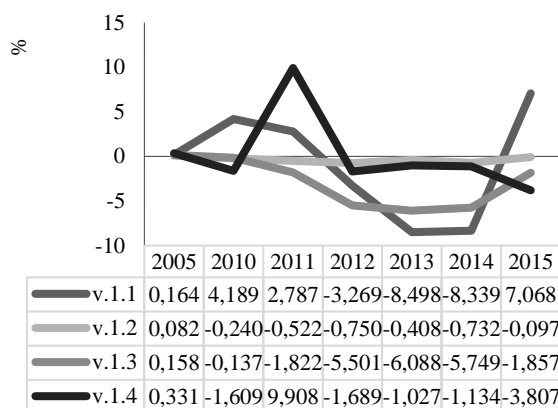

Рис. 16. Строительство

Относительно стратегии V1.0 уменьшаются и доли прибыли в группах отраслей «торговля, МТС и заготовки» (наибольшее падение в стратегии V1.4 на 5,8%) и «инфраструктурные отрасли» (наибольшее падение в стратегии V1.4 в отраслях «электроэнергетика» на 3,75% и «транспорт и связь» на 5,9%) (рис. 17–18).

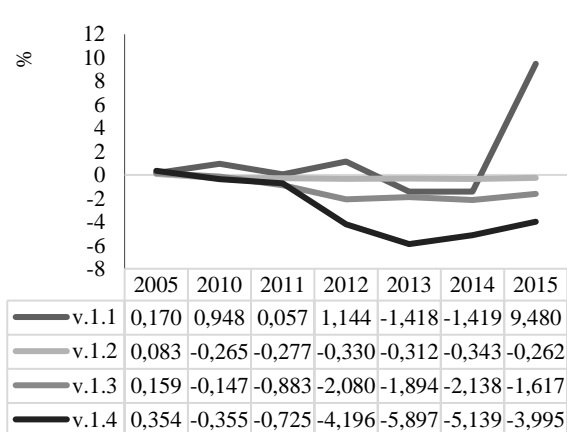

Рис. 17. Торговля, МТС, заготовки

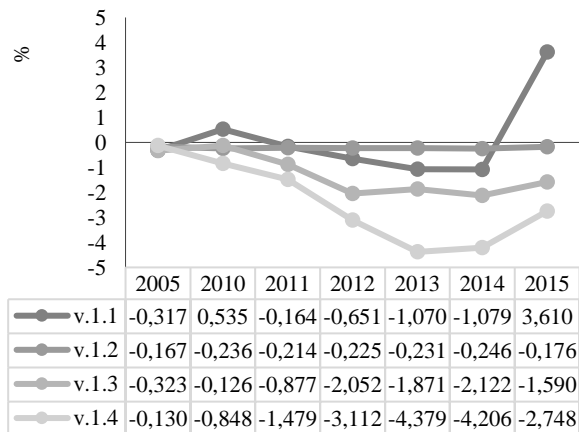

Рис. 18. Инфраструктурные отрасли

3.5. Относительные изменения отраслевой структуры запасов материальных оборотных средств

В 2011–2013 гг. наблюдается относительный рост долей запасов материальных оборотных средств и резервов для всех групп структурообразующих отраслей во всех вариантах стратегии развития (рис. 19–24). Этот рост наиболее значителен в 2013 г. В группе «сырьевых отраслей» он изменяется с 84,9% в стратегии V1.2 до 101,7% в V1.1, в группе «обрабатывающих отраслей» – с 55,02% в стратегии V1.3 до 105,6% в стратегии V1.2, для «сельского и лесного хозяйства» – с 44,2% в стратегии V1.2 до 61,7% в стратегии V1.3, для «строительства» – от 44,2% в стратегии V1.2 до 55,6% в стратегии V1.1, в группе «инфраструктурных отраслей» – с 44,2% в стратегии V1.2 до 75,4% в стратегии V1.4. Структурообразующая группа отраслей «торговля, МТС и заготовки» демонстрирует в период 2005–2015 гг. относительное падение доли запасов материальных оборотных средств и ресурсов (максимальное падение на 27,87% в стратегии V1.2 в 2013 г.). Исключение составляют 2010 и 2014 гг. В стратегиях V1.4 и V1.3 мы видим наибольший относительный рост этой доли в 2014 г. соответственно на 53,33 и 51,83% (рис. 23).

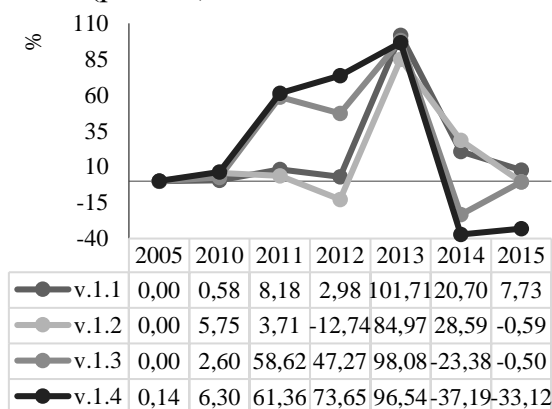

Рис. 19. Сырьевые отрасли

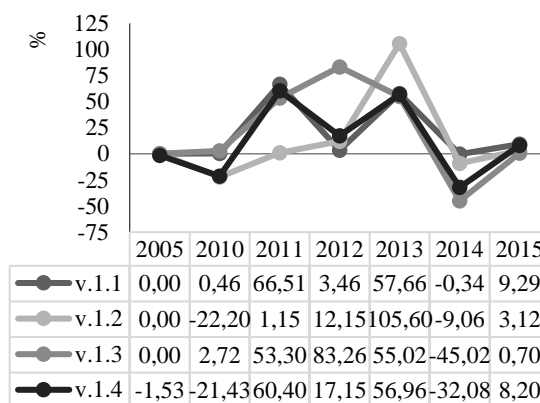

Рис. 20. Обрабатывающие отрасли

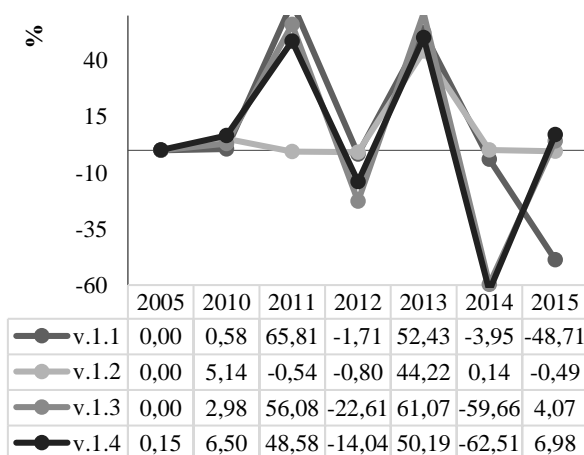

Рис. 21. Сельское хозяйство

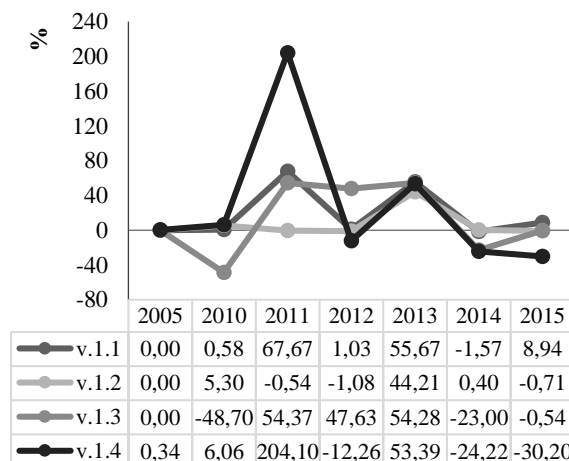

Рис. 22. Строительство

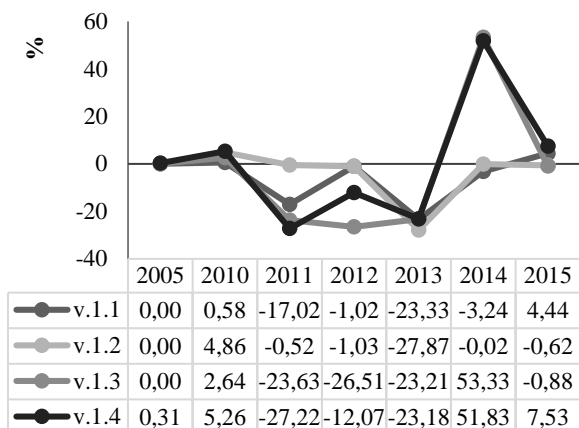

Рис. 23. Торговля, МТС, заготовки

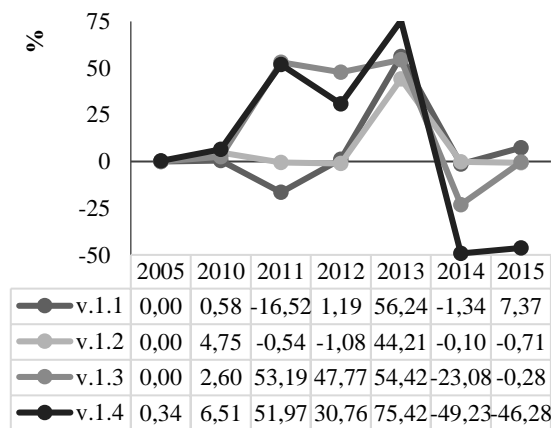

Рис. 24. Инфраструктурные отрасли

Представленная картина относительных изменений долей запасов материальных оборотных средств и резервов каждой из шести групп структурообразующих отраслей говорит о значительной чувствительности данных долей к изменениям долей выпуска товаров и услуг отраслей приоритетного развития в стратегиях развития V1.1–V1.4.

3.6. Относительные изменения отраслевой структуры конечного потребления населением отечественных товаров и услуг

Доли реального потребления населением товаров и услуг «сырьевых отраслей» в 2005–2015 гг. в стратегиях V1.1–V1.2 снижаются относительно их значений в базовой стратегии V1.0, а в стратегиях V1.3–V1.4 значительно растут. Наибольший относительный рост этой доли наблюдается в стратегии V1.4 в 2012 г. (на 170,3%) (рис. 25).

Доли реального потребления населением товаров и услуг группы «обрабатывающих отраслей» в стратегиях V1.1–V1.2 относительно значения этих долей в стратегии V1.0 растут. Наибольший рост наблюдается в 2013 г. в стратегии V1.1 (на 1,45%) и в стратегии V1.2 в 2014 г. (на 0,77%).

В стратегиях V1.3 и V1.4 мы наблюдаем уменьшение относительных значений данной доли. Наибольшее снижение составляет 5,38% в 2014 г. в стратегии V1.3, а в стратегии V1.4 – 5,25% в 2012 г. (рис. 26).

Относительные изменения доли реального конечного потребления населением товаров и услуг группы отраслей «сельское и лесное хозяйство» в стратегиях V.1 и V1.2 имеют сравнительно небольшие отрицательные значения в каждом году расчетного периода. В стратегиях V1.3 и V1.4, наоборот, наблюдается значительный относительный рост этой доли: в стратегии V1.3 этот рост изменяется с 47,4 в 2011 до 104,6% в 2015 г., а в стратегии V1.4 он изменяется с 32,3 в 2011 до 132,5% в 2015 г. (рис. 27). Относительные изменения долей конечного потребления населением продукции других групп структурообразующих отраслей во всех вариантах стратегии развития, как показали модельные расчеты, мало заметны и находятся в окрестности нулевых значений.

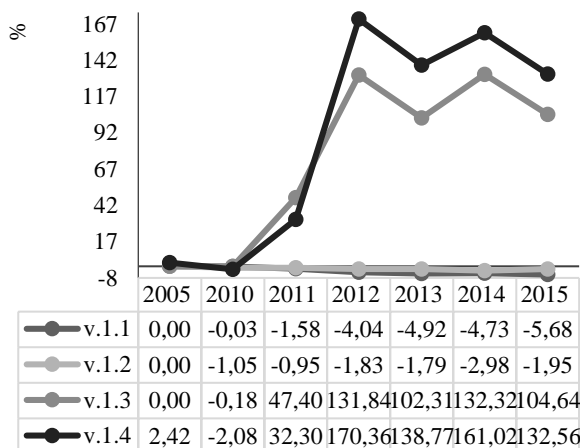

Рис. 25. Сырьевые отрасли

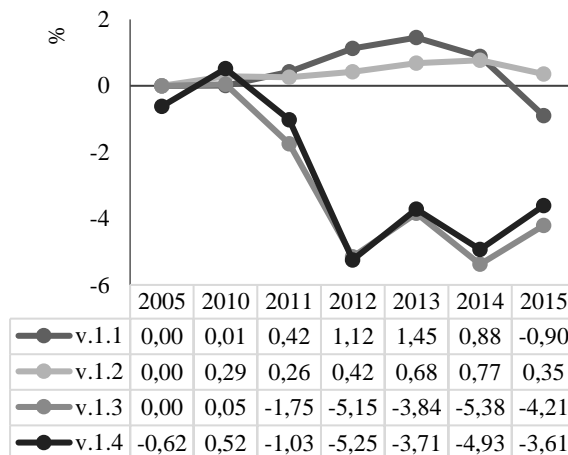

Рис. 26. Обрабатывающие отрасли

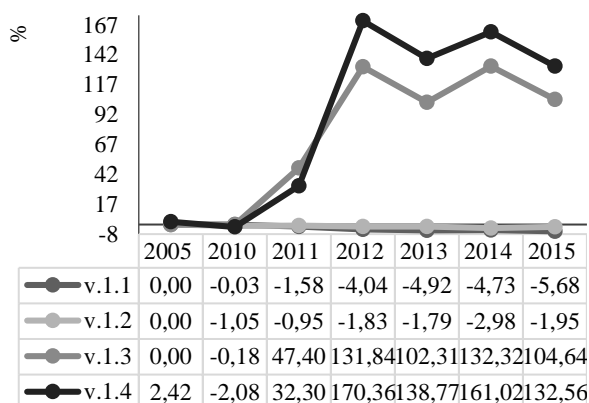

Рис. 27. Сельское хозяйство

3.7. Относительные изменения отраслевой структуры конечного потребления населением импортных товаров и услуг

В целом значения долей реального потребления населением импортных «сырьевых» товаров, а также импортных товаров и услуг «обрабатывающих отраслей» и отрасли «сельское и лесное хозяйство» во всех вариантах V1.1–V1.4 стратегии развития относительно значения этих долей в базовой стратегии V1.0 равны нулю или близки к нулевым значениям (рис. 28–30). Например, максимальное относительное снижение доли реального потребления населением импортных товаров и услуг отрасли «сельское и лесное хозяйство» наблюдается в 2013 г. в стратегии V1.4 и составляет 0,21% (рис. 30).

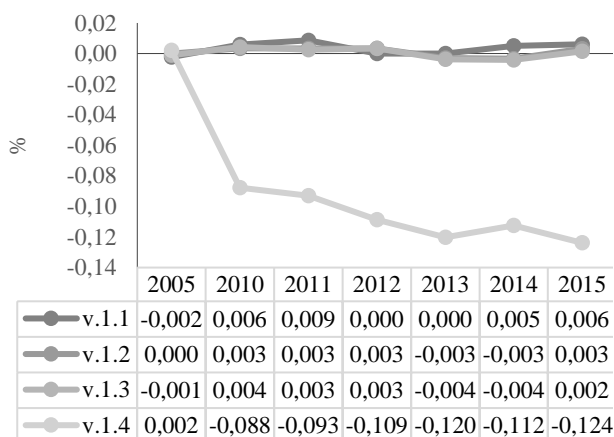

Рис. 28. Сырьевые отрасли

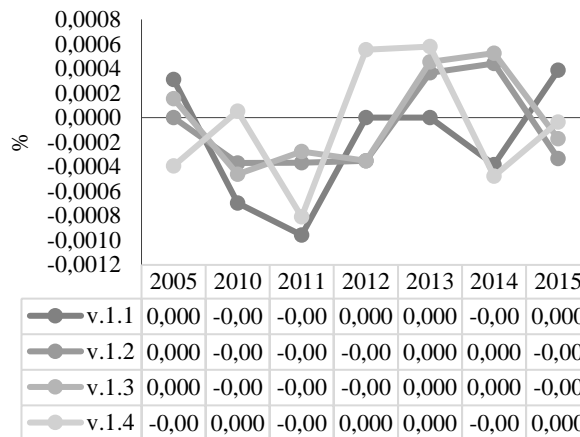

Рис. 29. Обрабатывающие отрасли

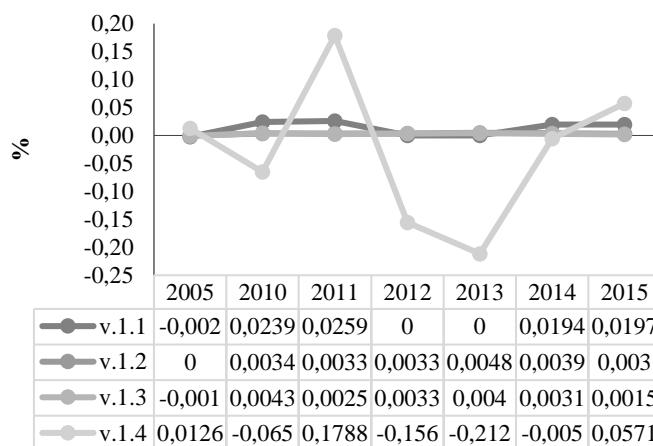

Рис. 30. Сельское хозяйство

3.8. Относительные изменения отраслевой структуры капитальных затрат на расширенное воспроизводство основного капитала

Доля капитальных затрат «сырьевых отраслей» на расширенное воспроизводство основного капитала в каждом году периода 2005–2015 гг. и в каждом из четырех вариантов стратегии развития относительно ее значения в базовой стратегии V1.0 снизилась или равна нулю. Наибольшее снижение наблюдается в стратегии V1.4 (от 0,29 в 2005 до 26,13% в 2011 г.) (рис. 31).

Относительные изменения доли капитальных затрат на расширенное воспроизводство основного капитала «обрабатывающих отраслей» выглядят следующим образом. Для стратегии V1.4 они положительные и изменяются в пределах от 0,11 в 2005 до 60,6% в 2010 г.; для стратегии V1.1 диапазон относительного изменения этой доли составляет от 71,7 в 2010 до 9,9% в 2013 г; в стратегии V1.2 наблюдаются более скромные изменения этой доли: от 8,59 в 2010 до 0,02% в 2015 г; в стратегии V1.3 мы видим относительное уменьшение данной доли в каждом году периода 2010–2013 гг.: от 1,92 в 2010 до 5,92% в 2013 г. В 2014–2015 гг. в стратегиях V1.2–V1.4 происходят незначительные относительные увеличения долей капитальных затрат группой «обрабатывающих отраслей» в пределах от 0,02 до 9,27% (рис. 32).

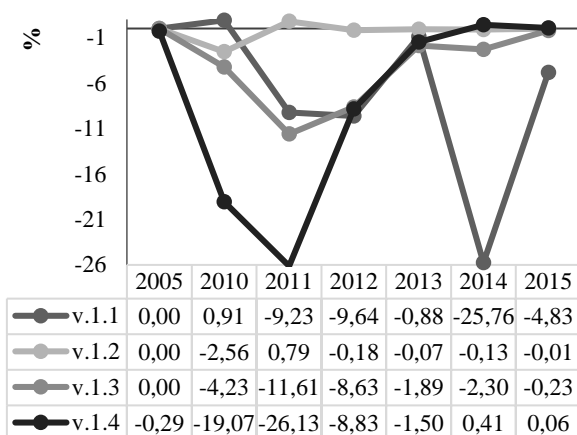

Рис. 31. Сырьевые отрасли

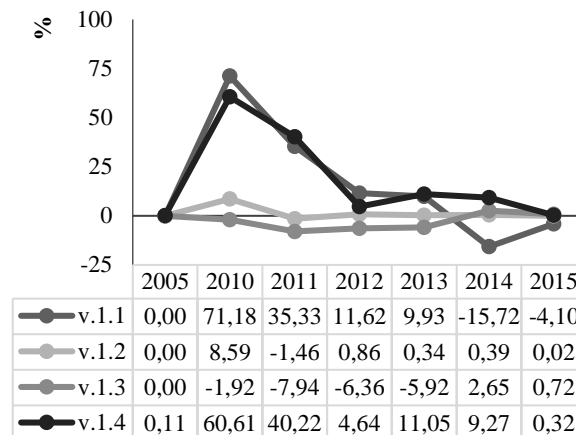

Рис. 32. Обрабатывающие отрасли

В группе отраслей «сельское и лесное хозяйство» наибольшую чувствительность к относительным изменениям отраслевой структуры производства имеют относительные изменения доли их капитальных затрат в расширенное воспроизводство основного капитала в стратегиях V1.3–V1.4. Относительные изменения этой доли в период 2010–2012 гг. растут с 24,65 до 60,65% в стратегии V1.3 и с 36,19 до 116,8% в стратегии V1.4 с последующим затуханием их роста в период 2013–2015 гг. с 23,48 до 0,54% в стратегии V1.3 и с 29,23 до 1,56% в стратегии V1.4. В стратегии V1.1, которая характеризуется приоритетным развитием «машиностроения» в период 2012–2015 гг., относительные изменения доли капитальных затрат в расширенное воспроизводство основного капитала группы отраслей «сельское и лесное хозяйство», как и следовало ожидать, резко возрастают в период 2005–2010 гг. (например, в 2010 г. они составляет 28,01%), а затем их относительные изменения принимают отрицательные значения (рис. 33).

В группах отраслей «строительство» и «торговля, МТС и заготовки» относительные изменения долей их капитальных затрат на расширенное воспроизводство основного капитала в стратегиях развития V1.1–V1.3 в период 2010–2015 гг. имеют, как правило, отрицательные значения. Наибольшие относительные снижения этих долей (на –32%) наблюдаются в 2012 г. в стратегии V1.1 как в «строительстве», так и в «торговле, МТС и заготовках». Исключение составляют относительные увеличения долей капитальных затрат в «строительстве» в 2014 г. (до 163% в стратегии V1.1). Стратегия развития V1.4, наоборот, показывает пилообразный график сравнительно больших по абсолютной величине (до 78%) относительных изменений долей капитальных затрат в расширенное воспроизводство основного капитала как в «строительстве», так и в «торговле, МТС и заготовках» (рис. 34–35).

В «инфраструктурных отраслях» в стратегиях V1.1–V1.2 реализуется относительный рост доли капитальных затрат в расширенное воспроизводство их основного капитала. Наиболее значительные относительные увеличения этой доли отмечаются в стратегии V1.1 в 2011 г. (на 21,3%) и в 2014 г. (на 61,1%). В стратегиях V1.3–V1.4 во

всех годах расчетного периода доли соответствующих капитальных затрат ниже их значений в базовой стратегии V1.0 (рис. 36).

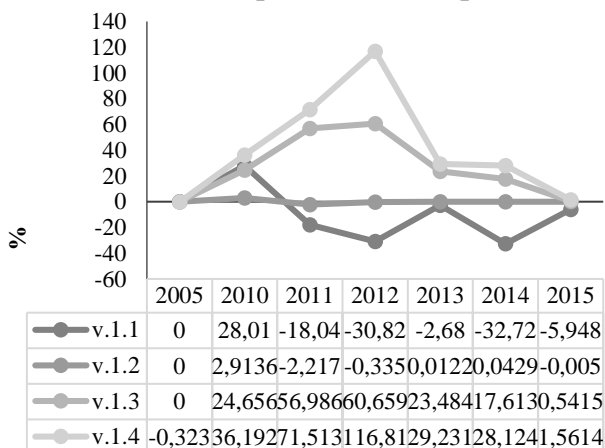

Рис. 33. Сельское хозяйство

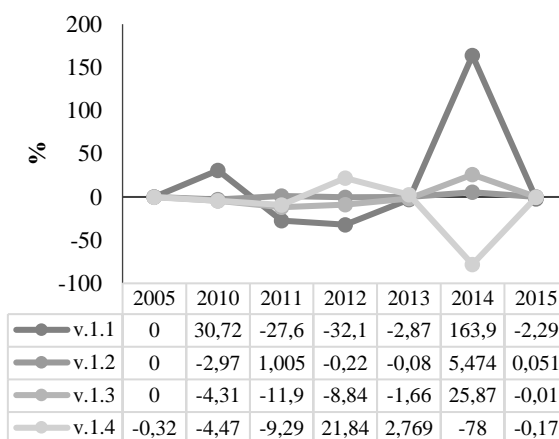

Рис. 34. Строительство

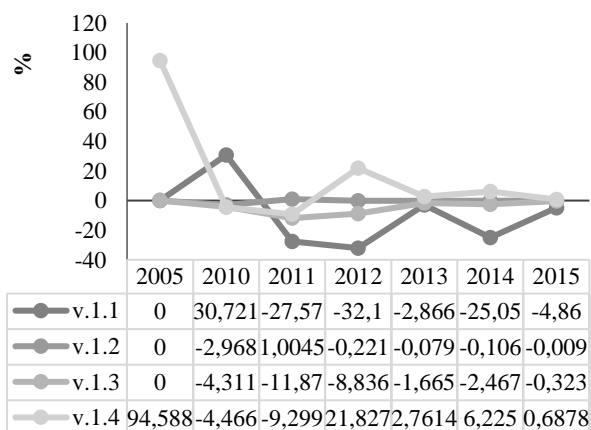

Рис. 35. Торговля, МТС, заготовки

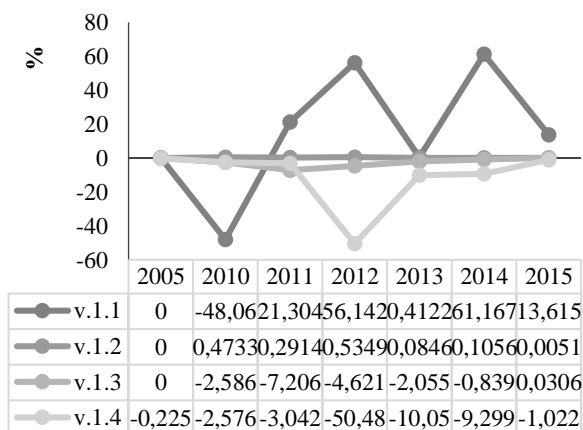

Рис. 36. Инфраструктурные отрасли

3.9. Относительные изменения отраслевой структуры затрат трудовых ресурсов

Относительные изменения доли затрат трудовых ресурсов в «сырьевых отраслях» в каждом году расчетного периода и в каждом варианте V1.1–V1.4 стратегии развития являются отрицательными величинами. Наиболее значительные относительные уменьшения данной доли наблюдаются в 2012–2015 гг. в стратегии V1.4 (до 6,91% в 2015 г.) (рис. 37).

Доли затрат трудовых ресурсов группой «обрабатывающих отраслей» в стратегиях V1.1, V1.2 и V1.4, как правило, растут относительно значений этих долей в базовой стратегии V1.0 на сравнительно небольшие величины (в пределах от 0,59% до 6,58%), а в стратегии V1.3, наоборот, падают в каждом году расчетного периода не более, чем на 3,96% (рис. 38).

Доля затрат трудовых ресурсов группой «сельское и лесное хозяйство» в стратегиях V1.3 и V1.4, которые реализуют приоритетное развитие отраслей этой группы, как и следовало ожидать, значительно увеличивается относительно ее значения в

базовой стратегии V1.0. Наибольшее относительное увеличение отмечается в стратегии V1.3 в 2012 г. (на 15,63%) и в 2014 г. (на 15,65%). В стратегиях V1.1 и V1.2 доля затрат трудовых ресурсов «сельского и лесного хозяйства» снижается относительно этой доли в стратегии V1.0. Наибольшее относительное снижение мы видим в стратегии V1.1 в 2015 г. (на 7,04%) (рис. 39).

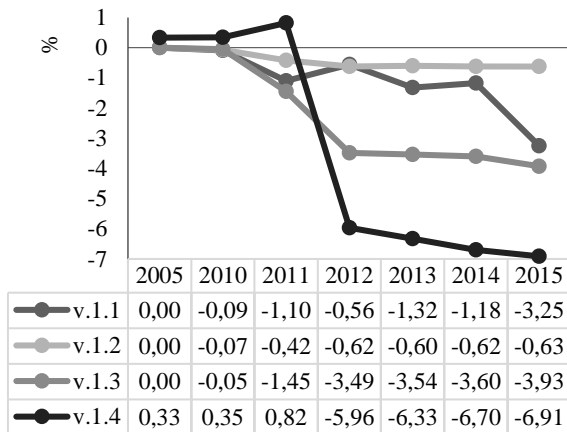

Рис. 37. Сырьевые отрасли

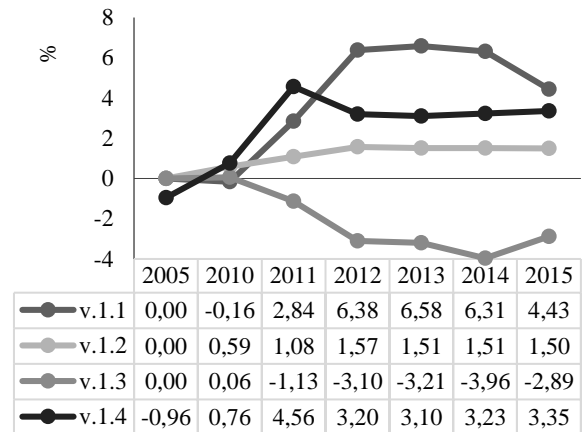

Рис. 38. Обрабатывающие отрасли

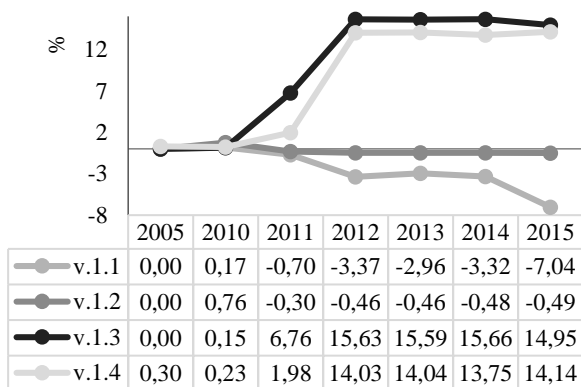

Рис. 39. Сельское хозяйство

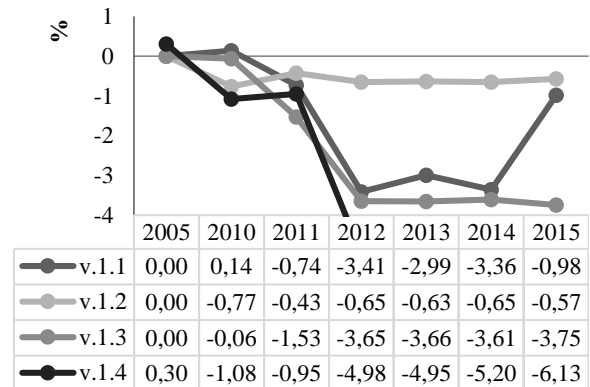

Рис. 40. Строительство

В группах отраслей «строительство», «торговля, МТС и заготовки» и «инфраструктурные отрасли» во всех годах расчетного периода в каждом варианте стратегии развития доли используемых ими трудовых ресурсов относительно их значений в базовой стратегии V1.0 уменьшаются. Наиболее существенные относительные уменьшения этих долей наблюдаются в 2012–2015 гг. в стратегии V1.4. Так в «строительстве» относительное уменьшение этой доли изменяется в диапазоне от 4,97 до 6,12%, в «торговле, МТС и заготовках» – от 4,98 до 5,2% и в «инфраструктурных отраслях» – от 7,33 до 8,43% (рис. 40–42).

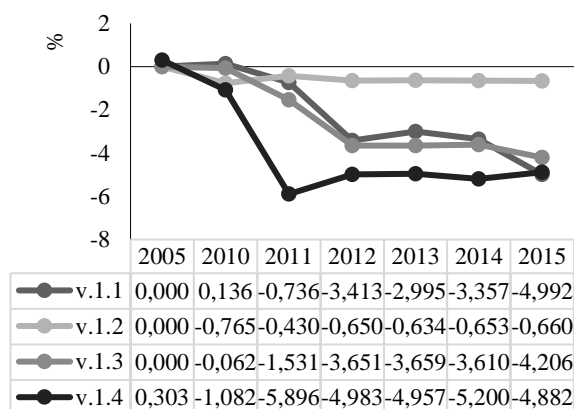

Рис. 41. Торговля

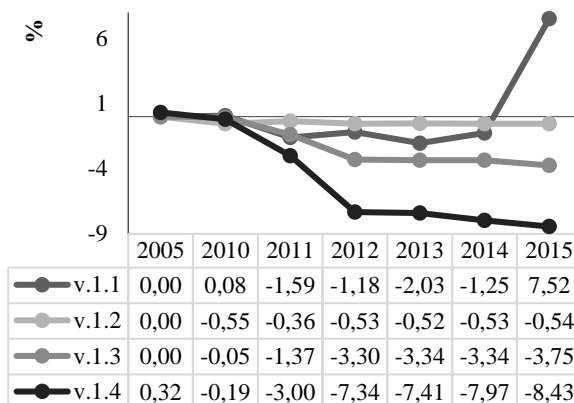

Рис. 42. Инфраструктурные отрасли

4. ОТНОСИТЕЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЧАСТНЫХ ОЦЕНОК ЭФФЕКТИВНОСТИ «СТРУКТУРНЫХ» ВАРИАНТОВ СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ V1.1–V1.4.

В качестве частных оценок эффективности вариантов стратегии развития V1.1–V1.4 используются показатели темпа экономического роста, темпа инфляции, уровня занятости, уровня сбалансированности внешнеторговых операций и уровня сырьевой направленности экономики. Относительные изменения значений этих показателей по вариантам стратегий развития и годам расчетного периода представлены в табл. 8.

Таблица 8

Изменение частных оценок эффективности вариантов V1.1–V1.4 стратегии развития российской экономики периода 2005–2015 гг. (% к значению этих показателей в базовом варианте стратегии V1.0)

Показатели	Варианты стратегии	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Темп роста ВВП	V1.1	-0,14	-0,012	0,15	-0,002	-0,11	0,008	0,13
	V1.2	41,87	0,028	1,22	-1,012	0,47	-0,31	0,13
	V1.3	7,49	5,73	11,30	-6,611	2,89	-1,13	0,13
	V1.4	110,54	27,82	-20,15	-29,97	7,48	-15,46	0,13
Уровень занятости в отраслях материального производства	V1.1	0,00	-0,14	0,73	3,53	3,09	3,47	5,25
	V1.2	0,00	0,77	0,43	0,65	0,64	0,66	0,66
	V1.3	0,00	0,06	1,55	3,79	3,80	3,74	4,39
	V1.4	-0,31	1,20	6,38	5,36	5,33	5,60	5,25
Темп инфляции	V1.1	0,02	-0,09	-0,12	0,97	-0,01	-0,70	0,04
	V1.2	0,01	0,12	-0,05	-0,01	0,01	-0,01	0,00
	V1.3	0,01	-0,01	0,00	-0,01	0,06	-0,04	0,03
	V1.4	-0,05	-0,02	0,02	0,83	0,10	-0,80	0,20
Уровень сбалансированности внешнеторговых операций	V1.1	0,00	-0,01	-0,01	0,00	0,00	-0,01	-0,01
	V1.2	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.3	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00	0,00
	V1.4	0,00	0,08	0,08	2,42	5,89	3,90	3,99
Уровень сырьевой направленности экономики	V1.1	0,00	-33,80	-4,42	93,20	-7,57	5,46	-3,75
	V1.2	0,00	21,06	-8,05	-0,52	-0,05	0,01	0,06
	V1.3	0,00	-0,12	1,14	1,64	-0,40	-1,27	3,40
	V1.4	0,08	-21,00	71,37	-63,4	-11,1	-4,20	-10,02

В среднегодовом исчислении реализация «структурных» вариантов стратегии развития V1.1–V1.4 приводит к относительным изменениям темпа роста ВВП соответственно на 0,004, 6,05, 2,82 и 11,50%; уровня занятости в отраслях материального производства на 2,28, 0,54, 2,47 и 4,12%; темпа инфляции на 0,015, 0,01, 0,006 и 0,04%; уровня сбалансированности внешнеторговых операций на –0,005, 0,00, 0,00 и 2,34%; уровня сырьевой направленности экономики на 7,01, 1,78, 0,63 и –5,47%.

Согласно расчетным данным наиболее предпочтительным может рассматриваться четвертый вариант стратегии развития V1.4, реализующий увеличение долей выпуска товаров и услуг отраслей «машиностроения», «легкой промышленности» и «сельского и лесного хозяйства» относительно их значений в базовой стратегии V1.0 соответственно на 19, 18,5 и 17,8% в каждом году периода 2012–2015 гг. и обеспечивающий в среднегодовом исчислении относительно стратегии V1.0 увеличение темпа роста ВВП на 11,5%, уровня занятости в отраслях производственной сферы на 4,12%, темпа инфляции на 0,04%, уровня сбалансированности внешнеторговых операций на 2,34% и уменьшение уровня сырьевой направленности экономики на 5,47%.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Экспериментальные расчеты, проведенные по системе динамических моделей анализа и прогнозирования макроэкономических взаимодействий рынков товаров, труда, инвестиций и денег, дали обширный материал для исследования влияния отраслевых структурных сдвигов на показатели развития российской экономики. Не все полученные в результате экспериментов результаты нашли отражение в данной работе, так как мы не ставили цель представить результаты расчетов по всему перечню показателей, присутствующих в системе моделей. В основу положен анализ динамики изменения ряда наиболее важных макроэкономических показателей таких, как общий уровень цен товаров и услуг отраслей материального производства, уровень потребительских цен, темп инфляции, реальная ставка процента по рублевым кредитам, финансовые показатели, представленные расчетными, сберегательными и ссудными счетами таких экономических агентов, как государство, население, отрасли материального производства и кредитно-банковская система, а также международными финансовыми операциями данных экономических агентов, отраженных в платежном балансе, показателями воспроизводственной деятельности отраслей (объемы производства, основной капитал, вводы основного капитала, инвестиции в расширенное воспроизводство основного капитала, финансовые источники инвестиций, затраты трудовых ресурсов), конечное потребление населением отечественных и импортных товаров и услуг, материальные оборотные средства, запасы государственных резервов и ряд других показателей.

Основным результатом вычислительных экспериментов по системе динамических моделей следует считать успешное достижение состояния системной материально-финансовой сбалансированности представленных воспроизводственных и

инвестиционных процессов российской экономики периода 2005–2015 гг. в разрезе восемнадцати отраслей материального производства при различных значениях управляющих параметров кредитно-денежного, бюджетно-налогового, амортизационного и внешнеторгового макроэкономического регулирования. Этот результат позволил использовать данную систему моделей и соответствующее информационное, алгоритмическое и программное обеспечение для экспериментальных исследований влияния различных вариантов отраслевых структурных сдвигов на системную динамику реальных объемов производства в отраслях, уровней отраслевых цен, занятости, нормы процента, инвестиций, кредитов и других макроэкономических показателей.

Показатели экспериментальных расчетов, представленные в таблицах и графиках, являются основой сравнительного анализа воздействия изменения долей производства отраслей приоритетного развития на межотраслевую динамику материального производства, его финансирование и ценообразование. Эти данные, в свою очередь, используются как исходные для построения эластичностей изменения системно сбалансированных макроэкономических показателей по параметрам изменения отраслевой структуры производства и получения оценок эффективности построенных сценариев долгосрочного развития экономики, учитывающих отраслевые структурные сдвиги.

Проведенные эксперименты на примере российской экономике 2005–2015 гг. дают возможность представить в некотором приближении к реальности картину тех численных изменений ряда основных макроэкономических показателей, которые следует ожидать при тех или иных изменениях отраслевой структуры производства и тем самым оценить во что может обойтись российской экономике реализация того или иного сценария долгосрочного развития, учитывающего приоритетное развитие какой-либо одной или группы отраслей материального производства.

На данном этапе исследований предполагается, что модельная реализация отраслевых структурных сдвигов в стратегиях долгосрочного развития экономики осуществляются за счет изменения объемов использования основного капитала, материальных, трудовых и финансовых ресурсов при экзогенно заданных значениях нормативных коэффициентов фондоотдачи, трудоемкости, удельных прямых материальных затрат, удельных капитальных затрат на простое и расширенное воспроизводство основного капитала и ряда других экзогенных показателей, которые в ходе расчетов остаются неизменными и независимыми от процессов совершенствования технологий производства. В дальнейшем предстоит развить модельный инструментарий и внести в него процедуры, позволяющие определять нормативные показатели во времени и тем самым учитывать варианты научно-технического и технологического прогресса в отраслях материального производства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Мартынов Г.В., Малков У.Х. Использование модельного инструментария для экспериментальной оценки воздействия отраслевых структурных сдвигов на динамику изменения системно

согласованных макроэкономических показателей. Часть 1 Модельный инструментарий и пошаговая схема его использования для экспериментальной оценки результатов отраслевых структурных сдвигов // Теория и практика институциональных преобразований в России (Текст): сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзкяна. Вып. 53. М.: ЦЭМИ РАН, 2022. С. 47–63.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица 1

Доли реального выпуска товаров и услуг отраслей материального производства
в базовом варианте V1.0 стратегии развития российской экономики в 2005–2015 гг.

№	Отрасли	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
1	Электроэнергетика	0,01123	0,01550	0,01676	0,01693	0,01717	0,01815	0,018
2	Нефтегазовая пром.	0,01435	0,02223	0,02396	0,02498	0,02614	0,02669	0,02751
3	Угольная пром.	0,00250	0,00502	0,00543	0,00568	0,00596	0,00610	0,00630
4	Прочая топливная пром.	0,00002	0,00003	0,00003	0,00003	0,00003	0,00003	0,00004
5	Черная металлургия	0,00936	0,01113	0,01154	0,01172	0,01190	0,01295	0,01324
6	Цветная металлургия	0,01206	0,01436	0,01451	0,01479	0,01519	0,01630	0,01750
7	Машиностроение	0,04791	0,05944	0,06315	0,06529	0,06609	0,07036	0,07040
8	Химическая и нефтехимическая пром.	0,00784	0,00954	0,00992	0,01013	0,01048	0,01092	0,01141
9	Лесная, деревообработка, ЦБП	0,01506	0,01844	0,02043	0,02110	0,02203	0,02349	0,02542
10	Пром. строительных материалов	0,00559	0,00606	0,00637	0,00656	0,00649	0,00673	0,00713
11	Легкая пром.	0,02346	0,03310	0,03511	0,03669	0,03665	0,03909	0,03995
12	Пищевая пром.	0,03867	0,08216	0,09305	0,10103	0,10933	0,11492	0,12139
13	Прочие отрасли пром.	0,00466	0,00596	0,00646	0,00679	0,00696	0,00741	0,00771
14	Сельское и лесное хозяйство	0,03441	0,04521	0,05156	0,05673	0,05856	0,06422	0,06664
15	Строительство	0,03610	0,03268	0,03287	0,03267	0,03275	0,03220	0,03249
16	Транспорт и связь	0,01697	0,02155	0,02276	0,02307	0,02354	0,02432	0,02531
17	Торговля, МТС, заготовки	0,71454	0,61069	0,57895	0,55854	0,54340	0,51858	0,50127
18	Прочие отрасли материального производства	0,00527	0,00688	0,00713	0,00724	0,00732	0,00752	0,00780
Σ		1,00000	1,00000	1,00000	1,00000	1,00000	1,00000	1,00000

Таблица 2

Основные экономические показатели базового варианта V1.0 стратегии
равновесного развития российской экономики в 2005–2015 гг.

Показатели	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>Ценовые показатели</i>							
Общий уровень цен продукции и услуг отраслей материального производства, в разгах к 1991 г.	7753,53	13 124,14	4077,46	14 595,59	15 274,82	15 977,18	16 668,91
Уровень потребительских цен, декабрь к декабрю предыдущего года, в разгах	1,09	1,01	1,01	1,01	1,01	1,01	1,01
Темп инфляции, в разгах	0,09	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01	0,01
Реальная ставка процента по рублевым кредитам, предоставленным нефинансовым организациям, %	0,10	0,03	0,03	0,04	0,04	0,04	0,04
<i>Ставки заработной платы</i>							
Среднемесячная ставка номинальной заработной платы на одного работника в отраслях, руб.:							
промышленности	6130,58	12 089,86	13 278,33	14 611,63	16 082,50	17 741,50	19 525,81
сельского хозяйства	3659,93	8186,69	8995,38	9895,07	10 881,65	11 974,55	13 169,01
строительства	9051,33	19 612,09	21 762,98	24 153,70	26 809,75	29 758,55	33 031,62
транспорта и связи	11 368,88	21 324,27	23 226,91	25 317,15	27 586,41	30 077,79	32 782,72
торговли, МТС и заготовок	6270,42	14 250,18	15 812,54	17 541,09	19 467,78	21 608,33	23 984,95
<i>Финансовые показатели экономических агентов, млн руб.</i>							
Государство:							
доходы консолидированного бюджета	8089171	15770295	20623284	23160400	24202076	26230188	27744632
профицит (-), дефицит (+)	1176170	-1878705	613284	152401	-972923	-381813	-362367
государственные займы	0	1878705	0	1093	972923	381813	362367
обслуживание займов	180126	3291097	2063548	1093	2933	1068291	419810
внутренний государственный долг	45183	1220	0	0	0	0	0
Население:							
доходы	14 015 265	32 688 776	36 690 728	43 375 208	48 698 636	53 108 176	59130920
расходы	11 677 124	27 016 120	32 442 830	39 096 816	43 411 576	47 238 700	53004208
сбережения	8 486 513	5 696 671	4 247 898	4 278 395	5 287 061	5 869 477	6126711
долг банковской системе	5 430 564	2 297 518	2 624 377	3 033 962	3 511 530	4 073 701	4731360

Показатели	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Отрасли материального производства:							
доходы	30 805 949	55 323 638	58 273 149	60 873 282	66 165 197	75 339 573	82 274 337
расходы	35 278 214	48 843 036	50 584 080	53 522 721	59 505 857	63 643 209	73 801 021
сбережения	0	7 142 261	8 454 330	8 482 340	7 763 504	12 539 006	9 493 936
долг банковской системе	3 740 848	649 593	881 642	1 290 561	1 420 876	1 168 277	890 233
Кредитно-банковская система							
доходы	6 638 111	3 331 186	2 415 810	2 906 754	3 671 464	4 070 045	4 173 451
расходы	8 469 110	3 640 186	2 727 810	3 230 754	3 998 464	4 411 045	4 526 452
резервы	1 874 908	2 948 331	3 330 794	3 766 577	4 306 667	4 941 751	5 621 593
собственный капитал	2 213 550	2 020 080	1 798 592	1 619 710	1 380 293	915 418	345 577
<i>Показатели воспроизводственной деятельности отраслей материального производства</i>							
Выпуск товаров и услуг в реальном выражении, в ценах 1991 г., млн руб.	4068,08	3519,60	3559,86	3658,08	3748,41	3915,89	4038,55
Среднегодовой основной капитал, в сметных ценах 1991 г., млн руб.	8494,43	10 846,97	11 394,62	11 864,39	12 240,33	12 939,39	13 511,42
Ввод основного капитала, в сметных ценах 1991 г., млн руб.	2266,00	624,81	638,93	564,27	474,62	799,81	678,48
Капитальные затраты:							
на простое воспроизводство основного капитала, в текущих ценах, млн руб.	803 463	1 278 907	1 342 402	1 396 935	1 438 925	1 518 664	1 581 571
на расширенное воспроизводство основного капитала, в текущих ценах, млн руб.	1 252 364	655 898	734 288	619 798	771 599	980 796	6 324 511
Конечное потребление населением товаров и услуг отраслей материального производства, в ценах 1991 г., млн руб.	136,99	219,27	256,45	303,37	342,92	410,29	484,05
Материальные оборотные средства и запасы государственных резервов, в ценах 1991 г., млн руб.	65,54	47,15	48,41	83,15	71,34	61,06	84,12
Затраты трудовых ресурсов, тыс. человек	38 867,94	36 662,23	36 100,76	38 799,13	36 796,67	35 855,75	38 217,73

Окончание табл. 2

Показатели	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2015
<i>Финансовые источники расширенного воспроизводства основного капитала отраслей материального производства, млн руб.</i>							
Чистая прибыль отраслей	3 599 046	4 402 398	5 099 109	5 602 813	5 466 444	6 426 993	7 548 610
Государственные инвестиции	124 971	52 760	57 925	53 081	67 487	88 907	635 520
Кредитные вложения – всего	4 472 265	661 658	765 260	1 131 781	1 104 164	842 642	1 020 621
в том числе:							
отечественные	3 488 367	661 658	765 260	1 130 213	1 104 164	837 011	796 084
Иностранные инвестиции	228 851	222 959	243 149	244 741	264 914	292 625	898 540
<i>Внешняя торговля</i>							
Экспорт товаров, млрд долл.	228,64	262,33	294,95	318,66	347,50	382,51	251,48
Импорт товаров, млрд долл.	81,13	148,79	159,00	170,15	184,43	197,92	135,87
Сальдо торгового баланса, млрд долл.	147,51	113,54	135,95	148,51	163,07	184,59	115,61
Совокупная добавленная стоимость, млрд руб.	15 302	22 743,00	25 949,19	29 114,19	29 889,57	33 288,05	38 717,99
Валовой внутренний продукт, млрд руб.	26 229	39 641	44 474	49 114	51 469	56 860	64 682

Martynov G.V., Malkov U.H.

USAGE OF MODEL TOOLKIT FOR EXPERIMENTAL ESTIMATION OF THE IMPACT OF INDUSTRIAL STRUCTURAL SHIFTS ON THE DYNAMICS OF CHANGE OF SYSTEMICALLY CONSISTENT MACROECONOMIC INDICATORS. PART 2. THE RESULTS OF AN EXPERIMENTAL ASSESSMENT (On the example of the Russian economy 2005–2015)

The results of modeling a numerical assessment of the relative changes in the most important macroeconomic indicators under the influence of various options for sectoral structural shifts in one of the possible scenarios of the long-term systemically balanced development of the Russian economy in 2005–2015 are presented.

Keywords: macroeconomic regulation, development strategy, sectoral structure, priority development of the sector, relative changes in macroeconomic indicators, assessment of the effectiveness of sectoral structural changes.

JEL Classification: C00, E00.

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-66-73

*B.H. Yerznkyan, K.A. Fontana**Yerznkyan Bagrat H.*, dr. econ., prof., head of lab., CEMI RAS, Moscow, lvova1955@mail.ru*Fontana Karine A.*, cand. econ., senior researcher, CEMI RAS, Moscow, fontana@mail.ru

ETHICS AND AESTHETICS OF THE THIRD WAY ECONOMY

The ethical and aesthetic categories of the moral economy, or the economy of the third way, which was built by academician D.S. Lvov during the last decades of his life, are considered.

Keywords: ethics, aesthetics, economics of the third way.

JEL Classification: B41, P31, P51.

The economic theory of the third way incorporates the theoretical, methodological, conceptual and philosophical insights and developments of Academician Dmitry S. Lvov on the formation of an adequate foundation for building a social market economy in Russia, free from radicalism of both planned and liberal economy and a just society (Lvov, 1998; Lvov, Moiseev, 1999). That's right, first theory, and then practice, based on theory, if we proceed from the fact that «the task of scientists is not only to generate proposals for power, but also to form a worldview, a comprehensive vision of socio-economic development» (Kleiner, 2014, p. 11).

The Russian reform package taken by reformers as bold and non-critically as it was possible was not too different from the strategy that groups such as the IMF typically recommended to developing countries. In this context, “typically” means that these groups ignored institutional differences and tended to disregard the distinctions between institutional systems in the countries where reforms carried out. However institutional differences are reality: “each time and each country is different”, claims Stiglitz and asks rhetoric questions: “Would other countries have met the same success if they had followed East Asia’s strategy? Would the strategies which worked a quarter of a century ago work in today’s global economy? Economists can disagree about the answers to these questions. But countries need to consider the alternatives and, through democratic political processes, make these choices for themselves. It should be – and it should have been – the task of the international economic institutions to provide the countries the wherewithal to make these *informed* choices on their own, with an understanding of the consequences and risks of each” (Stiglitz, 2002, p. 88).

Beginning in the early 1990s, our country entered the phase of neo-liberal reforms, “carrying the banner that read: democratization of power, liberalization of the economy and humanization of public relations. The people were ready to pay for it”. However, “the result of the adopted policy turned to be deplorable” for them (Lvov, 1995, p. 4). These reforms, their pluses and minuses, benefits (if any) and losses, the goals, mechanisms, reasons, factors,

etc., all of them may be viewed from the different points of view. In this section, let us view them through the prism of globalization that had and still has significant impacts on all economies of the world, including the Russian economy.

The Russian economy, according to D.S. Lvov, should be moral, and people individually and collectively should be endowed with a spiritual beginning – in contrast to the economy of acquisitiveness devoid of spirituality. Such a vision of the future of the Russian economy is based on a truly institutional approach to the economy, taking into account the specifics of culture, history, mentality, traditions and many «little things» that are of great importance for the country to enter the trajectory of sustainable development – not according to externally imposed patterns, but original with the perception of everything that can be perceived. The economy of the third way, which was painfully built by D.S. Lvov, is convenient to think in ethical and aesthetic categories.

It is noteworthy that morality was implicitly embedded in Adam Smith's classical theory, in which economic agents pursuing their own usefulness – egoists, for short – were decent (opportunism was excluded), and egoism itself was justified by the fact that society – thanks to the «invisible hand» of the market – only benefited from this. This, according to Smith, in practice – since the classical theory was highly abstracted from reality, which is quite natural, otherwise it would be difficult to build a theory – all this resulted in a society of acquisitiveness, which D.S. Lvov opposes by means of the spiritual and moral imperative explicitly introduced by him.

Economic science, wrote D.S. Lvov, which today is so persistently pushed into the unbridled one-sidedness of the liberal doctrine, does not and will never possess the secret of building economic policy and the financial system on other foundations than on the principles of mental and moral revival. And for such a revival to take place, imperatives are needed, unconditional adherence to which will not only help the revival, but will also serve as a source – perhaps even more important than the source factors traditionally taken into account by economists – of economic growth and social development in general. the moral imperative.

Close to the spiritual and moral imperative is the ecological imperative of a colleague and one of the coauthors of D.S. Lvov, academician N.N. Moiseev, which serves to characterize the desired state of society, capable within the framework of the ecological imperative to ensure the development of civilization in these specific natural conditions. Such an imperative can set a vector (desired path) for the development of modern civilization, in particular, taking into account real environmental, political, economic and other problems in relation to Russian and Eurasian conditions.

The ecological imperative is in its essence somewhat similar to Kant's categorical imperative, but unlike him, it seems to us «concerns not individual people, but individual countries, integration associations and the entire global society as a whole» (Yerznkyan, 2014b, p. 23).

With regard to the third way, it is worth saying that for example Joseph Stiglitz dreamed of such an economy, meaning by it the path of democratic idealism, something like

finding somewhere between socialism and its state unnecessarily interfering in the economy and the Reagan–Thatcher minimal state of the right. Talking of this in his famous “The Roaring Nineties”, Stiglitz adds that there are not one but many third ways and that his thoughts were oriented to the looking for a third way adequate for America (Stiglitz, 2003). The very fact that both Lvov and Stiglitz tried to find ways for their economies’ development is symptomatic, especially what relates to the basis of such development grounded on the assumption of coexistence, and not irreconcilable opposition, market and state mechanisms.

Of course, the USA and Russia are two more than unique, original countries with their own, intrinsically inherent ways of development each. But with all the many differences between the theoretical ways of their development, there are also common features: the coexistence of market and state mechanisms. It is important to emphasize that the foundation of such coexistence is the recognition, on the one hand, of the imperfection of the market mechanism, and on the other, of the need to modify [but not abandon] state regulation, as well as the understanding of the market mechanism as not an end in itself, but a means – that’s what Stiglitz and Lvov have in common with the theory of the third way.

Of course, this is not the end of the matter: to what has been said, we can add the recognition of the need to follow the principle of social justice, and in relation not only to people living today, but also to future generations, as a starting point for transformations, as well as much more. It is important, however, to emphasize that the semantics of the noted coexistence can vary significantly, as well as the semantics of the concept of «morality». Is the latter concept reduced to the concepts of ethics, aesthetics, energy as the driving force of economic functioning? Is moral behavior synonymous with correct or, say, good behavior, in other words, is the concept of morality reduced to the concepts of ethics and aesthetics, respectively?

The answer depends on the meaning that is put into these concepts, on what kind of character of individuals and society we would like to form. Is the moral, moral behavior that Stiglitz writes about, referring to contemporary America: «Being moral has acquired a new meaning both in the private and public sector – to increase your profits by any means» (Stiglitz, 2003, p.361)? And he also answers this as follows: «The captains of industry – the leaders whom Americans were called to look at, those who served as an inspiring example for others, acted, as it turned out, in such a way as to enrich themselves at the expense of others. And, at least in retrospect, their actions look deeply immoral» (Stiglitz, 2003, p. 361). It can be said in another way: morality is a relative concept, depending on the spatio-temporal characteristics, on the place and time of the action of individuals. This is an institutional concept. To this we add that the correctness of the behavior accepted in society is fundamentally institutional: it can be formed – directed by the state or built up through norms of behavior shared by public opinion and ethical attitudes, what is right and what is not.

The institutional nature of public morality means that it is based not so much on the honesty of the members of society as on the institutions adopted in it – public and/or corporate. Based on the principle of consent, such regulations are much more mediated by formal

procedures, including control, than regulations requiring members of society to behave in an honest manner, which does not guarantee society from the opportunistic behavior of its members. At the same time, fundamentally, in a society that considers itself democratic, the very «principles of determining priorities and establishing preferences are also the subject of public discourse» (Fpresyan, 2006, p. 15). This is rightly pointed out by R.G. Apresyan, who emphasizes that in order to overcome the potential separation of the subject and object of moral requirements and give them unity, they even in a democratic society must be mediated by «social institutions that ensure the effectiveness of socio-moral institutions» (Fpresyan, 2006, p. 15).

Ethics is the science of good and evil, of right and wrong in human existence, of decent and unworthy in human behavior. The most important ethical categories include justice, responsibility, conscience, freedom and love. All these ethical categories that make up the essence of society's morality find their practical embodiment in the category of morality, and it is no coincidence that D.S. Lvov operated with all these categories when developing his theory of the third way, or the theory of moral economics.

Special attention should be paid to the fact that the postulated need to endow the economy with a moral principle does not mean that D.S. Lvov and his like-minded people have claims to the formation of economic policy. They are [economic scientists] «they cannot take on the task of determining public priorities. This task can be (worse or better) solved within the framework of the political system. «In other words, «the objective function of the economy should be given to economists exogenously» (Lvov, 2002, pp. 33–34). And another thing: Economics as a science, wrote D.S. Lvov, «which today is so persistently pushed into the unbridled one-sidedness of the liberal doctrine, does not and will never possess the secret of building economic policy and the financial system on other foundations than on the principles of mental and moral revival» (Lvov, 2001, p. 6). This attitude of D.S. Lvov to an economy based on morality is akin to the attitude of the outstanding social thinker of the XIX century Friedrich List: «The world of wealth does not exist! Only the idea of the spiritual or the living can be combined with the concept of the world... Eliminate the spiritual principle, and everything that is called wealth will turn into only dead matter» (List, 1891, p. 23; Lvov, 2004, p. 11). D.S. Lvov repeatedly quoted these words, because they were very consonant with him: “Remember what happened to the treasures of Carthage and Tir, to the wealth of Venice palaces when the spirit had gone from these heaps of stone?” (Lvov, 2001b, p. 49).

The theory is given beauty by endowing it with a spiritual beginning. The moral economy is not only ethical, it is also aesthetic, because in such an economy, people individually and collectively should be endowed with a spiritual beginning – in contrast to the economy of acquisitiveness devoid of spirituality (Lvov, 2004). Such a vision of the future by D.S. Lvov is based on a truly institutional approach to the economy, taking into account the specifics of culture, history, mentality, traditions and many «little things» that are of great importance for the country to enter the trajectory of sustainable development – not according to externally imposed patterns, but original with the perception of everything that can be perceived.

If we move from economic policy to spiritual and moral principles, then it should be recognized that there is no other alternative for Russia than following them, while the key point here should be «a deeply personal, individually chosen path to community» in contrast to the individual election to salvation practiced in the West (Lvov, 2002, p. 135).

In confirmation of these words, D.S. Lvov quotes a large quote from a newspaper article by geneticist academician E. Sverdlov: «...The society where centripetal forces operate will survive, where the interests of the individual are subordinated to the interests of society, unless, of course, they are brought to the point of absurdity. Man in the process of evolutionary development only survived because he existed in a society of his own kind... Genetics is what provides a real transfer of a piece of individuality and uniqueness of a person who has absorbed the historical heritage of their past... Each of us is a small atom that is mortal. Only the gene pool as a whole is immortal. He changes, but he lives. This is the only reason why it is impossible to declare the interests of the individual above the interests of society» (Sverdlov, 2001; Lvov, 2002, p. 137).

Aesthetics, being the science of the beautiful and the terrible, the sublime and the base, closely approaches ethics. In the modern world, both of these areas of philosophical science are so closely intertwined that it is not always easy to draw a clear distinction between them.

And yet, how do they differ, are there priorities between these categories, are they equivalent in importance?

Joseph Brodsky believes that they should be distinguished fundamentally. In his Nobel speech, he notes: «Every new aesthetic reality clarifies the ethical reality for a person. For aesthetics is the mother of ethics; the concepts of “good” and “bad” are primarily aesthetic concepts that precede the categories of “good” and “evil”. In ethics, not “everything is allowed” because in aesthetics, not “everything is allowed” because the number of colors in the spectrum is limited.» So, according to Brodsky, aesthetics generates ethics.

Let us ask ourselves, however, why in the economic scientific discussion we consider it appropriate to appeal to the opinion of a poet, even an outstanding one, but not an economist, but a poet. Because this Poet, believing that language gives birth to poets and brings poetry to life, is entirely institutional – in the spirit of holism rather than individualism: it is not language that is the poet's instrument, «but he is the means of language for the continuation of his existence», or in other words, the product of language. This is from his Nobel Speech (1987), and the following lines follow there: «Language, even if you imagine it as a kind of animate being (which would only be fair), is not capable of ethical choice». It turns out that language as an institution, incapable of ethical choice by itself, is at the same time capable of bringing its native speakers to life. Let us explain: language as fundamental, according to Hodgson, the institute generates, according to I. Brodsky, poetry and poets – in this case, carriers of institutions that can act in turn as carriers of ethical and aesthetic categories. Note that it is not individuals who generate institutions, as the adherents of «methodological individualism» interpret it, but exactly the opposite. In other words, it is equivalent to recognizing the primacy of institutions and the secondary nature of their carriers.

Why is language a fundamental, basic institution? Because all other institutions, according to Hodgson, they need language for their description and/or representation, and as such they are to a certain extent institutions derived from it. Moreover, the «socially fixed language», giving each unit of explicit, or otherwise expressed in language, knowledge an «additional structure», which acts as a «product of social relations and processes», affects, among other things, the development of theories (Hodgson, 2003, p. 73) in general and institutional theory in particular.

At the end of the story about the language, we will give two quotes given as epigraphs in the work (Yerznkyan, 2014, p. 54). «We grow up and learn the words of the language and see the universe through the prism of the language we know: not through the prism of all languages or through the prism of no language – silence, for example, but we lock ourselves in the language we know» William Saroyan «Seventy thousand Assyrians». «You never know what is generated by what: whether language is experience or experience is language. Both of them are capable of generating a lot of things» Joseph Brodsky «The Embankment of the incurable». And since the question of the causality of language and the extra-linguistic world «did not arise today, and it remains largely open», we will make a reference to the work (Yerznkyan, 2014, p. 55) and proceed to further discussion.

Let us return, however, to the conceptual parallels found in the works of Lvov and Stiglitz. We have repeatedly expressed the idea that their nature is not accidental, since they are based largely on the common values they share, an understanding of the processes taking place in the economy and society and independence from the political conjuncture. We have also said more than once that if Stiglitz had not been involved in the World Bank in the 90s of the last century and had already received the Nobel Prize at that time, he could have been among the signatories of the famous open letter of appeal to the governments of Russia (USSR) from groups of well-known Western and Russian economists. In that letter, we recall, it was said that the Russian government should play a more active role in the transition to a market economy, which went against the prevailing neoliberal dogmas in Russia at that time about minimizing the participation of the state, which was assigned the role of a night watchman. The letter drew attention to the fact that the policy of non-interference of the state, which is part of the «shock therapy», has not justified itself and that the government should replace it with a program in which the state assumes the main role in the economy, as it happens in the modern mixed economies of the USA, Sweden, Germany. Among the signatories were (from the Russian side) academicians of the Russian Academy of Sciences Leonid Abalkin, Oleg Bogomolov, Valery Makarov, Stanislav Shatalin, Yuri Yaremenko, Dmitry Lvov, (from the American side) Nobel Prize laureates Lawrence Klein, Vasily Leontiev, James Tobin, professors: Michael Intriguer, Marshall Poomer.

In conclusion, we note that the moral economy of D.S. Lvov, which is fundamentally opposed to the economy of acquisitiveness, cannot but be ethical and aesthetic for the simple reason that the actors in it are not caricatured images of rational fools (the words of Amartya Sen – rational fools), but close to reality likenesses of living people. These are no longer one-

dimensional beings with only reason (concerned solely with maximizing their own usefulness, and therefore easily modeled), but people endowed with morality and supported by institutions, to whom nothing ethical and aesthetic is alien even on a subconscious level. The morality of people should be understood not absolutely, but relatively, because this is the reality, and the motivation for opportunistic behavior can take someone to a greater extent, from whom and to a lesser extent, above honesty and correctness. Therefore, institutions are needed that create the desired framework conditions for the flow of people's activities.

It is this second – spiritual and moral – dimension that gives specific societies with their inherent economic and political structures a unique feature that is not so easy to model, but it is impossible not to take into account if we want to succeed in moving the country along the third path of development outlined by D.S. Lvov.

REFERENCES

1. *Apresyanyan R.G.* The concept of public morality (experience of conceptualization) // Questions of philosophy. 2006. No. 5. Pp. 3–17 (in Russian).
2. *Hodgson G.* Economic theory and institutions: Manifesto of modern institutional economic theory. Moscow: Delo, 2003 (in Russian).
3. *Kleiner G.B.* On improving the efficiency of Russian enterprises // Economics of modern Russia. 2014. No. 1. Pp. 10–11 (in Russian).
4. *List F.* National system of Political Economy. St. Petersburg, 1891 (in Russian).
5. *Lvov D.* Of the Russian Economic Reforms Scientific Grounding. Moscow: Central Economic-Mathematical Institute, Independent Economic Society, 1995 (in Russian).
6. *Lvov D.S.* The third way. Forward or backward to the market. Mn.: Khata, 1998 (in Russian).
7. *Lvov D.* The Third Way for Russia. Moscow: CCI RF, OE RAS, 2001a (in Russian).
8. *Lvov D.* Rent as Public Revenue: The Strategy for Russia's Breakthrough to the Future. *Gephilos*, 2001b. V. 01. No. 1. Pp. 48–55.
9. *Lvov D.S.* Economics of development. Moscow: Exam, 2002 (in Russian).
10. *Lvov D.S.* Moral Economics. Moscow: Institute economic strategies, 2004 (in Russian).
11. *Lvov D.S., Moiseev N.N.* Russia in search of the third way // *Economicheskaya gazeta*. 1999. № 27 (in Russian).
12. *Stiglitz J.E.* Globalization and Its Discontents. London: Allen Lane. The Penguin Press, 2002.
13. *Stiglitz J.E.* The Roaring Nineties. Seeds of Destruction. New York: W.W. Norton & Company, Inc., 2003.
14. *Sverdlov E.* Individualism is the path of a cancer cell // *Izvestia*. May 18, 2001 (in Russian).
15. *Yerznkyan B.H.* Cognitive aspects of institutional development of social systems // *TERRA ECONOMICUS*. 2014a. Vol. 12. No. 1. Pp. 53–72 (in Russian).
16. *Yerznkyan B.H.* Ecological imperative: utopia or necessity // *Montenegrin Journal of Ecology*. 2014b. Vol. 1. No. 2. P. 17–24 (in Russian).

Ерзнкян Б.А., Фонтана К.А.

ЭТИКА И ЭСТЕТИКА ЭКОНОМИКИ ТРЕТЬЕГО ПУТИ

Рассматриваются этические и эстетические категории нравственной экономики, или экономики третьего пути, которую выстраивал академик Д.С. Львов на протяжении последних десятилетий своей жизни.

Ключевые слова: этика, эстетика, экономика третьего пути.

JEL классификация: B41, P31, P51.

РАЗДЕЛ 2.

ПРИКЛАДНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПРАКТИКА ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ В РОССИИ

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-73-84

М.В. Делибашич, Н.З. Гргуревич, М.В. Драшкович

Делибашич Милица В., д.э.н., асс. проф., Средиземноморский ун-т, фак. бизнеса, Подгорица, Черногория, тел. +382 69 902 393, mildel@gmail.com

Гргуревич Никша З., д.э.н., ассоц. проф., Средиземноморский ун-т, фак. менеджмента, Бар, Черногория, тел. +382 67 699 814, niksagrgurevic@t-com.me

Драшкович Мимо В., д.э.н., ассоц. проф., Университет Черногории, Морской фак., Котор, Черногория, тел. +382 68 583 622, rookie@t-com.me

ЭКЗАПТАЦИЯ ИНСТИТУТОВ КАК МЕТОД ИЗМЕНЕНИЯ СУЩНОСТИ И ДИНАМИКИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ В СТРАНАХ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Предметом данной статьи является влияние экзаптации институтов на динамику экономического поведения в странах Юго-Восточной Европы. Цель исследования состоит в объяснении того факта, что альтернативные институты являются результатом действия стратегии экзаптации институтов. Мы исходим из того, что защита людей от произвола властей не является универсальной и что она лимитирована наличием групповых интересов различных национальных, корпоративных и неформальных «элит», богатство и возможности которых позволяют им игнорировать и ущемлять интересы граждан. В работе используются общие методы социальных и экономических наук, прежде всего описательный, абстрагирующий, индуктивный и дедуктивный методы. В итоге подтверждается первоначальная гипотеза. Мы приходим к выводу, что поведенческая экономическая теория не может похвастаться практическим применением в большинстве переходных стран, в постсоциалистической реальности которых доминирующей стало антирациональное, антицивилизационное, антиинституциональное, альтернативное и оппортунистическое поведение, иными словами – бездушное, аморальное, незаконное, несправедливое и экстремальное поведение.

Ключевые слова: экзаптация, институты, альтернативные институты, страны Юго-Восточной Европы.

JEL классификация: O17, P31, P37.

ВВЕДЕНИЕ

Императивом развития любого общества является эволюция институтов в направлении их наибольшей эффективности (Норт, 1997). На практике, однако, это не всегда так. Современная эволюционная экономическая теория рассматривает проблему выбора неэффективных институтов и создания более эффективной и функциональной

институциональной структуры с точки зрения зависимости от предыдущего пути развития.

В последнее время появилось новое объяснение, которое относится к феномену т.н. *экзаптации*. Антропологи С. Гулд и Э. Врба (Gould, Vrba 1982) предложили этот термин в качестве дополнения к понятию приспособления, с точки зрения использования существующих структур для некоторых новых функций. Они считают важным, что экзаптация является не следствием естественного отбора, а вариацией интенционального поведения индивида для достижения каких-то своих специфических (особых) интересов в определенном историческом (временном) контексте, который, как мы уже сказали, зависит от предшествующего развития. Этот феномен предполагает длительное применение *насильственных методов* и «технологий» (правил и механизмов) для реализации некоторых социальных функций, которые изначально не были запланированы (предусмотрены). Это явление появляется в результате становления новых (альтернативных) форм институтов (Draskovic, Jovovic, Draskovic 2021) в среде существующего уровня культуры, социального капитала, ментальных моделей поведения и прежних институтов, таких как, например, были в начальный переходный период, когда социалистические институты коренным и быстрым образом менялись. Он непосредственно связан с:

- реализацией мер новой государственной экономической политики (в случае большинства стран переходного периода – неолиберальной), приведшей к серьезным изменениям сложившегося баланса интересов основных (доминирующих) социальных групп;

- созданием социальных групп с особыми интересами;
- последующим крахом прежних методов и форм экономической координации.

При этом подразумевается, что институциональные инновации отбираются, внедряются и реализуются государственной экономической политикой. Это означает, что она несет прямую ответственность за возможные неправильные выборы (выбор неэффективных институциональных структур), т.е. за блокирование потенциально более эффективных вариантов экономического развития. Известно и понятно, что экономические субъекты не могут изменить модели своего поведения в краткосрочной перспективе из-за действия институциональной (координационной) и технологической инерции (Joel 1992). Это приводит к возникновению гибридных форм координации, формированию стереотипов экономического поведения и новой экономической «культуры» (опять же: в большинстве стран переходного периода – неолиберальной). Таким образом, существует объективная возможность создания гибридного «институционального порядка», содержащего множество квазиинституциональных характеристик, с многими социопатологическими элементами неформальных институтов и квазиинституциональными структурами, а также со злоупотреблением формальными (государственными)

институтами со стороны альтернативных институтов (Draskovic, Jovovic, Streimikiene, Bilan 2020; Draskovic, Delibasic, Draskovic, 2021).

Гибридный порядок органически совместим с ошибочными и паллиативными реформами и непоследовательной экономической политикой, т.е. с неправильным институциональным выбором целей и методов экономического развития (собственность и др.). Прямым следствием первых является неоправданный рост транзакционных издержек, усиление оппортунистического (анти-институционального) поведения, рыночных ограничений и укрепление нерыночного перераспределения (факторных доходов и имущества), а также снижение эффективности хозяйственной деятельности в экономике. Все это в дальнейшем приводит к различного рода кризисным явлениям в обществе.

ПОНЯТИЙНЫЙ АППАРАТ ЭКЗАПТАЦИИ ИНСТИТУТОВ

Государственная экономическая политика (официально: неолиберальная) в большинстве постсоциалистических переходных стран осуществлялась под влиянием и в пользу партийных элит и узких социальных групп с так называемыми «особыми интересами». Она создавала благоприятные условия для определенных групп и лиц в плане удовлетворения привилегированных интересов, которые не могли быть реализованы в рыночном процессе. Они в условиях т.н. слабых институтов государственного регулирования компенсировали различные формы несостоятельности рынка альтернативными институциональными механизмами (Draskovic, Kravchenko, Delibasic, 2021), которые по отдельности были весьма эффективны, но противоречили общим целям общественного благосостояния.

В этом смысле можно говорить о существовании различных мифов (см. Ерзнкян, Аветисян, 2016; Draskovic, 2022) об обезличенном и свободном рынке, суверенитете потребителя, эффективном собственнике, «минимальном государстве»¹, демократии, реформах, институциональных изменениях, конкуренции, эффективном обмене правами собственности и др. Вместе них, в реальности пустило корни оппортунистическое и альтернативное поведение. Таким образом, риторика об институционализации превратилась в свою противоположность – *институциональное насилие*. Оно сопровождалось – разными методами экзаптации институтов. Имеется ввиду то что это относится к экономической и социальной реальности в странах Юго-Восточной Европы (ЮВЕ). Господство политических (партийных) интересов и апологетическая неолиберальная идеология функционально подчинили себе все социальные и экономические институты в сфере перераспределения прав собственности. Так осуществлялся контроль за всеми важными процессами и событиями. Укрепилось превосходство неформальных и

¹ Проповедуя «минимальное государство» и живя и богатея в его яслях, неолибералы злоупотребляют его ресурсами, делают все исключительно привилегированно, без знаний и опыта (трудового стажа), без научных и профессиональных вертикалей, со лживыми ссылками...

альтернативных правил поведения над формальными институтами с параллельной, а также небескорыстной и монопольной мотивацией (Draskovic, 2022).

Вспомним, теорема Коуза неоднозначно указывает на то, что институты меняются только тогда, когда выгоды от изменений перевешивают затраты. Но на практике стран ЮВЕ очевидно, что даже теорема Коуза «не работает», потому что не учитывает важный контекст: к кому относятся затраты и выгоды, к обществу или к отдельным лицам? Здесь на квазиинституциональные изменения влияли многие специфические факторы (табл. 1) в содействии со стратегией экзаптации институтов.

Таблица 1

Переходные факторы квазиинституциональных изменений в странах ЮВЕ

Внутренние факторы			
↓	↓	↓	↓
Культура и социально-культурный капитал	Пройденный путь развития	Характер общественного выбора	Характер номенклатур власти
↓	↓	↓	↓
КВАЗИИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ			
↑	↑	↑	↑
Глобализация	Неолиберальная идеология	Геополитика	Геоэкономика
↑	↑	↑	↑
Внешние факторы			

Источник: Delibasic 2019; Delibasic, Grgurevic 2014; Draskovic 2022.

Поскольку институты представляют собой «набор правил и процедур соблюдения морально-этических норм поведения, призванных ограничивать поведение индивидов» (North 1981, p. 201–202), ясно, что неограниченное (неконтролируемое) поведение элит (расширение их власти, влияние, обогащение и др.) является антиинституциональным поведением, которое приводит к созданию и укреплению коррумпированных и вредных так называемых «альтернативных институтов» в обществе. Обзоры литературы показывают, что «институциональные изменения намного труднее в крайне неравных условиях» (Das Gupta, 2001, p. 21). Таким образом, влиятельные стейкхолдеры (элиты) воздействуют на институты и их способность адаптироваться к изменениям. Обсуждение институциональных изменений и способности адаптироваться показывает, что влиятельные стейкхолдеры являются ключом к пониманию социальной динамики.

Неэффективный институциональный порядок был реализован в долгосрочной перспективе применением стратегии экзаптации институтов через развал, аморфность и амбивалентность экономической системы, снижение ее управляемости, дефицит верховенства права, отсутствие последовательной стратегии развития, снижение нравственных и других ценностных критериев, ярко выраженную социальную поляризацию, игнорирование основных принципов демократии и др. По сути, через создание нового диктата и доминирования привилегированных интересов сверхбогатых иррациональных «реформаторов» и их лоббистов («новых предпринимателей») и

пренебрежение интересами сверхбедного народа (Draskovic, Draskovic, Bilan 2019, s. 11). Перечисленные проблемы предполагают, что их исследование невозможно осуществить без применения принципов, постулатов и объяснений, предлагаемых неинституциональными экономическими теориями.

ПОСЛЕДСТВИЯ ЭКЗАПТАЦИИ ИНСТИТУТОВ

В странах ЮВЕ в экономической политике в основном преобладало влияние новых партийных «элит» и узких социальных групп, т.н. «*особые интересы*» (см.: Олсон, 2010). Эти группы создали олигархические и монополистические структуры для лоббирования политических и экономических решений, а также нормативных актов. Они весьма привилегированно участвовали в нерыночном распределении ресурсов. К такому типу поведения, вероятно, применима гипотеза *экзаптации институтов*. Она исходит из идеи, что институты могут метастазировать в смысле противоположного изменения исходных функций и выполнения каких-то совершенно новых функций. Подразумевается, что они в этом процессе теряют (частично или полностью) свои основные функции. Степень изменения институтов зависит от:

- глубины и широты форм проявления (захвата) *экзаптации*;
- степени консерватизма (устойчивости) формальных и информационных институтов;
- характера применяемых институциональных изменений (эволюционных, революционных, социопатологических и др.).

Напомним, что А. Стинчкомб (Stinchcombe 1965, pp. 168–169; 1968) считал, что организации, созданные в данной социальной среде, «должны строить свои социальные системы с помощью имеющихся социальных ресурсов» (например, внутренних структур, процессов и культурных характеристик), которые стремятся сохранить «*основную печать*» прежде всего благодаря «*традиционным силам, реализации интересов и идеологии*». Хотя такие среды важны, переход убедительно показал, что революционно (условно говоря) измененные условия среды (навязанная «демократия», идеология, консьюмеризм и т.д.) и финансируемая и программируемая динамика изменений извне – могут привести к относительно быстрым и нежелательным изменениям в поведении и курса «развития». Как раз так и случилось: институты заменили свою основную функцию на альтернативную!

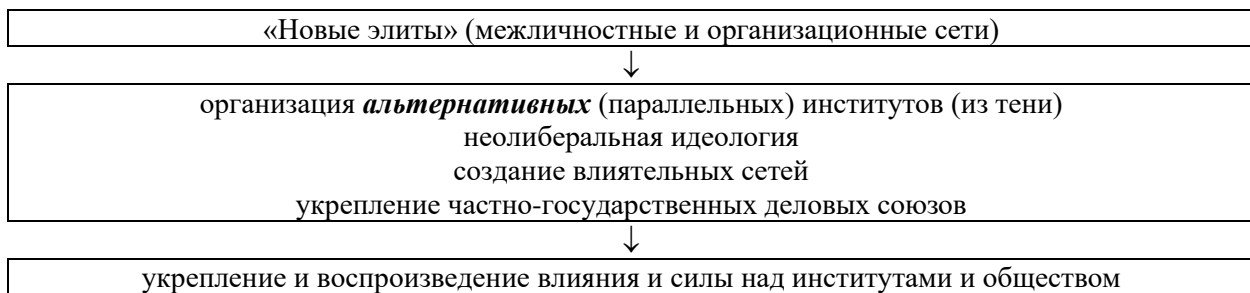
Полная отрицательная «институциональная» модификация (экзаптация) приняла альтернативный характер. Этому способствовало то, что *организационные переделки* почти не проводились, потому что почти все было разрушено: не было существенного строительства. Институциональная стабильность была сразу нарушена, и якобы неолиберальные реформы проводились по инерции, с совершенно новым спектром поведения, который наносил вред обществу и приносил значительную пользу отдельным людям. Происходило постоянное расширение разрыва между новыми формами

индивидуального бизнеса (новых элит) и социальной средой (обнищавшими массами). И все это происходило в условиях якобы свободы выбора и действия. Исторический генезис народа и его перспектива игнорировались за счет избирательных и текущих преимуществ отдельных лиц. И их *интересов*, а также их западных менторов, конечно.

Неолиберальная стратегия мобилизации социальных ресурсов и дискурсов оказалась чрезвычайно искусной в применении негативных изменений в институциональных структурах (окружающая среда). Мы полагаем, что речь шла больше об *институциональной адаптации* к интересам политических элит, чем о реальных институциональных изменениях в собственном смысле этого слова. Иначе как объяснить изменение основного назначения институтов как сущности этих осуществленных приспособлений?! Экзаптация институтов имела совсем другую цель! (см. табл. 2). Как и почему это было возможно? Потому что и экзогенные изменения параметров могут нарушить равновесие институциональных изменений, также как и эндогенные, подчеркивают А. Грейф и Д. Лейтин (Greif, Laitin, 2004), особенно такие, как изменения «*квазипараметров*» (например, распределения доходов или информации, доступной игрокам).

Таблица 2

Характер альтернативных институтов и цель экзаптации институтов

Источник: адаптировано по: Domhoff, 2012.

Г. Маркус указывает что «новые элиты» отличаются от институциональных структур тем, что они «*воссоздают область личных отношений, выходящую за функциональные и официальные границы*» (Marcus, 1983, p. 10). Они создали целую систему антиинституциональных и квазиинституциональных факторов. С точки зрения развития, все эти факторы носили препятствующий ему характер, деструктивно воздействующий на общество и экономику. Вместо реальных институциональных изменений они превратились в альтернативные, манипулятивные, узурпаторские, импровизационно-имитационные, т.е. в свою противоположность – квазиформу метаинституционализации. Элиты имели власть над государством и народом через гражданскую организацию политической власти (буквально: организацию и воровство на выборах). Хотя у них постоянно были различные конфликты с массами (распространение неравенства и т.д.), вызванные плохими политическими решениями «*сверху вниз и снизу вверх*» (Easterly, 2008).

«Новые элиты» охраняли свою власть преимущественно за счет вакуумной, патриархально-клановой сетевой системы. Таким образом, они контролировали

(поработали и использовали для своих нужд) все важнейшие сферы общества: культуру, институты, знания и средства массовой информации.

Но главное, что более чем вероятно, это отпечатки прошлого (социалистические балласты, связанные с определенными тенденциями, менталитетом, привычками и т.д., которые были достаточно известны создателям институциональных приспособлений). Это было очень хорошим фоном для неолиберальной *экзаптации институтов*.

Происходило бескомпромиссное обогащение номенклатуры власти (государственной и партийной) и их лоббистов за счет обнищания народа, т.е. «*перераспределение ренты в пользу номенклатуры власти*» – Аслунд (Aslund, 1994, р. 98). При этом, основным принципом, методом и регулятором нерыночного обогащения были так называемые «альтернативные институты».

К сожалению, принципы дерегулирования, ориентации на интересы, индивидуализации и коммерциализации использовались как хороший *концептуальный инструмент* для получения политических, идеологических и экономических конкурентных преимуществ. Этот инструмент (прибор, орудие) позволил успешно разделить *историческое происхождение* (коллективные социальные ценности) и *текущую полезность* (современные проявления узких и привилегированных индивидуальных ценностей, т.е. интересов).

Неолиберальная экономическая политика создала чрезвычайно благоприятные условия для частного и привилегированного «бизнеса» определенных групп и лиц в плане (неоправданного, незаслуженного) удовлетворения тех или иных своих интересов (обогащения любой ценой), чего нельзя было достичь в рыночном процессе. В условиях плохого института государственного регулирования различные формы несостоятельности рынка компенсировались (криминально, из тени) альтернативными институциональными механизмами. Они были очень эффективны для отдельных лиц (создавших их), но находились в прямом противоречии с общими целями общественного благосостояния, т.е. с интересами подавляющего большинства народов.

Разумеется, все эти альтернативные модели поведения носили характер квази-институциональных «*инноваций*», создававших институциональный вакуум, т.е. так называемые «*институциональные ловушки*» (Полтерович 1999). Этот «вакуум» привел к широкому спектру дифференцированного социально-экономического иррационального, антиинституционального и антицивилизационного поведения. По сути, это неэффективные (но временно и функционально устойчивые) нормы или институты, обладающие самоподдерживающимся запирающим эффектом: однажды принятое решение трудно изменить («*перевернуть вверх дном*»).

Альтернативные институты, как и всякое альтернативное экономическое поведение, являются результатом фиаско института государственного регулирования, т.е. следствием так называемой «*экзаптации*» институтов. Возможность их подробного научного исследования весьма ограничена, поскольку их существование и функционирование всегда окутаны пеленой тайны и недоступностью получения достоверной

документации и конкретных данных. Их подробное объяснение, вероятно, требует вскрытия этого «черного ящика», что позволило бы понять долгосрочные плохие результаты и перманентный кризис в большинстве стран с переходной экономикой.

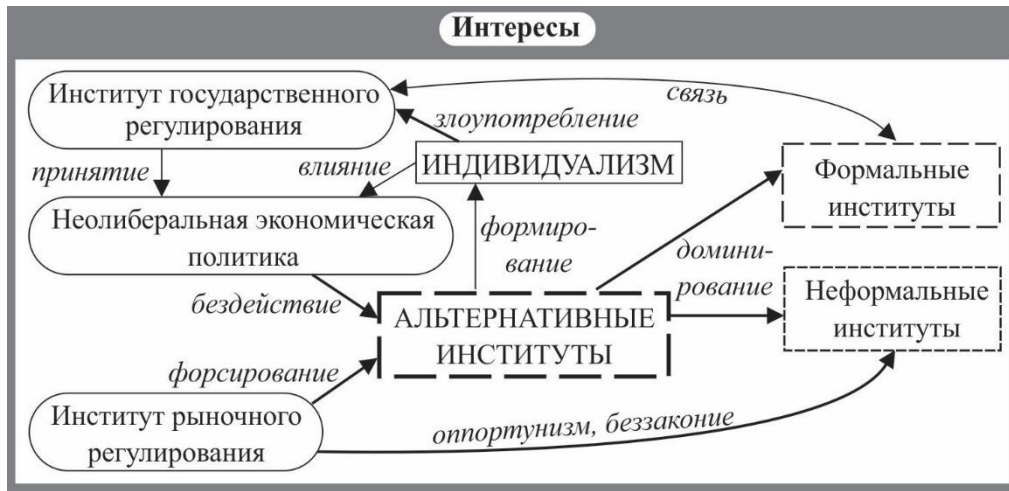

Рис. 1. Суть неолиберального парадокса экзпроприации институтов

Источник: Draskovic, 2022.

Бесспорно, что народы получили некоторые новые свободы. Но они за это дорого заплатили лишением некоторых других свобод, о которых в то время люди даже не думали. Таким образом, расширялся и укреплялся круг грабительских альтернативных институтов и квазинеолиберализма (либерастии). Либерастия – это современный мутант неолиберализма, вобравший в себя его худшие черты. У него развились многие дегенеративные черты, которые со временем превратились в серьезную социальную болезнь ложной и редуцированной свободы и адекватного привилегированного индивидуализма. Либерастия сопровождалась процессом «тайкунизации». Она быстро распространилась и создала постоянный порочный круг, состоящий из следующих элементов: приход к власти жадных авантюристов (так называемых «реформаторов»), присвоение государственного имущества путем нецелевого использования и уничтожения государственных ресурсов, укрепление и сохранение их собственной власти и обогащение любой ценой и уход от ответственности за свои действия. Дж. Крегар (Kregar 2009, p. 194) правильно заметил, что «сеть личных отношений лишь формально основывается на системе государственного управления, она существует за фасадами институтов, как ряд персоналистских связей, созданных клик или фракций, существует в виде отношений голых власти. Поэтому на арене экономической конкуренции доминируют не формальные администрации и управленческие структуры, а системы политических актов... Грабительская жадность порождает грабителей, а не предпринимателей» (ibid., p. 185).

М. Делибашич (Delibasic, 2016, s. 150; 2018) отметила, что многие теоретические анализы институциональных моделей показали, что социально-экономическое

развитие включает в себя не только экономические факторы (как подсистему), но и широкий спектр неэкономических переменных, включая формальные и неформальные институты, культурные и иные системы ценностей, а также все формы оппортунистического поведения, устанавливаемые альтернативными институтами (как культурно-институциональной подсистемой). Неолиберализм как идеологическая основа альтернативных институтов в странах с переходной экономикой не смог удовлетворить ни один из элементов «наименьшего общего знаменателя» экономического успеха: интеграция в мировую экономику, высокая мобильность рабочей силы, большие сбережения, значительные инвестиции, укрепление государственных компетенций, приверженность экономическому развитию и социальное обеспечение. Даже самые либеральные страны мира не выступают за бесконтрольный рынок, институциональный монизм и нерыночное присвоение. Что уж говорить об их крайне негативном отношении к квазиинституциональному монизму и роли альтернативных институтов?

ВЫВОДЫ

Переходный период в странах ЮВЕ был объективно и многостранно зависимым процессом, направляемым определенными путями трансформации. Он породил разные эпистемологические уровни, с нечеткими критериями оценки поведения человека (особенно экономического), с неопределенными целями и разрушительными стратегиями «развития» (как *экзаптация институтов*). Все это происходило в условиях большой социально-экономической нестабильности, с широким спектром оппортунистического поведения. У него не было разработанной, законченной и последовательной теории, которая научно и методологически объясняла бы многообразие конкретных и часто мутирующих практических явлений. Одним из доминирующих феноменов стало формирование безнравственного, бесчеловечного, неоимперского, неототалитарного и неодогматического риторического фасада, позволившего сделать возможным долгосрочную подмену развития материальными, человеческими и социальными ценностями (деньгами).

Основой экзаптации институтов была догматическая идеология «*политического грабежа*» (Oppenheimer, 1922). Гегемонистский (жадный) порядок, *построенный* на этой почве (основе), навязывал номенклатуру власти за счет реализации привилегированных интересов самопровозглашенных «*новых элит*». Элитарный дирижизм имел господствующую партийно-государственную базу. Парадоксальным образом привилегированный индивидуализм заменил провозглашенное господство народа, свободу и лучшую жизнь. Господство неконтролируемых и привилегированных экономических и других свобод над институтами (а не взаимодополняемость массовых свобод и институтов) привело к *институционализации привилегий* редких личностей (политически избранных), процессуальных форм доминации и изоциренных форм неототалитаризма.

Безграничная квазилиберальная демагогия и динамика экспериментального дерегулирования нарушили все моральные и институциональные ограничения

экономической реальности и рационального человеческого поведения. Вместо институтов как «хороших правил» доминировали редкие «игроки» и их «связи». Дефицит, имитация и (или) фиаско институтов сопровождалась стратегией *экзантиции* институтов. Она провоцировала, способствовала и даже форсировала оппортунистическое поведение, а также и различные социальные и экономические потрясения, регрессивные и анти-цивилизационные процессы.

Нерыночные и незаконные способы быстрого и легкого приобретения богатства через квази-акционерное владение, партийное влияние и привилегированный бизнес не могли привести к стабильной и эффективной социально-экономической системе, конкурентному рынку, социальной справедливости, верховенству права, демократии и правовому государству и т.д. Они привели к кризису, монополии и квазирынку, расслоению, власти номенклатуры правительства и магнатов, анархии и социопатологическим явлениям. Таким образом, многие позитивные и пропагандируемые идеи и идеи постсоциалистического перехода превратились в свою противоположность.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Ерзнкян Б.А., Аветисян А.Г.* Риторика и мифы институциональной экономики // Теория и практика институциональных преобразований в России: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 36. М: ЦЭМИ РАН, 2016. С. 39–49.
- Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. № 1. С. 97–106.
- Олсон М.* Диктатура, демократия и развитие // Экономическая политика. 2010. № 1. С. 167–183.
- Ослунд А.* Уроки экономических преобразований в Восточной Европе // Вопросы экономики. 1994.
- Полтерович В.М.* Институциональные ловушки и экономические реформы // Экономика и математические методы. 1999. Т. 35. № 2. С. 1–37.
- Das Gupta M., Grandvoinet H., Romani M.* State-Community Synergies in Development: Laying the Basis for Collective Action // Policy Research Working Paper. No. 2439. Washington: World Bank, 2000.
- Delibasic M.* Hypothetical Matrix for Institutional Modeling of the Basis for Economic Development in the Countries of Southeast Europe. Montenegrin Journal of Economics. 2016. Vol. 12. No. 2. P. 147–159.
- Delibasic M.* Socio-Cultural Capital as a Cause of Economic and Institutional Crisis in Montenegro, Serbia and Bosnia and Herzegovina // Economics and Sociology. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 219–229.
- Delibasic M.* The Impact of Neoliberal Economic Policy on Economic Development in the Countries of Southeast Europe // Transformations in Business & Economics. 2019. Vol. 18. No. 2(47). P. 323–336.
- Delibasic M., Grgurevic N.* Institutional Pluralism and Economic Development // Economic Ideas and Practice. 2014. No. 12. P. 167–179 (in Serbian).
- Domhoff G.W.* How to Do Power Structure Research. 2012. URL: http://www2.ucsc.edu/whorulesamerica/methods/how_to_do_power_structure_research.html#Appendix_A
- Draskovic V.* New Shackles: Quasi-Neoliberal Violence of Alternative Institutions. 2nd ed. Podgorica: ELIT, 2022 (in Serbian).
- Draskovic V., Draskovic M., Bilan S.* Motivation, Methodology, and Phenomenology of Institutional Nihilism in the SEE Countries // Montenegrin Journal of Economics. 2019. Vol. 15. No. 2. P. 7–14.
- Draskovic V., Jovovic R., Streimikiene D., Bilan S.* Formal and Informal vs. Alternative Institutions // Montenegrin Journal of Economics. 2020. Vol. 16. No. 2. P. 193–201.
- Draskovic M., Delibasic M., Draskovic V.* Neoliberalism, Alternative Institutions, and Crisis. Celje, Osijek, Chestochowa and Kotor: The Scientific Publishing Hub, 2021.
- Draskovic M., Jovovic R., Draskovic V.* Causes of Crisis in SEE Countries – Institutional and Socio-cultural Aspects. Podgorica, ELIT, 2021.

- Draskovic V., Kravchenko S.A., Delibasic M.* Synergy of Neoliberalism, Alternative Institutions, and Transitional Crisis // *Amfiteatru Economic*. 2021. Vol. 23. No. 57. P. 534–547.
- Easterly W.* Institutions: Top down or bottom up? // *American Economic Review: Papers & Proceedings*. 2008. Vol. 98. No. 2. P. 95–99.
- Gould S.J., Vrba E.S.* Exaptation – A Missing Term in the Science in Form // *Paleobiology*. 1982. Vol. 8. No. 1. P. 4–15.
- Greif A., Laitin D.* A Theory of Endogenous Institutional Change // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. No. 4. P. 633–652. DOI: 10.1017/S0003055404041395
- Joel M.* Technological Inertia in Economics History // *The Journal of Economic History*. 1992. Vol. 52. No. 2 (June). P. 325–338.
- Kregar J.* Recession and Depression. In: *Crisis and Economic Policy Frameworks, HAZU and Croatian Institute of Finance and Accounting*. Zagreb, 2009. P. 183–196 (in Croatian).
- Marcus G.E.* *Elites, Ethnographic Issues*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1983.
- North D.* *Structure and Change in Economic History*. New York & London: W. Norton & Co., 1981.
- Openheimer F.* *The Genesis of the State*. In: *The State: Its History and Development viewed Sociologically*, authorized translation by John M. Gitterman. New York: B.W. Huebsch, 1922.
- Stinchcombe A.L.* *Social structure and organizations*. In: J.G. March (Ed.). *Handbook of Organizations*. Chicago: Rand McNally, 1965. P. 142–193.
- Stinchcombe A.L.* *Constructing Social Theories*. New York: Harcourt Brace & World, 1968.

REFERENCES

- Yerznkyan B.H., Avetisyan A.G.* Rhetoric and Myths of Institutional Economics // *Theory and Practice of Institutional Reforms in Russia / Collection of scientific works ed. by B.H. Yerznkyan*. Issue 36. Moscow: CEMI Russian Academy of Sciences, 2016. P. 39–49 (in Russian).
- North D.* *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Moscow: Foundation of Economic Book “Nachala”, 1997 (in Russian).
- Olson M.* Dictatorship, Democracy, and Development // *Economic Policy*. 2010. No. 1. P. 167–183 (in Russian).
- Oslund A.* Lessons of Economic Reforms in Eastern Europe // *Voprosy Ekonomiki*. 1994. No. 1. P. 97–106 (in Russian).
- Polterovich V.M.* Institutional Traps and Economic Reforms // *Economics and Mathematical Methods*. 1999. Vol. 35. No. 2. P. 1–37 (in Russian).
- Das Gupta M., Grandvoinet H., Romani M.* *State-Community Synergies in Development: Laying the Basis for Collective Action // Policy Research Working Paper*. No. 2439. Washington: World Bank, 2000.
- Delibasic M.* Hypothetical Matrix for Institutional Modeling of the Basis for Economic Development in the Countries of Southeast Europe. *Montenegrin Journal of Economics*. 2016. Vol. 12. No. 2. P. 147–159.
- Delibasic M.* Socio-Cultural Capital as a Cause of Economic and Institutional Crisis in Montenegro, Serbia and Bosnia and Herzegovina // *Economics and Sociology*. 2018. Vol. 11. No. 4. P. 219–229.
- Delibasic M.* The Impact of Neoliberal Economic Policy on Economic Development in the Countries of Southeast Europe // *Transformations in Business & Economics*. 2019. Vol. 18, No. 2(47). P. 323–336.
- Delibasic M., Grgurevic N.* Institutional Pluralism and Economic Development // *Economic Ideas and Practice*. 2014. No. 12. P. 167–179 (in Serbian).
- Domhoff G.W.* How to Do Power Structure Research. 2012. URL: http://www2.ucsc.edu/whorulesamerica/methods/how_to_do_power_structure_research.html#Appendix_A
- Draskovic V.* *New Shackles: Quasi-Neoliberal Violence of Alternative Institutions*. 2nd ed. Podgorica: ELIT, 2022 (in Serbian).
- Draskovic V., Draskovic M., Bilan S.* Motivation, Methodology, and Phenomenology of Institutional Nihilism in the SEE Countries // *Montenegrin Journal of Economics*. 2019. Vol. 15. No. 2. P. 7–14.
- Draskovic V., Jovovic R., Streimikiene D., Bilan S.* Formal and Informal vs. Alternative Institutions // *Montenegrin Journal of Economics*. 2020. Vol. 16. No. 2. P. 193–201.
- Draskovic M., Delibasic M., Draskovic V.* *Neoliberalism, Alternative Institutions, and Crisis*. Celje, Osijek, Chestochowa and Kotor: The Scientific Publishing Hub, 2021.

- Draskovic M., Jovovic R., Draskovic V.* Causes of Crisis in SEE Countries – Institutional and Socio-cultural Aspects. Podgorica, ELIT, 2021.
- Draskovic V., Kravchenko S.A., Delibasic M.* Synergy of Neoliberalism, Alternative Institutions, and Transitional Crisis // *Amfiteatru Economic*. 2021. Vol. 23. No. 57. P. 534–547.
- Easterly W.* Institutions: Top down or bottom up? // *American Economic Review: Papers & Proceedings*. 2008. Vol. 98. No. 2. P. 95–99.
- Gould S.J., Vrba E.S.* Exaptation – A Missing Term in the Science in Form // *Paleobiology*. 1982. Vol. 8. No. 1. P. 4–15.
- Greif A., Laitin D.* A Theory of Endogenous Institutional Change // *American Political Science Review*. 2004. Vol. 98. No. 4. P. 633–652. DOI: 10.1017/S0003055404041395
- Joel M.* Technological Inertia in Economics History // *The Journal of Economic History*. 1992. Vol. 52. No. 2 (June). P. 325–338.
- Kregar J.* Recession and Depression. In: *Crisis and Economic Policy Frameworks*, HAZU and Croatian Institute of Finance and Accounting. Zagreb, 2009. P. 183–196 (in Croatian).
- Marcus G.E.* *Elites, Ethnographic Issues*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1983.
- North D.* *Structure and Change in Economic History*. New York & London: W. Norton & Co., 1981.
- Openheimer F.* The Genesis of the State. In: *The State: Its History and Development viewed Sociologically*, authorized translation by John M. Gitterman. New York: B.W. Huebsch, 1922.
- Stinchcombe A.L.* Social structure and organizations. In: J.G. March (Ed.). *Handbook of Organizations*. Chicago: Rand McNally, 1965. P. 142–193.
- Stinchcombe A.L.* *Constructing Social Theories*. New York: Harcourt Brace & World, 1968.

Delibasic V.M., Grgurevic Z.N., Draskovic V.M.

EXAPTATION OF INSTITUTIONS AS A METHOD OF CHANGING THE NATURE AND DYNAMICS OF ECONOMIC BEHAVIOR IN SOUTH-EASTERN EUROPE

The subject of this article is the impact of the exaptation of institutes on the dynamics of economic behavior in the countries of South-Eastern Europe. The purpose of the study is to explain the fact that alternative institutions are the result of an strategy exaptation of institutions. We proceed from the hypothesis that the protection of people from the arbitrariness of the authorities is not universal and that it is limited by the presence of group interests in different national, corporate and informal «elites», whose wealth and opportunities allow them to ignore and infringe on the interests of citizens. The work uses the general methods of social and economic sciences, primarily descriptive, abstract, inductive and deductive. As a result, the initial hypothesis was confirmed. We came to the conclusion that behavioral economics cannot boast of practical applications in most transitional countries, in which the post-socialist reality had many and various anti-rational, anti-civilizational, anti-institutional, alternative and opportunistic behaviors – they were soulless, immoral, illegal, unjust and extreme.

Keywords: exaptation, institutions, alternative institutions, countries of South-Eastern Europe.

JEL Classification: O17, P31, P37.

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-85-90

С.А. Смбалян

Смбалян Саргис Арамович, исследователь-эксперт, старший преподаватель, Ереванский государственный университет языков и социальных наук им. В. Брюсова, г. Ереван, Государственный университет управления, кафедра маркетинга, г. Москва, тел.: +79031081111, e-mail: ssako90@mail.ru

ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЕ И ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ СТОРОНЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Дистанционное обучение в последнее время становится во все большей степени востребованным способом получения образования. Будучи комплементарным к традиционному обучению, оно с опорой на виртуальные технологии постепенно расширяет сферу своей деятельности. В условиях пандемии дистанционное обучение востребовано в первую очередь. В статье анализируются особенности такого обучения, выявляются его плюсы и минусы – с различных точек зрения, делается вывод о продуктивности синтезирующего подхода к обоим видам получения образования.

Ключевые слова: дистанционное образование, обучение, виртуальные технологии, информатизация, реформа образования.

JEL классификация: A29, I20, I29.

ВВЕДЕНИЕ

Конец XX – начало XXI вв. является временем перехода от индустриальной эпохи к постиндустриальной, которую называют также информационной, потому что информация занимает в ней центральное место.

Постиндустриальная эпоха характеризуется, прежде всего, резким, лавинообразным увеличением потока информации, в котором она, ее постоянно обновляющиеся ресурсы играют основополагающую роль в развитии наукоемких процессов, высокоэффективных технологий, культуре их эксплуатации и воспроизводства [6]. В информационную эпоху происходит взаимопроникновение различных культур, бурно развиваются информационные, виртуальные и коммуникационные технологии, и в этих условиях для индивида возникает необходимость оперировать огромным количеством знаний в самых различных областях человеческой деятельности.

Вследствие подобных эпохальных перемен, перед которыми встало человечество, возникла необходимость серьезной реформы в области образования. Как говорит Н.Ю. Марчук, реформа образования должна быть ориентирована на сокращение периода обучения студентов, изменение содержания образования, углубление знаний учащихся, а также на индивидуализацию и дифференциацию обучения [2].

Одним из средств решения вышеупомянутых задач является применение дистанционного обучения. Родоначальником дистанционного обучения считается Ян Коменский, который еще 350 лет тому назад создал для обучения на расстоянии иллюстрированные учебники.

Есть много определений дистанционного обучения. Рассмотрим определения, данные российскими специалистами [3].

При определенных различиях, разной акцентировке на той или иной стороне процесса дистанционного обучения во всех них есть следующие общие черты:

- 1) осуществление контакта учителя с обучающимися на расстоянии;
- 2) наличие специфических технических средств, обеспечивающих учебный процесс.

В настоящее время одним из самых распространенных определений дистанционного обучения является следующее.

Дистанционное обучение – взаимодействие учителя и учащихся на расстоянии, отражающее все присущие учебному процессу компоненты (цели, содержание, методы, организационные формы, средства обучения) и реализуемые специфическими средствами интернет-технологий или другими средствами, предусматривающими интерактивность.

ПЛЮСЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Как и любые формы обучения, дистанционное обучение обладает целым рядом как положительных, так и отрицательных сторон. Рассмотрим перечень плюсов и минусов дистанционного обучения. Плюсами дистанционного обучения являются:

1) *персонализация*. Это означает, что студент имеет возможность самостоятельно определять скорость освоения курса и время занятий;

2) *доступность*. Дистанционно могут получать образование те, кто по тем или иным причинам не могут учиться очно;

3) *неограниченное количество источников знания*. Студенты могут обучаться не только по конспектам и учебникам, но и получают доступ к обучающим компьютерным программам, электронными библиотечным системам, аудио- и видеокурсам;

4) *эффективность*. Обучающийся быстрее усваивает программу благодаря возможности в короткий срок получить всю учебную информацию в мультимедийном доступе;

5) *использование современных технологий*. В образовательном процессе применяются последние достижения телекоммуникации, что способствует их быстрому освоению преподавателями и студентами;

6) *комфортная обстановка*. Заниматься и вести уроки можно дома, в привычной для себя обстановке, что позволяет снять эмоциональное напряжение и обучаться эффективнее;

7) *широкий выбор учебных учреждений*. Учащийся может выбрать любое образовательное учреждение независимо от его местонахождения;

8) *автоматизация*. Обучение и контроль за обучением при такой форме обучения может осуществлять не только преподаватель, но и автоматизированные

обучающие тестирующие системы. Это избавляет педагогов от рутинной работы и повышает качество образования;

9) *дистанционная образовательная среда постоянно меняется*, обзаводясь новыми методами и инструментами [5].

К плюсам дистанционного обучения старшеклассников, студентов и взрослых можно отнести также развитие необходимых личностных и мотивационных особенностей обучающихся. На основе эмпирических исследований Б.Б. Айсмонтас и Мд. Актхер Уддин пришли к следующему заключению. По мнению студентов, дистанционное обучение существенно повлияло на планирование дистанционного процесса своего обучения, организацию самостоятельной работы, навыки работы с учебным материалом (классификация, систематизация, анализ, обобщение, порядок изучения дисциплины), умение формулировать мысли в письменном виде, развитие познавательной деятельности, творческого мышления и др. Одновременно необходимо отметить и то, что ряд студентов указали и на то, что дистанционное обучение не повлияло на такие аспекты личностного развития, как умение формулировать мысли в устном виде (39,2%), развитие творческого мышления (33,8%), навыки работы с учебной информацией (20,3%) [1].

Правда, положительное влияние дистанционного обучения здесь ограничивается тем, что оно не распространяется на развитие навыков устной речи.

Таким образом, анализируя приведенные плюсы дистанционного обучения, можем сказать, что они делают дистанционное обучение комфортным, доступным. Оно опирается на несравненно более богатые и постоянно обновляемые учебные материалы. Они развивают у обучающихся такие личностные качества, как способность планировать дистанционный процесс своего обучения, организация самостоятельной работы, навыки работы с учебным материалом, умение формулировать мысли в письменном виде.

МИНУСЫ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

Наряду с положительными сторонами дистанционное образование обладает целым рядом отрицательных сторон.

1. *Отсутствует личное взаимодействие.* При такой форме обучения невозможно очное взаимодействие преподавателя с учениками и учеников между собой, и это важно особенно для учеников начальных классов.

2. *Требуется высокая самодисциплина.* Чтобы обучаться дистанционно, необходимо уметь управлять своим временем и самостоятельно выделять его для учебы. Делать это, находясь дома, непросто.

3. *Нужен гаджет, подключенный к быстрому интернету.* Чтобы учиться дистанционно, нужен постоянный удаленный доступ к учебным материалам. Без мощного гаджета (телефона, планшета и т.д.) осваивать дистанционную программу не получится.

4. *Нет устных ответов.* Обучаться и сдавать аттестации приходится в основном письменно, что не позволяет научиться четко и последовательно излагать свои мысли устно.

5. *Техническая сложность.* Не все студенты, а в особенности преподаватели, готовы осваивать современные педагогические технологии для дистанционного обучения.

Если мы рассмотрим эти минусы более внимательно, то заметим, что некоторые из них вполне преодолимы. Высокую самодисциплину в себе в конечном итоге можно выработать самому или с помощью взрослых, если обучающийся – ребенок младшего школьного возраста. Также вполне решаем вопрос с приобретением требуемого гаджета, можно преодолеть и технические сложности и успешно освоить современные педагогические технологии.

Однако не так просто обстоит дело с двумя взаимосвязанными минусами дистанционного обучения: отсутствием личного взаимодействия между учениками и учителем, а также между учениками друг с другом, и отсутствием устных ответов.

Человеческий социум представляет собой единство людей и коллективов, крепко сцементированных между собой разнообразными связями и взаимоотношениями, личными или опосредованными, в частности, посредством технических средств.

Важную роль в социуме играют коллективы, образованные при функционировании традиционной системы образования: классы учеников в школах, группы студентов в вузах, любые группы людей, образованные с целью обучения, и их учителя. Личное взаимодействие между учителем и учениками и учениками между собой играют основополагающую роль. Они улучшают качество образования, оттачивают многие способности и навыки учеников, в частности, навыки устной речи, имеющие важное значение в развитии людей, а также в сохранении человека как вида. Если вдруг при наличии определенных неблагоприятных условий ослабнут или исчезнут навыки устной речи, у человека со временем необратимо деградирует способность к интеллектуальной деятельности, и он скатится по эволюционной лестнице вниз, сначала на уровень Маугли, а потом – животных. Ведь недаром армянское языковое сознание дифференцирует человека и животных по языковому признаку. В древнем армянском языке людей называли *шпիւի* (асун, словесные, умеющие говорить), а животных – *шішпիւի* (анасун, бессловесные, не умеющие говорить). Нарушение личной взаимосвязи между учителем и учеником и учениками между собой в учебном коллективе, во-первых, ухудшило бы качество образования, во-вторых, расшатало бы взаимосвязь этой части социума, что привело бы к его обеднению и ослаблению и в конечном итоге – большей уязвимости членов социума. Эпидемия коронавируса выявила новые достоинства и недостатки в процессе дистанционного обучения.

COVID-19 придал мощный импульс облачным технологиям. Уже в 2021 г. спрос на облачные технологии в России вырос на 30% (согласно исследованиям

компании TMT Consulting. URL: http://tmt-consulting.ru/wp-content/uploads/2020/07/Рейтинг-TMT-Консалтинг-Рынок-публичных-облачных-услуг-2019-2020_-3.pdf).

Естественно, в период пандемии детские сады, школы и университеты были вынуждены перейти на дистанционное обучение. Однако быстрый переход удался не всем. В силу возраста учителей, проблем с оборудованием быстрый переход на нормальное дистанционное обучение не получилось. Самое интересное, что исследование TMT Consulting показало вначале рост продуктивности у работников, а потом быструю усталость. На это сказались несколько факторов: недостаток рабочего пространства, специфические «домашние факторы» в виде детей, родственников или соседей, постоянно отвлекающие внимание, нехватка общения в коллективе, излишний или, наоборот, минимальный контроль со стороны работодателя. Это все в конечном итоге обернулось потерей мотивации.

Возрастной срез влияния показал следующие результаты: во время периода самоизоляции «зумеры» (молодежь в возрасте примерно 11–25 лет) чувствовали себя хуже всего. Главным образом, они жаловались на ощущение скуки (51%), меньшую физическую активность (47%) и повышенное чувство одиночества (41%).

Аналитики ВБ в своем исследовании «Потеря потенциального школьного образования и трудового опыта на фоне пандемии» говорят, что пандемия приведет к закрытию школ стран с развитой экономикой. Более того, учебные учреждения в долгосрочной перспективе столкнутся с более существенными потерями, чем государства со средним и низким доходом граждан. Смоделированные процессы показали, что при негативном сценарии даже через 40 лет после пандемии ВВП стран с высоким уровнем дохода будет на 4,2% ниже, чем он мог бы быть без нее. Для стран со средним доходом потенциальный разрыв равен 2,6%, для бедных –0,8%.

Серьезные последствия упомянутых минусов дистанционного обучения могут привести к негативным последствиям при неправильном применении этой формы обучения, т.е. при излишней ее абсолютизации. Необходимая в определенной степени индивидуализация и дифференциация обучения ни в коем случае не должна способствовать увеличению разобщенности между членами социума. В конечном итоге «целью развития дистанционного обучения является объединение преимуществ виртуального и традиционного образования» [2], что означает, что ни один из этих двух видов образования не должна быть абсолютизирован в ущерб другому.

Если человечество будет применять форму дистанционного обучения в качестве дополнения традиционной системы обучения, упомянутых негативных последствий не будет, и оно принесет нам громадную пользу. В этом случае процесс обучения и усвоения учебного материала углубится, расширится и качественно улучшится в разы, что будет способствовать прогрессу человеческого общества.

Но если вдруг в силу каких-либо обстоятельств и причин человечество откажется от традиционной формы обучения, и будет применять только дистанционное обучение, эти минусы приведут к вышеупомянутым грозным последствиям – деградации

интеллектуальной деятельности человека и ослаблению связей людей в социуме, что в свою очередь приведет к разобщенности членов социума и потому – к их большей уязвимости.

В ближайшей перспективе нам кажется весьма продуктивным синтезирующий подход к двум видам образования, предложенный В.И. Овсянниковым в статье «Образование без отрыва от работы: опыт организации» [4]. Он пишет: «Не стоит связывать все надежды с какой-либо существующей формой образования. Перспективнее всего синтезировать лучшие и приемлемые в наших условиях качества каждой из них, и на этой основе выработать новую модель образования» [6].

Подобный подход мог бы в определенной степени сблизить оба вида образования и способствовать улучшению качества учебного процесса.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. *Айсмонтас Б.Б., Уддин Мд Актхер.* Личностные и мотивационные особенности студентов очного и дистанционного обучения. М.: 2014. С. 94–95.
2. *Марчук Н.Ю.* Психолого-педагогические особенности дистанционного обучения // Педагогическое образование в России. 2013. № 4.
3. Интернет ресурс: Дата обращения 22.02.2021.
4. *Овсянников В.И.* Образование без отрыва от работы // Педагогика. 1995. № 2.
5. Преимущества и недостатки дистанционного обучения. Понятие дистанционного обучения. Интернет. TextoLogia.ru.
6. Теория и практика дистанционного обучения / под ред. Е.С. Полат. М.: АCADEMIA, 2004.

REFERENCES

1. *Ismontas B.B., Uddin Md Akhter.* Personal and motivational characteristics of full-time and distance learning students. Moscow, 2014, pp. 94-95 (in Russian).
2. *Marchuk N.Yu.* Psychological and pedagogical features of distance learning // Pedagogical education in Russia. 2013. No.4 (in Russian).
3. Internet resource. Date of treatment 22.02.2021.
4. *Ovsyannikov V.I.* Education on the job //Pedagogy. 1995. No. 2 (in Russian).
5. Advantages and disadvantages of distance learning. Distance learning concept The Internet. TextoLogia.ru.
6. Theory and practice of distance learning. Edited by E.S. Polat. Moscow: ACADEMIA, 2004.

Smbatyan S.A.

POSITIVE AND NEGATIVE ASPECTS OF DISTANCE LEARNING

Distance learning has recently become an increasingly popular way of obtaining education. Being complementary to traditional education, it is gradually expanding the scope of its activities based on virtual technologies. In a pandemic, distance learning has come to the fore with might and main. The paper analyzes the features of such education, identifies its pros and cons – from different points of view, the conclusion is made about the productivity of the synthesizing approach to both types of education.

Keywords: distance education, training, virtual technologies, information, education reform.

JEL Classification: A29, I20, I29.

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-91-120

Н.А. Тарасова

Тарасова Наталья Андреевна, к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН, Москва, тел. +7(916)397-73-45, tarasovan2008@yandex.ru

«ДО» И «ПОСЛЕ» ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ: ПРОБЛЕМЫ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ И АНАЛИЗ ВОЗМОЖНЫХ ПОСЛЕДСТВИЙ

В качестве своеобразного «предисловия» к изложению факторов современного инновационного развития экономики России анализируются результаты нашего многолетнего опыта семиотического анализа и контроля десятков разнородных проведенных социально-экономических и других исследований. Анализ начинается с теоретического рассмотрения процесса достижения не только достоверности, но и истинности результатов исследования (на основе философских теорий истинности). Семиотический контроль корректности используемых гносеологических, социально-экономических и математических положений проиллюстрирован на материале различных реальных исследований, которые анализировались и осуществлялись с помощью предложенной семиотической методологии обеспечения достоверности показателей. Она не имеет до сих пор известных нам аналогов и включает общую семиотическую методологию и ее важный вариант – сравнительную методологию определения показателей государственной статистики. Это позволило решить и ряд проблем общеэкономического характера (начиная с важнейшей – корректности использования в исследованиях формально строгого математического аппарата в среде «нестромого» естественного языка), и определить практическую эффективность параметров социальной политики. Анализируются выявленные при этом существенные психологические аспекты практического использования семиотического подхода во многих конкретных исследованиях. Рассматриваются аспекты, затрудняющие использование (хотя и способствующие достоверности и истинности результатов) либо содействующие организации совместной работы исследователей. Для успешного использования факторов современного инновационного развития экономики России немалое значение имеет анализ возможных последствий такого развития. Здесь важна роль еще в 1993 г. выявленной нами специфики российского рынка труда. Это явление, определившее практическую эффективность и социальный характер политики занятости в РФ, – инициируемая властью вынужденная занятость населения, определяемая эластичностью занятости в условиях РФ. Динамика такой политики занятости на микро- и мезоуровне экономики отражала единственную социально ориентированную политику. С наступлением пандемии социальный характер приобрела и политика доходов населения (при различных социальных выплатах и льготах для поддержки доходов). После перевода книги Г. Стэндинга о прекариате – как о новом, потенциально агрессивном классе людей с неустойчивыми формами занятости, притом лишенных многих основных социальных прав, – появились и в России работы непосредственно по этой тематике (хотя подобные работы появлялись иногда и раньше). Для условий России представляется некорректным, в частности, сопоставление при этом явлений вынужденной занятости в России и средств «сокрытия» структурной безработицы в США. В РФ политика сохранения занятости населения поддерживается и прямыми указаниями властей на ее приоритетность, и финансовой помощью государства, что может способствовать развитию вынужденной занятости населения без его прекариатизации.

Ключевые слова: семиотический подход, методология исследования, достоверность показателей, истинность результатов исследований, семиотическая методология обеспечения достоверности показателей, эффективность методологии, корректность

применения математики, априорное прекращение исследования, психологические аспекты применения семиотики, специфика российского рынка труда, вынужденная занятость населения, триада занятости, семиотический анализ занятости, эффективность политики, социальный характер политики, политика занятости, политика доходов, прекариат, налоги на доходы.

JEL классификация: В41, С18, Е24, Е64, J08, J21, J68, О15, О39.

ВВЕДЕНИЕ

Семиотический подход до сих пор необоснованно редко используется при исследованиях в области экономики. Вернее, даже фактическое включение его (или его элементов) в разработку материалов исследований до сих пор не всегда сопровождается осознанием этого включения, указанием на его семиотический характер и достаточно полным его применением. Но при этом много лет семиотический подход, реализованный в соответствующей семиотической методологии, активно и эффективно используется нами в различных исследованиях, позволяя сделать немало практически важных и теоретически обоснованных выводов. Поэтому, в связи с исследованием в ЦЭМИ РАН факторов современного инновационного развития экономики России, в качестве своеобразного «предисловия» к их изучению и изложению предлагаем общее рассмотрение (аналитический обзор) роли такого семиотического подхода.

При серьезном анализе методологии научного исследования (Новиков, Новиков, 2014) выделяются два науковедческих основания исследований – гносеология и семиотика – при подчеркивании крайней недостаточности применения последней. В первой части настоящей работы использование семиотического подхода рассматривается в первом разделе на теоретико-методологическом уровне, включая разработанную нами ранее – и до сих пор не имеющую аналогов – семиотическую методологию обеспечения достоверности показателей. На более практическом уровне (во втором разделе) приводятся решенные на основе этой методологии общеэкономические проблемы и серьезные задачи в десятках исследований.

Причем общая нацеленность на факторы современного инновационного развития экономики требует особого внимания к корректности не только ввода новых показателей, но и использования уже имеющихся и их совместимости с новыми, что осуществимо благодаря детальности и многоаспектности предложенного семиотического контроля. В третьем разделе части 1 рассматриваются выявленные существенные психологические аспекты применения семиотической методологии на основе анализа накопленного многолетнего опыта трех десятков реальных социально-экономических и других исследований (с поясняющими примерами).

Последняя из проблем, кратко рассмотренная в конце второго раздела части 1, касается оценок эффективности параметров социальной политики. Фактически этой же проблеме (особенно вопросам вынужденной занятости) посвящены два раздела части 2. Естественно предположить, что к числу наиболее «весомых» и значимых из ожидаемых последствий современного инновационного развития экономики России (даже если не

помнить о проблемах, уже вызванных пандемией и «антироссийскими» санкциями) надо отнести процесс потери работы значительной частью российского населения (прежде всего, речь, видимо, пойдет о тех, кто занят «отмирающими» видами работ). Подобное явление в некоторых весьма развитых зарубежных странах стало одной из серьезных причин процесса прекариатизации (см. далее) населения, не находящего «своего места в жизни», что рассматривается в третьем разделе части 2.

ЧАСТЬ 1. «ДО»: РЕЗУЛЬТАТЫ СЕМИОТИЧЕСКОГО ПОДХОДА К КОРРЕКТНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Теоретико-методологические проблемы структуры и организации социально-экономических исследований: семиотический подход

Теоретико-методологические проблемы структуры и организации экономических (социально-экономических) исследований касаются весьма разнородных областей, начиная с философских теорий истинности (Гудинг, Леннокс, 2004). Остановимся на трех из них, важных для нашего рассмотрения, – корреспондентной, когерентной и прагматической.

Корреспондентная теория истинности охватывает, прежде всего, предварительное решение недоступных для семиотики (в том числе еще не зафиксированных с помощью опеределенных знаков) гносеологических проблем (Г) теории познания, соответствующих тематике исследования. Без их решения невозможно достижение истинности (И) результатов исследования даже при обеспечении на последующих стадиях (уже с помощью семиотических методов) достоверности (Д) этих результатов. Поэтому будем считать, что И является некоей условной функцией f от Г и Д:

$$И = f(Г, Д). \quad (1)$$

В словарях понятия истинности и достоверности (И и Д) нередко объединяются, но для превращения второго в первое (Д в И) необходимо осознание и – пусть не окончательное – решение гносеологических проблем (Г) на предварительной стадии, уточняемое иногда далее в рамках зафиксированных информационных потребностей исследователей.

В то же время когерентная теория истинности слишком ограничена, так как учитывает лишь формальную сторону, требуя только такой согласованности всех высказываний и суждений системы, как в математических теориях (М). Фактически это необходимое, но не достаточное условие интересующих нас исследований, в которых используется и формализованный язык М, и отнюдь не формализованный, естественный язык (с терминологией экономики и (или) социологии). По известному афоризму философа, математика и логика Бертрана Рассела, чистая математика – это такой предмет, где мы не знаем, о чем мы говорим, и не знаем, истинно ли то, что мы говорим. Соответственно *применение* математики (М) в «неформальном» окружении естественного языка требует особого внимания. При всей своей формальной строгости, математика часто

«беззащитна» перед стихией естественного языка с его существенной многозначностью, неопределимой заранее изменчивостью понимания показателей в различных конкретных ситуациях на этапах исследования, в разделах его инструментария. Тем более необходим учет и анализ такой динамики появления новых или истолкования прежних показателей при инновационном развитии экономики. Поэтому достоверность (Д) результатов исследований прямо зависит не только от формальной истинности методов М, но и от корректности *применения* этих методов – с использованием анализа и детального контроля (таковым и является семиотический – см. далее) всех исходных и расчетных показателей.

Наш анализ многолетнего опыта осуществления десятков разнородных социально-экономических и т.п. исследований выявлял – даже при соблюдении формальной строгости примененного математического аппарата – немало вариантов некорректности промежуточных и итоговых результатов исследований. Это заставило признать соответствующую проблему приоритетной среди рассмотренных общеэкономических проблем (см. следующий раздел) – в таких случаях даже формально верные математические методы могут приводить к неверным выводам без тщательного контроля корректности «наполнения» участвующих в формулах чистой математики величин конкретным, соответствующим определенному этапу исследования, социально-экономическим содержанием. Поэтому плодотворная (во многом) способность математики «называть разные вещи одним и тем же именем» (по оценке математика и философа Анри Пуанкаре) может быть все же опасна «внутри» одного исследования, так как при полисемии показателя с единым наименованием (синтактикой) в исследовании она способна камуфлировать *различия* в его фактической значимости (прагматике) или даже в смысле (семантике) на *разных* этапах в рамках этого исследования. Это может оказаться особо важным при исследованиях процессов инновационного развития экономики.

Достоверность (Д) всех показателей исследования обеспечивается практически в рамках третьей – *прагматической теории истинности*, соответствующей весьма эффективному для решения многих задач семиотическому подходу (С) американского логика, математика и философа Ч.С. Пирса (Пирс, 2009). Вообще, по д.ф.н. Ю.М. Лотману (Лотман, 1970), семиотика – это наука о знаках, их системах, «природе и функциях в передаче информации и организации человеческих коллективов» (о примере такой организации см. ниже в п. 3 третьего раздела). Ч.У. Моррис, развивавший идеи Пирса (Моррис, 1982), считал семиотику и наукой, и инструментом наук. Семиотическое рассмотрение любого знака (знаковой системы, термина, понятия, показателя и т.д.) требует анализа «триединства» его синтактики (формы), семантики (общего смысла) и прагматики (конкретной значимости в конкретной ситуации). Теперь (при общепринятой терминологии Ч.У. Морриса) это кратко отражается в формуле:

Знак = Синтактика знака & Семантика знака & Прагматика знака.

Именно такой семиотический подход к реальным социально-экономическим исследованиям успешно использовался нами с 1970-х гг. как весьма эффективный

«инструмент науки» (по Ч. Моррису). Позднее, в 1990-х гг., уже была предложена д.э.н. Каценелинбойгеном теория предрасположенности (Katsenelinboigen, 1997) – с достаточно аналогичным семиотическому «индетерминистским» подходом. По его же философской концепции «развивающегося Бога» (Katsenelinboigen, 2005) сотворенное таким Богом принимается им за истинное только в случае успешной практической проверки (т.е. в семиотической терминологии – после проверки семантики на уровне прагматики) либо, в противном случае, подвергается исправлению. Соответствует семиотическому подходу и разработанная с 1990-х гг. д.э.н. Э.Б. Ершовым (Ершов, 2011) общая ситуационная теория индексов цен и количеств. В ней обобщены различные варианты конструкции индексов («нестыковавшиеся» ранее в рамках классической теории индексов) путем анализа их «порождения» той или иной ситуацией, т.е. учета прагматики. И при теоретическом системно-ориентированном подходе к моделированию экономики, предложенном чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнером (Клейнер, 2001), были выделены виды экономических систем (объект, проект, процесс, среда), также определяемые семиотическими аспектами: синтактикой (наличие / отсутствие формы) и прагматикой (кратковременность / длительность существования).

На семиотическом подходе (С) основана упомянутая выше, разрабатывавшаяся нами для исследований с 1970-х гг. семиотическая методология обеспечения достоверности показателей СМОД/СМОГ (Тарасова, 2006а, 2006б, 2008а, 2008б, 2010б, 2010в, 2012а, 2012б, 2015, 2020б). Эта методология включает как общую семиотическую методологию обеспечения достоверности показателей (СМОД), так и ее важный вариант – сравнительную методологию определения показателей госстатистики (СМОГ). Достигаемая на этапах предусмотренного в СМОД/СМОГ многоаспектного семиотического контроля всех показателей, их достоверность (Д) непосредственно зависит не только от формальной истинности математических методов, но и от корректности их применения, определяя необходимость контролируемого использования в исследовании всех трех семиотических аспектов показателей, исходных и расчетных, и их связей. Это предохраняет формально верные математические утверждения от превращения в ложные под воздействием стихии естественного языка с его существенной многозначностью, неопределимой заранее изменчивостью понимания показателей в различных конкретных ситуациях на разных этапах исследования, начиная с подготовки его инструментария (а иногда – и его программы).

Подчеркнем, что универсальность такого подхода к контролю всех показателей в исследовании является необходимым дополнением формальной универсальности математики (М), требуя при применении математического аппарата дополнения его общей абстрактности не только конкретными (специфическими для каждого исследования) экономическими и (или) социально-экономическими положениями (Э), но и семиотической методологией – в «лице» СМОД/СМОГ – для защиты математики от стихии используемого естественного языка.

Теоретически суть этой методологии проста (хотя практическое ее применение, весьма эффективное, – очень трудоемко):

а) разбиение всего исследования, начиная с анализа исходных показателей и инструментария, на отдельные этапы обработки по различиям в семантике и прагматике показателей – как своего рода «черные ящики». Причем их анализ давно (еще при первом практическом применении) уже позволил нам выявить такой редкий источник искажения итогов, как случайный сбой только что добросовестно отремонтированной вычислительной техники с ЭВМ «Урал-14М»¹;

б) последовательный (иногда многократно – при «спиралевидной» организации контроля и корректировки показателей) анализ и контроль всех семиотических аспектов каждого показателя как знака: его семантики – по общему значению в рамках исследования, прагматики – по значимости в ситуации каждого этапа;

в) по итогам контроля на любом этапе определяется корректность применения либо (при «спиралевидной» организации контроля) необходимость изменения предшествующего понимания прагматики и (или) семантики каждого показателя;

г) при «спиралевидности» процесса уточняется семантика показателя по его ситуативным значениям на последующих этапах с возвратом (возвратами) к предыдущим и т.д.

Фактически это поэтапный контроль полисемии каждого показателя для исключения его значений на разных этапах одного исследования как семантически действительно «разных вещей» (почти по А. Пуанкаре). Использование для этого семиотической методологии СМОД/СМОГ, обеспечивая релевантность и пертинентность получаемых ответов, способствует повышению их истинности.

Возвращаясь к соотношению (1) и уточняя его, можно рассматривать не только истинность (И), но и достоверность (Д) в качестве неких условных функций (f – как и выше в (1), для И; f_0 – для Д) от гносеологических, экономических (социально-экономических) и математических положений, установок и методов исследований (т.е. от Г, Э и М) с семиотическим контролем (С) корректности их использования в исследованиях:

$$И = f(Г, Д) \text{ при } Д = f_0(Э, М, С). \quad (2)$$

Семиотический подход С, применяемый к симбиозу языков экономики (социологии) и математики, в свою очередь, осуществляет функцию (обозначим ее f_1) контроля и корректной совместимости такого симбиоза Э и М, в данном смысле являясь «метаязыковым», синергетическим. Более того, далее – при рассмотрении в следующем разделе четвертой (IV) из общеэкономических проблем, решаемых с помощью СМОД/СМОГ, – речь пойдет о возможности семиотической корректировки даже

¹ Этот маловероятный результат (сбой устройства – датчика случайных чисел) был выявлен нами по результатам работы отлично отлаженной программы математика В.С. Прокоповой в ЦЭМИ РАН при анализе странного графика «неслучайного» порождения в программе условных покупателей условного города. Нелегкую ручную работу создания такого графика, наглядно отразившего «неслучайность», выполнила тогда школьница, будущий м.н.с. ЦЭМИ М.С. Блюмина (Тарасова, Блюмина, 1996).

предварительной, «гносеологической» стадии (Γ), т.е. $C = f_1(\Gamma, \mathcal{E}, M)$, что еще более подчеркивает «синергетичность» C . За счет функции f_1 связи в (2) можно уточнить:

$$D = f_0(\mathcal{E}, M, C) \text{ при } C = f_1(\Gamma, \mathcal{E}, M). \quad (3)$$

В результате по (1)–(3) получаем общее соотношение (4) как отражение содержательных взаимосвязей составных частей исследования:

$$I = f(\Gamma, D) \text{ при } D = f_0(\mathcal{E}, M, C), \text{ где } C = f_1(\Gamma, \mathcal{E}, M). \quad (4)$$

Предварительная стадия работы (Γ) соответствует диктуемым реальностью объективным потребностям в решении поставленных в конкретном исследовании проблем. Такая стадия соответствует отражению этих объективных потребностей в сознании конкретных исследователей уже в виде их информационных потребностей, включающих фактически исходные установки Γ , \mathcal{E} и M . Сами установки нередко уточняются (корректируются) в процессе исследования до уровня Γ_0 , \mathcal{E}_0 , M_0 (см. ниже формулы (5)–(6)); далее даются некоторые конкретные примеры реальности приведенных условных формул.

Семиотический подход при контроле по методологии СМОД/СМОГ обеспечивает достоверность показателей при упомянутых исходных установках (положениях Γ), причем семиотический анализ и контроль показателей в процессе функционирования информационной системы, соответствующей исследованию, может выявить необходимые корректировки этих исходных установок (Γ) до требуемого уточненного состояния (Γ_0), пригодного для дальнейшего использования в системе. Получаем для (4) соответственно уточненную условную формулу (5):

$$I = f(\Gamma_0, D) \text{ при } D = f_0(\mathcal{E}, M, C), \text{ где } C = f_1(\Gamma, \mathcal{E}, M). \quad (5)$$

Наконец, используем обозначения, аналогичные только что введенным (Γ и Γ_0), а именно – M и M_0 , для отражения реальной зависимости корректируемого (опять же с помощью семиотического контроля показателей) экономико-математического аппарата при разработке или дальнейшей модернизации информационной системы исследования. В результате получаем формулу (6):

$$I = f(\Gamma_0, D) \text{ при } D = f_0(\mathcal{E}, M_0, C), \text{ где } C = f_1(\Gamma, \mathcal{E}, M). \quad (6)$$

Так, например, при удлинении базового периода расчетов неоднократно обновлялся состав данных в системе НДП, сформированной в ЦЭМИ РАН на основе СМОД/СМОГ (см. ниже (Тарасова, 2006а) и другую литературу по системе НДП в сноске 2). Это происходило в процессе начатого нами под руководством д.э.н. Е.Ю. Фармана (при активной разработке им экономического обоснования исследования) моделирования финансирования социальной сферы РФ в расширенном ее понимании – с учетом ее финансовых связей с производством. В последние годы это было связано и с переходом Росстата на международные принципы организации государственной статистики на основе системы национальных счетов. В таком случае, по (6), «источник» изменений находился в Γ , отражаясь затем на \mathcal{E} и иногда – на Γ_0 , а далее эти содержательные изменения могли проявляться и в M_0 .

Общэкономические проблемы, решаемые с помощью семиотической методологии СМОД/СМОГ

Остановимся кратко на некоторых (I–VI) общэкономических проблемах организации исследований – проблемах, решение которых осуществлялось благодаря практическому использованию семиотической методологии СМОД/СМОГ² (см., например, (Тарасова, 2008, 2012а, 2012б)).

I. В начале предыдущего раздела, при рассмотрении когерентной теории истинности (И), уже говорилось о первой, основной проблеме общэкономического характера, – к тому же касающейся, как и ряд других, не только области экономики, – *корректности использования формально строгих методов (М) в «нестрогой» среде естественного языка*. Нарушение этой приоритетной «заповеди» даже приводило иногда к прерыванию уже начатых исследований (например, при обследовании норильчан, расчете блока КИМ³ и т.д.).

Остановимся теперь и на некоторых других общих проблемах, решенных на основе той же методологии СМОД/СМОГ.

II. Семиотические методики корректно решали и практически важную (хотя порой психологически неприятную своей необходимой скрупулезностью) проблему *корректности объединения разнородных данных*. Она возникает, например, при объединении исследований (отнюдь не только социально-экономических) – различных, или за иные периоды, или с разнородными средствами сбора и обработки информации (см., например, (Тарасова, Чередниченко, 1987)). Задача заключается в определении возможности, целесообразности и способов использования «чужих» материалов, не прошедших своевременно необходимого контроля. Все это сводится к выявлению области достоверности и, если возможно, методов расширения этой области после исключения данных с неустранимыми ошибками. Подобная корректировка данных бывает весьма трудоемкой при необходимой тщательности ее осуществления. Так, выявление и исправление синтаксических ошибок, вызванных игнорированием элементов переменного объема в анкетах Караганды (довольно простых по структуре, но присланных уже

² Перечислим некоторые из тридцати проанализированных нами (во многом – и осуществленных с нашим активным участием с 1970-х гг. (см., например, (Тарасова, 2012а)) социально-экономических и других (например, по кардиологии, онкофакторам) реальных исследований:

- имитационное моделирование торговли «условного города» (см. сноску 1);
- проекты «Развитие семей», «Уровень жизни», «Образ жизни», «СИП» («Спрос и потребление») и др. по Таганрогу (Тарасова, 1976, 1989);
- расчет блока КИМ (комплекс имитационных моделей трудовых ресурсов) для АСПР;
- обследования жителей/семей Москвы, Вологодской области, Караганды, Норильска и др. регионов;
- обследования молодежи Новосибирска и области (Тарасова, Чередниченко, 1987; Чередниченко, Шубкин, 1985);
- моделирование финансирования социальной сферы РФ (в расширенном ее понимании) в информационно-аналитической системе НДП (см., например, (Тарасова, 2006а, 2006б, 2008а, 2008б, 2012а; Тарасова, Васильева, 2011, 2020а, 2020б; Тарасова, Васильева, Сушко, 2011; Тарасова, Васильева, Фонтана, 2016; Tarasova et al., 2007, 2009)).

³ Здесь и далее при кратком наименовании реальных исследований см. выше сноску 2.

закодированными), потребовало для их правки года ручной работы сотрудников лаборатории ЦЭМИ РАН.

Апостериорный анализ уже законченных исследований также позволял выявлять причины недостоверности некоторых их результатов (например, по обследованию жителей Таллина, Костромы).

III. Частным, но важным случаем этой проблемы является использование данных госстатистики при слиянии с результатами различных (в том числе всероссийских) обследований. Другой не менее важный случай – использование разных разделов госстатистики как разных источников данных. Так, подобное сопоставление выявило в системе НДП возможность оценки границ скрываемых (трудовых и предпринимательских) доходов населения, учет чего затем позволил:

- определить «несоциальность» характера общей функциональной структуры доходов населения и степень сокрытия доходов;
- точно доказать неэффективность ввода плоской шкалы налога НДФЛ (не вызвавшего ожидаемой легализации скрываемых доходов)⁴.

Все это, в частности, привело нас к целесообразности разработки методологии СМОГ как важного варианта СМОД (Тарасова, 2006а, 2006б, 2008б, 2010а, 2012а).

IV. При решении следующей (отнюдь не по степени важности) общеэкономической проблемы семиотический контроль неоднократно вынуждал *изменять априорные представления специалистов* (вплоть до гносеологических, от Γ до Γ_0) – скажем, о характеристиках обследуемого контингента, их связях и пр. При этом семиотический анализ и контроль позволял, особенно при методически верном сотрудничестве специалистов по ИТ (короче – информатиков) и экономистов с самого начала исследования:

1) достичь корректной постановки общей задачи исследования, выявив некорректные (или отсутствующие) элементы содержательной постановки задачи при переходе от Γ к Γ_0 в формулах (5)–(6);

2) выявить или уточнить требования к характеру информационной системы: должна ли она разрабатываться как гибкая или жесткая соответственно характеру и структуре данных (Тарасова, 1976).

Осуществление же первой из указанных возможностей приводит к дальнейшему развитию и уточнению социально-экономических положений (а затем и формальных методов), на которых основывается конкретное исследование и его отдельные этапы, см., например, анализ «разнобоя» в терминологии бизнес-менеджмента в работах (Тарасова,

⁴ Это позволило, в свою очередь, осознать необоснованность присуждения в 2010 г. (на XI международной конференции в ВШЭ) первой Национальной премии по прикладной экономике за такую обработку данных (явно без достаточно детального контроля их) по экономике России, которая привела авторов к выводу об эффективности ввода с 2001 г. плоской шкалы НДФЛ. Эта же ошибка допущена и в книге д.э.н. И.Х. Бирмана (2007 г.), и в его выступлении в 2006г. на 29-й Школе-семинаре им. акад. С.С. Шаталина. Источником этой и подобных ошибок послужили слова зампреда Комитета Госдумы по бюджету и налогам с оценкой роста НДФЛ за 2003 г. в 27% – но при неверной оценке этого роста только в текущих ценах, т.е. за счет инфляции, что проанализировано в книге (Тарасова, 2012а).

Васильева, 2018, 2019). Именно такая прагматическая «привязка» иногда упускается из вида экономистами и социологами, приводя к некорректности методов исследования, верных в других ситуациях или при другой информации (что может оказаться особо важным при исследованиях инновационных методов в экономике). Например, при исследовании спроса покупателей («СИП») в Таганроге пришлось заново составить и откорректировать расширенную классификационную схему видов спроса, существенно уточнив их перечень и способы оценки (в том числе впервые найдя таковые для импульсивного спроса), а также обеспечив их комплексность и быстрое понимание применительно к условию краткости опроса покупателей в магазине.

Вообще взаимосвязи аспектов показателей на разных этапах, отражая разнообразие прагматики семантически единых показателей, позволяют последовательно или многократно (приводя к спиралевидным расчетам) корректировать представления исследователей и их информационные потребности, в т.ч. выдвигаемые гипотезы, учитывая принцип осмысленности и комплексности логически взаимосвязанных показателей. Примером выявляемой при этом семантической ошибки может служить – не всегда замечаемое конкретными разработчиками разных разделов или этапов исследования – изменение смысла, объема или структуры полисемичного понятия (например, «тип семьи» – см. п. 10 ниже в следующем разделе) – при использовании одинакового наименования его. Для введенных выше, в первом разделе, условных соотношений (2) и (3) использование уточняющих и «расширяющих» их формул (4)–(6) предусматривает именно такую возможность семиотической (С) корректировки даже начальной гносеологической стадии (Г) исследования до ее уточненного состояния Γ_0 .

Соотношения (5)–(6) еще детальнее отражают рассматриваемые проблемы, что можно проиллюстрировать на примере реальной ситуации, возникшей в 2018 г. в очередной раз модернизируемой (по обновляемым с 2016 г. Росстатом данным госстатистики с 1990г.) системе НДП при расчете – с учетом наших оценок скрываемых доходов – динамики корпоративной прибыли R_K (Тарасова, Васильева, 2019). Это часть валовой прибыли (Р), остающаяся от Р после присвоения предпринимателями другой ее части, названной в целом предпринимательскими доходами V_{Π} (V_{Π} – официальные и скрываемые доходы всех занятых, кроме наемных работников). В условиях перехода Росстатом на международные формы организации госстатистики, во многом основанные на системе национальных счетов, для корпоративной прибыли R_K были получены отрицательные оценки с 2013 г. в сопоставимых ценах (при положительных – в текущих), что вроде бы могло потребовать пересмотра методов ее расчета. Но вероятнее иное, а именно – это отражает усиление уже наметившийся ранее тенденции роста степени сокрытия V_{Π} . Такая степень оценивается отношением $V_{\Pi C}/V_{\Pi}$, где $V_{\Pi C}$ – также оцененные в системе НДП скрываемые (скрытые + теневые) доходы официальных и «теневых» предпринимателей. При прежних расчетах (с прогнозом по 2010–2013 гг.) тенденция была подобной: к 2013 г. величина R_K стала ниже, чем в 2009 г., примерно в 3,5 раза, а степень присвоения прибыли (V_{Π}/P) от 0,76 выросла до 0,92 при росте $V_{\Pi C}$ в 1,5 раза.

Усиление указанной тенденции может вызываться усилением оппортунистической политики бизнес-менеджмента – в ее «неинституциональном» (вплоть до уголовного) понимании как политики получения бизнес-менеджером (любыми средствами) собственных выгод за счет акционеров компании.

V. Применение методологии СМОД/СМОГ позволяло решать и такую общеэкономическую проблему, сложную психологически (см. следующий раздел) и важную практически (к тому же нередко новую для исследователей), как априорное выявление невозможности получения достоверных результатов исследования. Такая выявленная заранее некорректность осуществления необходимой обработки данных – из-за отсутствия или несвоевременности контроля семиотических аспектов информации – приводила к вынужденной остановке уже начатых исследований, что подробнее рассмотрено в п.10 следующего раздела.

Косвенным, но убедительным практическим доказательством (методом «от противного») эффективности семиотического пути повышения достоверности информации могут считаться именно такие заметные случаи, а также и неоднократные, реально происходившие явления существенной задержки (до года) заключительной обработки данных или ее ограниченности.

VI. Кроме того, методология СМОД/СМОГ позволила – на основе оценок прогнозной динамики показателей системы НДП – решить ряд задач по оценке эффективности параметров социальной политики (с учетом разработанных нами методов оценок скрываемых элементов доходов и занятости). Оценка таких показателей для РФ – общей функциональной структуры доходов, степени их сокрытия, ущерба от коммерциализации социальной сферы и др. (см., например, (Тарасова, 2006а, 2008а, 2012а, 2012б; Тарасова, Васильева, 2011, 2013, 2020б; Тарасова, Васильева, Сушко, 2011; Тарасова, Васильева, Фонтана, 2016; Tarasova et al., 2007, 2009)) – показала, в основном, их практическую неэффективность. Единственным (с 1990-х гг.) показателем, порождающим индикатор практической эффективности политики занятости как социальной политики (и повлекшим ряд практических мер даже на правительственном уровне), оказалось явление вынужденной занятости в РФ⁵, подробнее рассматриваемое далее в части 2. Здесь же кратко отметим: впервые это явление было выделено нами еще в 1993 г., в переходный период (Тарасова, 1994; Lvov, Tarasova, 1994) как средство для предотвращения (в основном, государством) чреватой социальным взрывом массовой безработицы на микроуровне экономики. И позднее, при кризисах, это же средство оказалось эффективным и на мезоуровне экономики (Тарасова, 2011б, 2012б). Видимо, оно будет применимо и для занятости трудовых ресурсов, высвобождаемых при инновационном развитии экономики.

⁵ Такую социальную политику занятости много лет (с 1995 г.) в публикациях ВШЭ называли «ненормальностью» российского рынка труда (см. далее часть 2); иногда ее «обвиняли» в низких зарплатах большинства россиян (см.: Зарплатное неравенство: сколько и где зарабатывают россияне. URL: <https://www.rbc.ru/economics/168757317/20/07/2019>).

В последние годы пандемия и введение «антироссийских» санкций вызвали усиление «социальности» политики доходов населения (Тарасова, 2022), что также рассматривается подробно в следующей части 2.

Психологические аспекты использования семиотического подхода

Рассмотрим теперь достаточно весомые в области экономики – в том числе полезные для успешности инновационного ее развития – некоторые (1–10) сопутствующие психологические аспекты, настойчиво проявлявшиеся при разработке и практическом использовании методологии СМОД/СМОГ в десятках реальных исследований (Тарасова, 2010а, 2010б, 2012а, 2020а, 2020б; Тарасова, Васильева, 2011, 2018).

1. Для обеспечения достоверности результатов практически наиболее важно (психологически же, возможно, наиболее сложно) было достичь понимания всеми исследователями (на всех уровнях и этапах исследований) недостаточности формальной строгости математического аппарата при использовании его в «нестрогой» среде естественного языка – и, следовательно, необходимости учета в пределах каждого этапа исследования конкретной прагматики математических символов (о чем уже сказано в предыдущих разделах).

2. Содержательная разнородность 30 конкретных исследований (с эффективным использованием методологии СМОД/СМОГ для анализа и контроля) иллюстрирует непривычную многим *универсальность* этой семиотической методологии обеспечения достоверности (и нередко – истинности) показателей в самой разной информации и в весьма широком спектре исследований. Именно универсальность семиотики как инструмента наук (см. выше, в первом разделе, определение Ч.У. Морриса (Моррис, 1982)) порою вызывает некое «психологическое» неприятие у экономистов, привыкших к решению содержательно, экономически единых задач, пусть весьма крупных и сложных.

К тому же немаловажный практически «минус» реализации семиотического подхода (теоретически естественного и простого) в глазах непривычных к нему исследователей – это высокая трудоемкость его использования на всех уровнях серьезной и кропотливой аналитической работы по детальнейшему изучению *всех* материалов и нюансов исследования. Причем, при отсутствии заметной «со стороны» внешней эффективности (кроме случаев прерывания исследований, см. ниже п. 10), в отличие от психологически наиболее эффективного (а фактически – с относительно низкой трудоемкостью) заключительного этапа получения ожидаемых результатов исследования, которые нередко просто рассчитываются попутно в процессе завершения контроля.

3. В то же время практически сама организация работы исследователей четко, последовательно и детально определяется разработанной нами для методологии СМОД/СМОГ семиотической методикой обработки всех данных исследования, начиная с его инструментария. Это соответственно организует целенаправленную работу всего коллектива, что отражено в определении семиотики по Ю.М. Лотману (Лотман, 1970), приведенном в первом разделе, и подтверждено практикой. Так, при слиянии,

анализе и обработке – по нашей методике применения методологии СМОД/СМОГ – весьма разнородных многолетних данных международного и других обследований сибирской молодежи (Тарасова, Чередниченко, 1987; Чередниченко, Шубкин, 1985), руководивший тогда в ИМРД всей этой работой д.ф.н. В.Н. Шубкин с явным удовольствием заявил, что мы за него таким образом фактически организуем работу всей его лаборатории.

4. Отметим, что неформализованные (инфологические) стадии исследования, на выходе которых должны быть получены однозначно понимаемые значения показателей, пригодные для дальнейшей формализованной (даталогической) обработки, требуют особого внимания при разработке комплексных систем, в том числе использующих разнородные данные госстатистики. Более того, семиотический подход плодотворен и при использовании его только на инфологическом уровне. Это было показано, например, при семиотическом анализе структуры российской занятости с выделением рассмотренной в части 2 «триады занятости» – естественной, теневой и вынужденной.

5. Повсеместная компьютеризация не всегда сопровождается разносторонним контролем взаимосвязанных показателей и может усугубить (порою неявно, что особо опасно) ненадежность или неоднозначность их информационного обеспечения и расчета; это нередко остается незамеченным пользователями. Причем в связанных с компьютеризацией публикациях психологического направления то, что авторы понимают под «контролем», часто вообще не относится к контролю понимания используемых показателей (Тарасова, 2010б, 2015, 2020б; Тарасова, Васильева, 2014).

Особую важность эти проблемы могут приобрести, например, при организации территориально единых (региональных) хранилищ разнородной информации, тем более при «сплошной» цифровизации ее. Даже будучи взаимно согласованными, оцифрованные данные этим отнюдь еще не гарантируют соответствия реальности.

К тому же смысловые расхождения восприятия содержания документа его составителями и теми, кто затем его читает, заполняет или обрабатывает, видимо, неизбежны и отрицательно влияют на корректность исследования в целом, но осознаются они своевременно далеко не всегда. Не столь существенные, казалось бы, расхождения, невыявленные на этапах корректировки инструментария, не раз вызвали необходимость дальнейшей трудоемкой и очень длительной добавочной работы по ликвидации их разросшихся последствий. И здесь целесообразно использовать профессионально придирчивый «надзор» информатиков, способных критически воспринимать привычные для одних экономистов положения, далеко не всегда согласованные с установками других исследователей. Участие информатиков может обеспечить наиболее эффективное осуществление (естественно, на основе предоставляемой специалистами содержательной информации) процедур даже «домашинного» контроля информации исследования (например, при переходе от Γ к Γ_0 или от M к M_0 в формулах первого раздела) и прежде всего – его инструментария. Игнорирование или недооценка такой роли

информатиков является серьезным методическим просчетом (что иногда понимается лишь при затруднениях на этапе заключительной обработки данных).

6. При анализе материалов десятков различных по тематике и характеру реальных исследований пришлось постоянно сталкиваться с многочисленными вроде бы случайными ошибками специалистов. Даже высококлассные экономисты, как показала практика, способны ошибаться при столь объемных и одновременно кропотливых работах, как требуемые обычно для организации информационных систем социально-экономических исследований, здесь проявляются закономерности психологического плана. В частности, для экономики, социологии и т.д. характерны проявления так называемого «феномена Сарнова» (термин введен д.б.н. С.В. Сперанским в работе (Сперанский, 1990)), усиливающие сугубо «профессиональную» ориентацию восприятия специалистов (см. далее и п. 7). Лекарство от таких «профзаболеваний» – тщательный (до назойливости) и многоаспектный (каковым и является семиотический) контроль используемых понятий для рассматриваемых объектов на всех этапах исследований. Можно видеть определенную аналогию признаков этого «профзаболевания» с некоторыми ошибочными утверждениями, до сих пор иногда привычно бытующими среди экономистов, – например, о всесии так называемой «логики здравого смысла». Наш немалый опыт подтвердил на практике, что именно семиотический подход обеспечивает точность и полноту применения такой логики (в случае ее истинности), контролируя следование ей в процессе всего исследования. А бытующее пока что невнимание к кажущимся «мелочам» (фактически – реальным прагматическим условиям «бытия» семантики показателей в конкретной ситуации того или иного этапа исследования) приводит порою к затрате немалых сил и средств на получение неверных результатов, нередко «осмысливаемых» далее специалистами (что не раз выявлялось с помощью методологии СМОД/СМОГ). Последствия невнимания к этим важным «мелочам», по нашему многолетнему опыту, могут быть весьма неприятно ощутимыми вплоть до прекращения или очень длительной задержки исследования из-за исправления выявленных грубых ошибок синтактики и/или смысловых противоречий.

К тому же методологические и методические пояснения во всех изданиях Росстата пока что не отличаются полнотой охвата всех возможных вариантов рассмотрения показателей и их связей в разных разделах этих изданий – а это чревато различными «нестыковками» в государственной статистике (на что привычно сетуют экономисты, считая это недоработками статистических органов) и ошибочными результатами расчетов исследователей. В Росстате уже начата разработка полного, интегрированного тезауруса показателей государственной статистики, необходимость чего мы ранее доказывали неоднократно – см., например, (Тарасова, 2010а).

7. При реализации на более детализированных уровнях, общие методологические положения конкретизируются содержательно (экономически, социологически...) и математически, приводя нередко к выявлению существенных положений, – вплоть до уровня открытий, – отнюдь не всегда явных для специалистов. Так, например, были

уточнены для кардиологов допустимые пределы давления при физиотерапии различных заболеваний (см. (Тарасова, Васильева, 2018)).

Об этом же говорит и обнаружение д.б.н. С.В. Сперанским (Сперанский, 1990) важной закономерности (что вызвало у его коллег проявление указанного выше в п. б «феномена Сарнова»: изменение со временем характеристик одних и тех же изучаемых биологических объектов в рамках одного и того же изолированного их множества вследствие проявлений формирующейся «социальной» структуризации этого множества. Такое открытие ситуационно (на уровне прагматики) обусловленных изменений семантики объектов – фактически пример результата достаточно тщательного их контроля (во всех семиотических аспектах) на разных этапах исследования при отбрасывании устаревших формул обработки (М), чем пренебрегали коллеги Сперанского.

8. Конкретные специалисты, исследующие те или иные тематические разделы, из-за специфичности своего подхода способны порою допустить недостоверные и даже противоречивые результаты (не замечая этих недостатков) без сравнительного анализа методов их получения и, главное, общей структуры результатов, учитывающей весь спектр прагматических значимостей информации. А посему обязанность обеспечения достоверности ложится в таких случаях на плечи информатиков как разработчиков информационной системы исследования – информатиков, профессионально (в принципе) ориентированных на обеспечение корректности информационного моделирования исследования.

Практика показала, что личное участие информатиков с начальных стадий создания нужного инструментария способствует повышению достоверности показателей в процессе исследования (что косвенно отражено выше в формулах (2)–(6)). Достижимое методологическое единство инфологического и даталогического уровней позволяет продолжить контроль неформализованной информации (в том числе инструментария) и после ее формализации при обеспечении общности синтаксиса всех структур, достаточной простоты и естественности внешнего языка пользователя.

9. Информатикам, разрабатывающим информационную систему исследования (особенно гибкую (Тарасова, 1976)), часто наиболее трудно достичь устранения внешне эффективной сложности одного из основных элементов исследования – языка общения пользователей с этой системой. Простота и естественность такого языка требует немалой добавочной работы информатиков; но отсутствие указанных качеств, вызывая психологические и иные трудности общения с информационной системой, ведет к росту числа серьезных ошибок.

Так, начиная с 1970-х гг., для проектов комплекса «Таганрог-2» была создана такая гибкая система (для обработки информации самой разной структуры и тематики) на основе разработанного нами весьма универсализированного программного комплекса с ориентацией на пользователя (Тарасова, 1989). С наибольшим трудом была достигнута простота средств общения пользователей с этой системой широкого применения, в том числе при синтаксически сложной входной информации с различными

матричными конструкциями переменного объема и при богатстве предоставляемых ею возможностей обработки, что существенно влияло на широту и разнообразие сфер применения. При этом у пользователей создавалась иногда иллюзия отсутствия столь больших затрат труда разработчиков этой системы (именно благодаря достигнутой простоте языка общения) и соответственно ощущения собственной полной самостоятельности при обработке анкет в такой гибкой системе. Это нужно считать показателем достаточно высокого качества серьезной «пользовательски-ориентированной» системы, в то время как трудность общения с ней, тем более множественность допускаемых при этом ошибок пользователей, свидетельствует о невысоком качестве ее (а отнюдь не о вине многих пользователей⁶).

10. Как показывает опыт, остановить, прервать процесс уже начатого исследования практически труднее всего – по многим причинам, в т.ч. и организационным, и психологическим. Предлагаемая семиотическая методология СМОД/СМОГ позволяла решить и этот вопрос (см. проблему V в предыдущем разделе), так как благодаря ее применению можно заранее наглядно доказать руководителям и участникам таких исследований невозможность получения искомым результатов с необходимой степенью достоверности. Это достигается «ценой жизни» самого исследования (что, например, произошло при прерывании обработки анкет по опросу жителей Норильска), когда выяснилась неизлечимость его «заболевания» ошибками при невозможности помочь их устранению методами терапевтическими (корректировкой недостоверных показателей) или даже хирургическими (удалением области недостоверности).

Иными словами, бесполезность продолжения исследования имеет место, если определяемая область достоверности оказывается неустранимо малой либо не охватывающей необходимую часть тематики, причем это исправить невозможно. Таким образом, наглядным свидетельством эффективности применения семиотического подхода служит подобное прекращение трех реальных исследований (при невозможности их корректного завершения, выявленной заранее благодаря семиотическому контролю). Например, для обследования норильчан это произошло вследствие произвольного изменения – еще составителями анкет по Норильску – семантики основного для исследования понятия «тип семьи» в разных вопросах и вариантах ответов «посемейной анкеты обследования норильчан. Впоследствии, при семиотическом контроле, нами было выявлено: из-за отсутствия фиксации «точки отсчета» родства (то младшая супружеская пара, то старшая, то респондент), в недопустимо большом числе заполненных анкет до трети ответов на вопросы о семье оказались противоречивыми.

⁶ Не случайно противоположное утверждение – о вине многих пользователей в таких ошибках – встретилось у автора крайне неудобной для пользователей системы общения их с компьютером (препринт ЦЭМИ РАН #WP/99/071, 1999).

ЧАСТЬ 2. «ПОСЛЕ»: СОЦИАЛЬНЫЙ ХАРАКТЕР ПОЛИТИКИ ЗАНЯТОСТИ И ДОХОДОВ БЕЗ ПРЕКАРИАТИЗАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ

Вынужденная занятость на микро- и мезоуровне российской экономики

Еще с 1993 г. в России переходного периода нами была выявлена и проанализирована специфика российского рынка труда «в лице» инициируемой властью вынужденной занятости трудящихся (наемных работников) на предприятиях, в организациях (Тарасова, 1994; Lvov, Tarasova, 1994; Тарасова, Блюмина, 1996). Эта специфика определяется эластичностью занятости при весомой инициативной роли государства в создании и развитии вынужденной («сверху») занятости населения, о чем мы подробно уже писали ранее – например, см. (Тарасова, 2010а, 2011а, 2011б, 2012а) и т.д.

Для начала 90-х гг. наши самые первые утверждения о наличии вынужденной занятости были несколько абстрактными (еще не будучи отражены в государственной статистике), хотя и видными в реалиях тех лет даже не «вооруженным» статистикой, но внимательным глазом аналитика. В начале бурного переходного периода – с точки зрения временного характера задач, решаемых с помощью занятости, – кроме основной, привычной, давно известной (под разными названиями) естественной занятости, необходимой для текущего функционирования экономики России, в официально фиксируемой занятости появилась часть ее, вынужденно сохраняемая властями (короче – вынужденная занятость). Она требовалась для обеспечения будущего экономического развития страны (после стабилизации и подъема экономики), и для этого необходимо было предотвратить массовый рост безработицы и сохранить трудовые ресурсы при весьма неблагоприятном положении в российской экономике.

Подобными исследованиями, проводившимися в ЦЭМИ РАН, заинтересовалось сначала Министерство труда и социального развития. Соответственно в том же 1994 г. и Госкомстат (Росстат) стал публиковать соответствующие данные в следующей форме: как «административные» (неоплачиваемые) отпуска – при полной вынужденной занятости; как сокращенный рабочий день – при неполной (Ткаченко, 2000).

Отметим, что такая специфика нашего рынка труда более 20 лет (с 1995 по 2017 г.) некорректно, но настойчиво и неоднократно именовалась в публикациях ВШЭ (Высшей школы экономики) только «ненормальностью» российского рынка труда. Видимо, при этом авторами нормальным признавался (вслед за зарубежными специалистами с 1995 г.) только сугубо «неолиберальный» рынок, не допускающий воздействия властей «сверху», причем эластичностью там характеризовалась лишь оплата труда.

В составе вынужденной занятости работников при ее семиотическом анализе можно было выделить три вида: резервную (так сказать, «запасную» для реально занятых), инерционную (например, на простаивавших шахтах) и социальную (Тарасова, Блюмина, 1996; Тарасова, 2012а). Причем с 2020 г. к причинам потери работы добавились сначала ограничения из-за пандемии, а в последние годы – и последствия

«антироссийских» санкций (при сокращении в России поля деятельности иностранных инвесторов).

В свою очередь, естественная и вынужденная занятость составляют официальную часть общей занятости, куда стала входить вскоре и быстро «ожившая» в 1990-х гг. теневая первичная занятость. Такая логически законченная, адекватно отвечающая реалиям развития экономики РФ «триада занятости» (естественная занятость + вынужденная занятость + теневая занятость) охватывает все множество занятых (Тарасова, 2007, 2012а). Она легко определяется при семиотическом подходе, позволяя анализировать состав занятости:

- синтактику, т.е. форму занятости, – по ее «легальной» регистрации (есть у вынужденной и естественной занятости, нет у теневой);
- семантику – по наличию реально необходимого в настоящем труда занятых (есть у естественной и теневой занятости, нет у вынужденной);
- прагматику – ее могут определять временной и инвестиционный аспекты разной практической значимости видов занятости в экономике РФ.

По этим семиотическим характеристикам показатели вынужденной и теневой занятости отражают единство противоположностей, являясь определенными антонимами. В то же время они дополняют друг друга для устранения несоответствия организации экономики реальным условиям ее функционирования и, тем самым, для снижения социальных и прочих рисков. Тогда теневая занятость может служить практически необходимой «поправкой» при несовершенстве законодательства, отставании его от нужд практики.

При этом вынужденная занятость лишь формально, ввиду ее «сиюминутной» ненужности, в определенной степени похожа на скрытую безработицу (Тарасова, 2013), но к последней реально относится лишь одна часть ее – инерционная занятость, сохраняемая лишь «по инерции», и иногда другая – социальная занятость, не высвобождаемая по социальным, политическим или личным причинам.

Что касается прагматики как третьего семиотического аспекта, то проводимые реформы особенно обострили проблему инвестирования. При определении очередности и объема капиталовложений одним из важнейших должен быть человеческий фактор, не всегда достаточно оцениваемый, а учет структуры занятости, объемов вынужденной занятости и ее разновидностей может помочь при решении задачи определения приоритетности инвестирования производства. Это относится и к государственной помощи при организации работы вынужденных предпринимателей в кризисных моногородах на мезоуровне экономики РФ (см. об этом ниже).

Поэтому в качестве третьей семиотической характеристики – прагматической – выступают временной (оговоренный выше) и инвестиционный аспекты различной практической значимости выделенных видов занятости в реалиях конкретного российского экономического уклада. Тем самым семиотический подход не только подтверждает правильность, логичность классификации, выбранной по содержательным

соображениям и адекватной экономическим реалиям, но и позволяет более детально анализировать состав занятости (Тарасова 2010а).

В 1990-х гг. переходного периода вынужденная занятость наемных работников развивалась на микроуровне экономики в виде простоев, «административных» неоплачиваемых отпусков (при полной занятости) или (при неполной занятости) с сокращенным рабочим днем, все это при сохранении прежних социальных прав этих наемных работников.

Затем, в кризисные периоды, такая занятость охватила и мезоуровень экономики, а именно кризисные моногорода и поселки, попавшие в очень трудные ситуации во многих регионах на просторах России при закрытии единственных градообразующих предприятий. Научные публикации на эту тему (см., например, (Тарасова, 2011б)) быстро привлекли внимание властей. Содействие властей сохранению кризисных моногородов проявилось в двух государственных программах для развития занятости населения с помощью государства. Первая программа оказалась недостаточно эффективной; вторая еще не завершена. Причем во второй программе речь идет о содействии вынужденной занятости уже не только работников, но и предпринимателей. Этими вынужденными предпринимателями⁷ могут становиться новые частные инвесторы с ограниченной властями областью деятельности, пользующиеся определенными льготами, финансовой помощью государства при такой деятельности (Тарасова, Васильева, 2018).

В целом же именно динамика вынужденной занятости много лет позволяла характеризовать российскую политику занятости как *единственную социально ориентированную политику* (Тарасова, 2011а; Тарасова, Васильева, 2020, 2021; Тарасова, Васильева, Сушко, 2011), прежде всего «нацеленную» на успешную борьбу с безработицей и на микро-, и на мезоуровне экономики. Наглядной иллюстрацией эффективности этого может служить, например, сравнение антикризисных инъекций государства на социальные цели в США и России при кризисе–2008. Приведем наши расчеты оценок таких затрат, указанных в статье (Рогов, Зотов, 2009):

- в США расходы на борьбу с безработицей составили более четверти (25,5%) этих затрат (а все другие – от 39,1 до 19,5%);
- в РФ на борьбу с безработицей потребовалась более чем вчетверо меньшая, чем в США, доля затрат – всего 6% таких расходов (а на другие социальные цели – от 33,9 до 27,4%).

О многолетнем непонимании такой роли вынужденной занятости экспертами Всемирного банка, как мы уже отмечали, было откровенно заявлено одним из экспертов в 2011 г. (на международной Апрельской конференции в ВШЭ, Москва). Возможно,

⁷ Отметим неверное употребление семантики данного термина в ряде выступлений авторов из ВШЭ в 2017 г. (в том числе в докладе проф. А.Б. Шаповала из НИУ ВШЭ на семинаре по математической экономике акад. В.М. Полтеровича в ЦЭМИ РАН). А именно: истолкование «вынужденного предпринимателя» просто как недостаточно способного предпринимателя без ограниченной властями сферы его деятельности. Ошибочность такого истолкования была признана А.Б. Шаповалом в том же 2017г. на 40-й Международной научной Школе-семинаре им. С.С. Шаталина в г. Воронеже (Тарасова, Васильева, 2018).

такое непонимание определялось в немалой степени абсолютизацией «неолиберально-рыночного» (порождающего в других странах, в частности, и явление прекариатизации) подхода к оценке российской экономики.

Если на микроуровне российской экономики и в переходный период, и при последующих кризисных ситуациях именно вынужденная занятость работников реально, но, так сказать, «стихийно» помогала не допускать в России массовой безработицы, то на мезоуровне содействие власти развитию такой занятости в кризисных моногородах было «подсказано» выступлениями экономистов. Например, указанная выше статья (Тарасова, 2011б) непривычно быстро была опубликована в журнале «Власть», распространяемом в РФ среди властей разных уровней. Вскоре после таких выступлений и последовали реальные действия властей, воплощенные в двух государственных программах (Тарасова, Васильева, 2020), которые путем содействия организации вынужденной занятости предпринимателей и работников фактически просто спасали от исчезновения эти моногорода на просторах России после прекращения в каждом деятельности его градообразующего предприятия. Подобное «опустошение» российских территорий могло бы крайне неблагоприятно сказаться на интересах государства!

В результате показатель вынужденной занятости для условий России (если не ограничиваться сугубо «мейнстримовским» критерием прибыльности), в отличие от прочих, практически неэффективных параметров социальной политики, с 1990-х гг. оценивается положительно в качестве единственного *индикатора практической эффективности социальной политики занятости*:

- *на различных уровнях экономики*, как средство предотвращения недопустимой в условиях РФ (экономически, социально, политически) массовой безработицы, а в последние годы, и явлений прекариатизации населения (см. об этом ниже);
- *на мезоэкономическом уровне*, и как средство решения задачи обеспечения (на российских просторах) государственной целостности и безопасности страны.

При пандемии в России локдауна фактически не было (в других странах он оказался неэффективным, мешая экономике, а не распространению ковида). О важности поддержки занятости в РФ в этот период свидетельствовали не раз и выступления властей, так, в 2020 г. президентом РФ на совещании с членами правления РСПП (Российского союза промышленников и предпринимателей) именно это было названо главной функцией бизнеса, и учет занятости при облегчении налогообложения предприятий или определения формы получения ими государственной помощи.

Например, в малом и среднем бизнесе (МСБ) сохранение 90% прежней занятости давало право на получение государственной помощи в виде невозвратного займа для выплат заработной платы (Тарасова, Васильева, 2022). Затем, при появлении новых форм ковида в 2021 г., для 2-го этапа выдачи такого займа условие его невозвращения сохранялось только при занятости более 90% работников, а при сохранении лишь 80–

90% занятых – сокращалось вдвое⁸. Причем в МСБ повышалась планка доходов и для определения самого МСБ, и для упрощенных налогов, а также снижались вдвое (с 30 до 15%) страховые взносы при любых размерах заработной платы, в том числе и превышающих минимальный размер оплаты труда (МРОТ).

При росте зарубежных «антироссийских» санкций, в марте 2022 г. на учете в службах занятости было зарегистрировано 663 тыс. безработных (год назад – в 2,6 раз больше) при 54 тыс. работников, намеченных к увольнению (например, по сокращению штатов). За март было трудоустроено более 2 млн человек, а число вакансий выросло до 1,8 млн, в основном, за счет сезонных и временных работ. При этом не уволено, а отправлено с 1 марта в простой (разновидность вынужденной занятости) из-за приостановки деятельности предприятий, в том числе и во многих иностранных компаниях – 44 тыс. человек, а к середине марта уже 95 тыс.⁹.

По прогнозу аналитиков ЦСР (Центра стратегических разработок), уровень российской безработицы к концу 2022 г. от 4,4% дойдет до 7,1–7,8%, начав восстанавливаться к лету 2023 г.; или же, что менее вероятно, дойдя до 6,4–6,5%, так и останется на этом уровне в течение нескольких ближайших лет¹⁰.

Рост «социальности» политики доходов населения

При пандемии заметно «социализировалась» и политика доходов населения, неоднократно включавшая впервые (и потому подробно рассматриваемые далее) различные социальные выплаты и льготы для поддержания уровня жизни россиян (Тарасова, Васильева, 2021, 2022). Причем, по оценке главы Счетной палаты д.э.н. А.Л. Кудрина, сейчас этот уровень на 20% выше, чем был в СССР (при этом, по его мнению, уровень бедности в России может быть вдвое снижен ранее 2030 г.)¹¹; но пандемия и многократные «антироссийские» санкции Запада вызвали ухудшение материального положения многих семей.

С учетом инфляции социальные выплаты, прежде всего, направлялись пенсионерам (в том числе работающим) и семьям с детьми. Так, в августе-сентябре 2021 г. единовременную (и не подлежащую судебным и иным удержаниям) выплату 10 тыс. рублей получили, по оценке заместителя главы Минтруда О.В. Баталиной, 43 млн пенсионеров. Затем в октябре 2021 г., по распоряжению премьер-министра М.В. Мишустина, для выплат из госбюджета (в размере 50–100% регионального прожиточного минимума (ПМ)) семьям с детьми 3–7 лет и низким доходом было направлено 28,3 млрд руб. плюс 5,9 млрд – многодетным семьям.

Вообще уже в 2021 г. на социальные выплаты и лекарства при пандемии правительство вне бюджета активно использовало средства резервного фонда, который в 2022 г. будет увеличен еще на 273,4 млрд руб. – в основном, это 271,6 млрд за счет

⁸ См.: <https://www.audit-it.ru/account/1012591.html>

⁹ См.: <https://iz.ru/1319187/2022-04-12/v-mintrude-nazvali-chislo...>

¹⁰ См.: <https://m.lenta.ru/news/2022/03/29/unemp/...>

¹¹ См.: <https://www.rbc.ru/politics/13/01/2022/61dfceff9a79477defc31fbb?ysc>

дополнительных нефтегазовых доходов в первом квартале этого года (Устюжанина, 2022). Была принята и дополнительная индексация пенсий и материнского капитала с 2021 г. при намеченном росте среднего размера пенсии до 20 тыс. руб. в 2024 г. Социальные и государственные пенсии четырех миллионов россиян были проиндексированы с 1 апреля 2022 г. на 8,6% с учетом реальной инфляции (готовится и внеочередная индексация с июня при росте МРОТ и ПМ примерно на 9%, т.е. они вырастут до 15 140 и 13 793 руб.).

С вводом режима карантина из-за пандемии уже при кризисе–2020 властями предпринимались и другие меры по поддержке уровня доходов населения, «низкодоходного» либо потерявшего работу (причем последнее в иных странах грозило бы проявлениями прекариатизации). Так, в малом и среднем бизнесе страховые взносы снижались с 30 до 15% при зарплатах и выше МРОТ; снижению уровня «теневизации» заработной платы должна была помочь предлагаемая легализация почасовой оплаты неполного рабочего дня; и пр. Потерявшие работу стали получать максимальное пособие (12 130 руб.). Были увеличены пособия и для семей с детьми, в которых один из родителей стал безработным (3000 руб. дополнительно на каждого ребенка) и т.д. (Тарасова, Васильева, 2021).

Госдума в 2022 г. повысила МРОТ до 13 890 руб. при ПМ, по прогнозу Минэкономразвития, в 13 026 руб.¹². Если среднедушевой доход в семье ниже ПМ, то с государственными органами социальной защиты может быть заключен – явно облегчающий организацию вынужденной занятости – социальный контракт о переобучении граждан, открытии своего дела, развитии ЛПХ (личного подсобного хозяйства), устройстве на работу и пр.

Выше были кратко отмечены варианты вынужденной занятости, в том числе – вынужденные предприниматели, появлению которых, уже не только в кризисных моногородах, могут теперь содействовать такие социальные контракты.

Еще в январе 2021 г. на заседании совета по стратегическому развитию и национальным проектам В.В. Путин сказал, что борьба с бедностью – наш безусловный приоритет, прямо связанный с ответом на демографический вызов. В том же году был введен, по инициативе президента, так называемый «налог на богатых» (НДФЛ = 15% вместо обычных 13%) для имеющих годовой доход свыше 5 млн руб. Даже такое частичное применение прогрессивной шкалы налогообложения привело к неожиданно эффективному результату. А именно¹³: по оценкам экспертов, с января 2021 г. по январь 2022 г. вместо ожидаемых примерно 60 миллиардов рублей было получено в 10 с лишним раз больше – 636 млрд руб. Это могло бы помочь при планируемом правительством снижении к 2030 г. уровня бедности в РФ в 2 раза до 6,6%.

¹² См.: <https://finance.rambler.ru/money/48389506-mrot-v-rossii-...>

¹³ См.: kommersant.ru > В России собрали более 600 миллиардов рублей за счет ...

Учитывая быструю динамику изменений экономических, социальных и других условий жизни россиян, еще ускорившуюся в последнее время, в 2022 г. для стабилизации ситуации недавно были предприняты президентом РФ следующие меры:

- в середине марта подписан указ о мерах по обеспечению социально-экономической стабильности и защите населения регионов страны от роста безработицы и инфляции, минимизация чего является задачей властей (учитывая возможные реальные изменения уровня инфляции, МРОТ, ПМ);
- в апреле президент поручил правительству обеспечить доступность социальной поддержки семей, чей доход снизился после 1 марта, и совместно с властями субъектов РФ представить к 15 июня (и далее ежеквартально) доклад о мерах снижения уровня бедности населения и неравенства по доходам, установив до конца года особый порядок оценки нуждаемости семей с лицами, потерявшими работу.

Отметим, что при разработке и внедрении инновационных методов развития российской экономики (тем более при «антироссийских» санкциях) приобретает особое значение социальный характер политики поддержки занятости и доходов россиян.

Прекариатизация и проблема расслоения населения

Сейчас многие работники находятся в простое или работают при сокращенном рабочем дне. Но важно, что при такой вынужденной занятости сохраняются их социальные права. Что касается политики доходов населения, то очевидно, что помощь государства в виде выплат населению должна продолжаться из-за роста инфляции при усилившихся с зимы 2022 г. «антироссийских» санкциях (фактически ухудшающих материальное положение отнюдь не только российских адресатов этих санкций).

При этом, как и ранее, в РФ уровень оплаты труда и пособия безработным все же ниже, чем во многих развитых странах (хотя пособие может выплачиваться дольше, чем, например, в США). Но реальный, не столь уж давний опыт агрессивных выступлений бунтующих – отнюдь не от нищеты – французских безработных (молодежи, мигрантов) наглядно показывает, что опасность прекариатизации определяется, в основном, «ненахождением» ими какой-то доступной работы и места в жизни. В России, естественно, предусматриваются меры срочной помощи (в том числе с жильем) тем, кто вынужден был покинуть Украину в 2022 г. по гуманитарным коридорам. Но до этого на уровне российских министерств МВД и МИД начал отслеживаться рост нарушений общих правил въезда в РФ и режима пребывания иностранных граждан и трудовых мигрантов. Так, был выявлен, например, рост количества таких нарушений в 2022 г. – при снижении за 2021 г. на 16% числа фиктивных регистраций мигрантов, причем «фиктивность» нередко способствовала «незаконнопослушному» поведению таких лиц.

Немалое внимание в России привлекла переведенная в 2014 г. книга Г. Стэндинга о прекариате как о новом, потенциально агрессивном классе людей с неустойчивыми формами занятости и, что особо важно, без многих основных социальных прав. Появились и у нас такие работы, например, исследование философа и социолога Ж.Т.

Тощенко об «обществе травмы», проанализированное в 2020 г. на II Октябрьской конференции по теоретическим проблемам экономики в ИЭ РАН в докладе (Плискевич, 2020) о прекариате «в российском преломлении», которое вызвало обоснованные возражения заместителя директора ЦеТИ ВШЭ, д.э.н., чл.-корр. РАН Р.И. Капелюшникова (напомнившего, в частности, о вынужденной занятости в РФ), и другие работы о прекариате. Но не все в них для условий РФ представляется корректным. Так, например, в работе ведущего эксперта Аналитической группы «С.Т.К.» В.Ш. Сургуладзе (Сургуладзе, 2018) это относится к его прямому «приравнению» явлений вынужденной занятости в России и методов «сокрытия» структурной безработицы в США после кризиса 2008 г. Для сравнения напомним об отмеченном выше (в начале части 2) полном непонимании экспертами Всемирного банка причин низкой безработицы в РФ при этом кризисе (о чем эксперт V. Sulla заявил на секции XII международной Апрельской конференции в ВШЭ в 2011г. и что приведено, например, в статье (Тарасова, Васильева, 2021)).

Связанные с рассматриваемой тематикой работы появлялись в России и ранее. Например, в статье (Семина, 2003) д.х.н., заведующий лабораторией ИНЭОС им. А.Н. Несмеянова Г.К. Семина критически рассматривал «глобалистскую идею «золотого миллиарда»», при которой предусматривается разбиение всего населения на пять групп с условными, но весьма выразительными названиями:

- 1) владельцы финансовых средств – «владельцы»;
- 2) армия, полиция, управление, демографическое обеспечение, фундаментальная наука – «поддерживающие структуры»;
- 3) инженерно-технический состав – «технари»;
- 4) рабочие исполнители – «работяги»;
- 5) люди, обреченные на ведение натурального хозяйства или неспособные к производственной деятельности, – «субстрат».

В этой же статье представлены результаты расчетов распределения населения России по таким группам для нескольких вариантов – при условии, что все население составляет 145 млн человек (кстати, к началу 2022 г., по результатам переписи постоянного населения, в России было около 145,5 млн человек). Приведем последнее из представленных автором (названное им «реальным» и им же поясняемое далее, что приводится ниже) распределений 145-миллионного населения России по выделенным пяти группам:

- 1) 0,000042 млн «владельцев»;
- 2) 0,007 млн человек в «поддерживающих структурах»;
- 3) 0,45 млн «технарей»;
- 4) 12,5 млн «работяг»;
- 5) 132 млн человек в «субстрате».

Таким образом, группа «владельцев» составляет 40–45 человек, т.е. появляются уже олигархи. «Поддерживающие структуры» (примерно 7 тыс. человек), очевидно, не

могут вмешиваться в управление страной и являются обслуживающим персоналом при олигархах. Соотношение между численностью «работяг» и «технарей» составляет примерно 27–30, так что речь может идти о достаточно примитивной «сырьедобывающей» промышленности.

При этом огромной величины достигает численность «субстрата» (132 млн человек), что может сделать жизнь около 100 млн человек невозможной. Видимо, такое распределение было названо автором «реальным», поскольку к 2003 г., по оценкам средств массовой информации, в России:

во-первых, именно 132 млн людей жили ниже порога бедности;

во-вторых, в то же время 45 человек действительно могли быть названы олигархами¹⁴.

Ученые-экономисты давно и весьма настойчиво рекомендовали ввести в РФ вообще прогрессивную шкалу для НДФЛ (реально используемую развитыми странами). Этот вопрос обсуждался уже и в Госдуме. Так, например, заместителем председателя Комитета по бюджету и налогам М.В. Щаповым было предложено: повысить ставку НДФЛ до 25% при годовом доходе более 10 млн рублей и (или) до 40–50% при сверхприбыли, и при этом снизить ставку до 0–5% при зарплате не выше МРОТ. Цель – сократить слишком большой разрыв в доходах¹⁵. Это помогло бы снизить социальную напряженность в обществе, притом без оттока капитала, поскольку во всех развитых странах налогообложение выше благодаря давно принятой там прогрессивной шкале. В России же, как уже отмечено, пока введен лишь повышенный на 2% – до 15% – «налог на богатых».

Добавим к этому, что в развитых странах уже выделилась группа миллионеров (более 100 человек из США, Великобритании, Германии и), опубликовавшая на сайте «In tax we trust» («На налоги уповаем») открытое письмо, приуроченное к онлайн-форуму в Давосе 17–21 января 2022 г. В этом письме утверждается, что из-за несправедливости, давно заложенной в основу международной налоговой системы, которая привела затем к колоссальному отсутствию доверия между народами мира и элитами, необходимо поднять налоги на богатых во избежание весьма неприятного «финала» для всех и везде¹⁶.

Кстати, в конце статьи (Семина, 2003) автор не случайно напоминает «олигархам и не только им... различие судеб шведского и русского дореволюционного дворянства. Первое из них, хотя и с известным трудом, поняло, что нужно научиться делиться со своим народом, и уцелело, второе не поняло и заплатило за это своим существованием». Видимо, уже более 100 миллионеров, авторов приведенного выше открытого письма, явно поняли разумность первого (назовем условно «шведского») пути. Важность этого

¹⁴ Причем данные исследований Г.К. Семина, члена Президиума профсоюза РАН, как утверждается на той же странице газеты, что и статья этого автора (см.: «Научное сообщество», 2003, № 4, с. 8) «профсоюз работников РАН широко использует... в своей повседневной работе».

¹⁵ См. https://www.m24.ru/news/obshchestvo/09012022/199485?utm_source=...

¹⁶ См.: gbc.ru > Финансы > Более 100 западных миллионеров попросили поднять ...

пути неоспорима, хотя он и решает не все основные проблемы «мирного сосуществования» разных слоев общества. Не случайно давняя, но вряд ли потерявшая актуальность статья профессора Манчестерского университета Т. Шанина (Шанин, 1990) о путях развития стран называется «Иное всегда дано...». Так, тем более не случайно обсуждение необходимости пересмотра ряда положений экономической теории на научном семинаре «Неизвестная экономика» им. В.Г. Гребенникова (ЦЭМИ РАН) в январе 2022г. после доклада д.э.н. Р.С. Дзарасова «“Кембриджская цивилизация” и становление Кейнса».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение подчеркнем практически важную сторону сказанного ранее и изложенного выше (начиная с части 1) об эффективности семиотического подхода, много лет активно используемого нами в различных (в основном, социально-экономических) реальных исследованиях. Но до сих пор, к сожалению:

- такой семиотический подход необоснованно редко используется при исследованиях в области экономики;
- точнее, даже фактическое включение семиотического подхода или его элементов в разработку материалов каких-либо исследований далеко не всегда сопровождается осознанием этого;
- тем более, что даже такое осознание далеко не всегда отражается в явном указании на семиотический характер проведенного анализа.

На практике процесс анализа и контроля информации в более или менее серьезных исследованиях чаще всего все же осуществляется, но нередко – либо «местами и временами», либо весьма специфический, либо, наконец, без осознания самоценной методологической общности делаемого. Некоторые исследователи социально-экономических проблем при беглом ознакомлении с данной тематикой решит, что она касается известных и производимых этими исследователями действий по контролю и корректировке данных. Но и тогда следует учесть, что это фактически – реализация именно семиотического подхода (начиная с теоретико-методологического уровня).

Еще более полезно ознакомиться с предлагаемым материалом тем, кто предпринимает подобные контролирующие действия не всегда или не на каждом этапе исследования либо вообще избегает столь кропотливой работы. Опыт убедил нас в наличии и распространенности таких явлений при тяжести их последствий для истинности результатов реальных исследований.

Рассмотренные в части 1 проблемы корректности исследований могут оказаться существенно важными при разработке новых, инновационных путей развития российской экономики. От достоверности и истинности, полученных при этом результатов могут реально зависеть объем, характер и формы занятости россиян, причем в сложной

современной международной обстановке. В том числе сказанное выше относится и к рассмотренным в части 2 вопросам:

во-первых, это необходимость организации при активном участии государственной власти – вынужденной занятости населения на микро- и мезоуровне экономики для предотвращения экономически, социально и политически недопустимой в условиях России массовой безработицы (в последние годы – и явлений прекариатизации населения), а также для обеспечения целостности государства и безопасности страны;

во-вторых, это важность проведения социальной политики поддержки занятости и доходов россиян при разработке и внедрении инновационных методов развития российской экономики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Гудинг Д., Леннокс Дж. (2004). Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности. Ярославль: Норд. Т. 2. Кн. 1.
- Ершов Э.Б. (2011). Ситуационная теория индексов цен и количеств. М.: РИОР.
- Клейнер Г.Б. (2001). Экономико-математическое моделирование и экономическая теория // Экономика и математические методы. Т. 37. № 3. С. 111–116.
- Лотман Ю.М. (1970). Семиотика и сегодняшний мир. URL: <http://www.lib.semi.pdf/semioticstoday.pdf>
- Моррис Ч.У. (1982). Основания теории знаков. / Семиотика. Сб. переводов (под ред. Ю.С. Степанова). М.: Радуга.
- Новиков А.М., Новиков Д.А. (2014). Методология научного исследования. М.: Либроком.
- Пирс Ч.С. (2009) Что такое знак? // Вестник Томского гос. университета. Философия. Социология. Политология. № 3. С. 88–95.
- Плискевич Н.М. (2020). Прекариат в российском преломлении // Сборник материалов II Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики / под ред. В.С. Автономова и А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН. С. 106–111.
- Рогов С., Зотов Г. (2009) Почему Россия не США и не Норвегия? // Аргументы и факты. № 15. С. 8–9.
- Семин Г.К. (2003) Куда завезла кривая или Лишние должны умереть // Научное сообщество. 2003. № 4. С. 8–10.
- Сперанский С.В. (1990). Феномен Сарнова и что с ним делать? // Знание-сила. С. 23–27.
- Сургуладзе В.Ш. (2018). Прекариат – новый революционный класс информационной эпохи: глобальная трансформация рынка труда и ее социально-экономические и политические последствия // Проблемы национальной стратегии. № 4. С. 210–227.
- Тарасова Н.А. (2011а). Вынужденная занятость в переходный и кризисные периоды // Экономика и математические методы. Т. 47. № 1. С. 128–136.
- Тарасова Н.А. (2010а). Вынужденная занятость переходного и кризисного периодов / Мировой финансово-экономический кризис и особенности его протекания в России. Экономика и математические методы. М.: ЦЭМИ РАН. С. 212–220.
- Тарасова Н.А. (2022). Социальность политики занятости и политики доходов без прекариатизации населения // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов (под ред. А.Е. Варшавского). Математика. Компьютер. Образование: Сб. научных трудов. Вып. 29 (в печати).
- Тарасова Н.А. (2012а). Достоверность социально-экономических показателей: семиотический подход. СПб: Нестор-История. 286 с.
- Тарасова Н.А. (2010а). Зачем нужен интегральный тезаурус госстатистики? / Математика. Компьютер. Образование: Сборник научных трудов. Т. 2 / под ред. Г.Ю. Ризниченко. М.–Ижевск: R&C Dynamics (НИЦ РХД). С. 151–159.

- Тарасова Н.А. (2006а). Моделирование и прогнозирование скрываемых элементов занятости и доходов // Экономика и математические методы. Т. 42. № 3. С. 16–30.
- Тарасова Н.А. (1976). Некоторые вопросы классификации информационных систем / Вопросы экономической информатики. М.: ЦЭМИ АН СССР. С. 17–35.
- Тарасова Н.А. (1994). О вынужденной занятости и безработице // Экономика и математические методы. Т. 30. № 2. С. 169–172.
- Тарасова Н.А. (2006б). О методах оценки скрываемых доходов и теневой занятости // Экономика и математические методы. Т. 42. № 1. С. 137–140.
- Тарасова Н.А. (2020б). О психологических аспектах использования семиотического подхода к истинности результатов социально-экономического исследования / IV Российский экономический конгресс «РЭК-2020». Том II. Тематическая конференция «Методология, история экономической мысли и экономическая история (сборник материалов). М.: 2020. С. 114–118.
- Тарасова Н.А. (2007). О триаде занятости // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы Восьмого всероссийского симпозиума / под ред. проф. Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН. С. 141–142.
- Тарасова Н.А. (1989). Обработка социально-экономической информации с различными методами кодирования данных в комплексе УКОД / Методы и модели согласования развития производственной и социальных сфер народного хозяйства. М.: ЦЭМИ АН СССР. С. 25–45.
- Тарасова Н.А. (2008а). Оценки прогнозов социально-экономических показателей в системе НДП («Население, доходы, потребление») // Экономическая наука современной России. Экспресс-выпуск № 1. С. 203–204.
- Тарасова Н.А. (2011б) Роль вынужденной занятости в переходный и кризисные периоды // Власть. № 2. С. 92–96.
- Тарасова Н.А. (2015). Роль семиотики в социально-экономических исследованиях / Анализ и моделирование экономических и социальных процессов (под ред. А.Е. Варшавского). Математика. Компьютер. Образование: Сб. научных трудов. Вып. 22. М.–Ижевск: Институт компьютерных исследований. С. 112–121.
- Тарасова Н.А. (2020в). Семиотический подход к истинности достоверных результатов социально-экономического исследования // Экономическая наука современной России. № 2. С. 45–57.
- Тарасова Н.А. (2010б). Семиотический подход к обеспечению достоверности результатов социально-экономических исследований // Экономическая наука современной России. № 2. С. 24–41.
- Тарасова Н.А. (2013). Скрытая безработица / Демографическая энциклопедия (гл. ред. А.А. Ткаченко). М.: Энциклопедия. С. 759.
- Тарасова Н.А. (2008б). Сравнительная методология определения показателей госстатистики и ее использование в системе НДП («Население, доходы, потребление») // Вопросы статистики. № 10. С. 24–31.
- Тарасова Н.А. (2012б). Эффективность семиотического подхода в экономике и обеспечение достоверности показателей // Экономика и математические методы. Т.48. № 4. С.15–32.
- Тарасова Н.А., Блюмина М.С. (1996). Структура вынужденной занятости и ее влияние на процессы переходного периода // Экономика и математические методы. Т. 32. № 2. С. 54–66.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А. (2014). Влияние ошибок в информации на результаты исследований // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов (под ред. А.Е. Варшавского). Математика. Компьютер. Образование: Сб. научных трудов. Вып. 21. № 2. М.–Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». С. 177–184.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А. (2022). Занятость, доходы, налоги: влияние пандемии // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXI Всероссийского симпозиума / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН. С. 439–441. DOI: 10.34706/978-5-8211-0802-9-54-43
- Тарасова Н.А., Васильева И.А. (2020а). Информационно-аналитическая система НДП («Население, доходы, потребление»). Часть 1: уровни структуризации // Теория и практика институциональных преобразований в России [Текст]: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 50. М.: ЦЭМИ РАН. С. 18–38. DOI: 10.33276/978-5-8211-0788-6-18-38
- Тарасова Н.А., Васильева И.А. (2020б). Информационно-аналитическая система НДП («Население, доходы, потребление») для моделирования финансирования социальной сферы РФ. Часть 2. Официальные и скрываемые показатели и их прогнозирование. Теория и практика

- институциональных преобразований в России [Текст]: сборник научных трудов / под ред. Б.А. Ерзнкяна. Вып. 51. М.: ЦЭМИ РАН, 2021. С. 39–61. DOI: 10.33276/978-5-8211-0794-7-39-61
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* (2020). О госпрограммах развития кризисных моногородов // Стратегическое планирование и развитие предприятий: материалы XXI Всероссийского симпозиума / под ред. чл.-корр. РАН Г.Б. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2020. С. 600–602.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* (2021). О практической эффективности политики занятости доходов при пандемии-2000 // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов / Математика. Компьютер. Образование. Сб. научн. трудов. Вып. 28 / под научн. ред. д.э.н. А.Е. Варшавского. М.–Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2021. С. 449–457.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* (2019). Политика бизнес-менеджмента и динамика присвоения валовой прибыли // Анализ и моделирование экономических и социальных процессов / Математика, Компьютер. Образование. Сб. научн. трудов. Вып. 26 / под научн. ред. д.э.н. А.Е. Варшавского. М.–Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика». С. 158–163.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* (2018) Семиотический анализ корректности социально-экономических понятий и терминология бизнес-менеджмента / Анализ и моделирование экономических и социальных процессов (под ред. А.Е. Варшавского). Математика. Компьютер. Образование: Сб. научных трудов. Выпуск 25. М.–Ижевск: Институт компьютерных исследований. С. 171–177.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* (2013) Скрываемые доходы / Демографическая энциклопедия (гл. ред. А.А. Ткаченко). М.: Энциклопедия. С. 757.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А.* (2011) Социально-экономический анализ объектов мезоэкономики / Мезоэкономика развития: колл. монограф. Гл. 9 (под ред. Г.Б. Клейнера). М.: Наука. С. 719–768, 797–799.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А., Сушко Е.Д.* (2011) Использование системы НДП («Население, доходы, потребление») для оценки социальной политики // Россия и современный мир. № 3. С. 182–193.
- Тарасова Н.А., Васильева И.А., Фонтана К.А.* (2016) Решение экономических задач на основе системы НДП («Население, доходы, потребление») при анализе и оценке социальной политики // Современные проблемы социально-гуманитарных наук. № 2 (4). С. 168–172.
- Тарасова Н.А., Чердниченко Г.А.* (1987) Методологические вопросы подготовки и обработки на ЭВМ информации повторных обследований молодежи. / Современная молодежь и НТР (проблемы адаптации к труду). Часть 1. М.: ИМРД СССР. С. 114–132.
- Ткаченко А.А.* (2000) Занятость и экономика: политика государства в переходный период. М.: Инфограф.
- Устюжанина Е.В.* (2022). Запечатали «кубышку»: нефтедоллары потратят на повышение пенсий и социальных выплат // Профиль. 14 апреля 2022 г. URL: <https://profile.ru/economy/zapchatali-kubysshku-...>
- Чердниченко Г.А., Шубкин В.Н.* (1985) Молодежь вступает в жизнь. М.: Мысль.
- Шанин Т.* (1990) Иное всегда дано... // Знание – сила. № 9. С. 12–19.
- Katsenelinboigen A.* (1997). The Concept of Indeterminism and Its Application: Economics, Social Systems, Ethics, Artificial Intelligence and Aesthetics. Westport: Greenwood Publishing Group. URL: http://aronkatsenelinboigen.net/CONCEPT_OF_INDETERMINISM.PDF
- Katsenelinboigen A.* (2005). 18 Question and Answers Concerning the Toran. URL: <http://www.ulita.net/Book-Toran>
- Lvov D., Tarasova N.* (1994) Latent Unemployment in Transition: Phenomenon of Involuntary Employment in Russia / C.U.R.E. Challenges of Unemployment in a Regional Europe. Friske Academy. The Netherlands. P. 108.
- Tarasova N. et al.* (2009). Analysis of the social policy parameters by forecasting indicators of social sector financing // Studies on Russian Economic Development. No 5. Pp. 495–505.
- Tarasova N. et al.* (2007). Analyzing social policy alternatives through modeling and forecasting of the consumption, composition and incomes of the population // Studies on Russian Economic Development. No 1. Pp. 80–95.

Tarasova N.A.

“BEFORE” AND “AFTER” THE INNOVATIVE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY: PROBLEMS OF THE ORGANIZATION OF THE SOC IO-ECONOMIC RESEARCHES AND ANALYSIS OF POSSIBLE CONSEQUENCES

As a kind of «preface» to the presentation of the factors of modern innovative development of the Russian economy, the results of our long-term experience of semiotic analysis and control of dozens of heterogeneous socio-economic and other studies are analyzed. The analysis begins with a theoretical consideration of the process of achieving not only the reliability, but also the truth of the results of research (on the basis of philosophical theories of truth). The semiotic control of the correctness of the epistemological, socio-economic and mathematical propositions used is illustrated by the material of various studies. They were analyzed and implemented using the proposed semiotic methodology to ensure the reliability of indicators. It has no analogues known to us so far and includes a general semiotic methodology and its important variant – a comparative methodology for determining the indicators of state statistics. This allowed us to solve some problems of General economic nature (starting with the most important language the correctness of the use of formally rigorous mathematical apparatus in research in the natural), and a number of serious problems to determine the practical effectiveness (or inefficiency) of the parameters of social policy. The essential psychological aspects of the practical use of the semiotic approach in many specific studies are analyzed. The aspects that complicate this use (although contributing to the reliability and truth of the results) or facilitating the organization of joint work of researchers are considered.

For the study and successful use of the factors of modern innovative development of the Russian economy, the analysis of the possible consequences of such development is of considerable importance. The role of the specifics of the Russian labor market that we identified back in 1993 is important here. This phenomenon, which has determined the practical effectiveness and social nature of the employment policy in the Russian Federation, is the involuntary employment of the population initiated by the authorities, determined by the elasticity of employment in the conditions of the Russian Federation. The dynamics of such employment policy at the micro- and meso-level of the economy reflected the only socially oriented policy. With the onset of the pandemic, the income policy of the population has also acquired a social character (with various social benefits and benefits to support income). After the translation of G. Standing's book about the precariat – as a new, potentially aggressive class of people with unstable forms of employment, moreover deprived of many basic social rights – we also had works directly on this topic (although similar works sometimes appeared earlier). For the conditions of Russia, it seems unconvincing, in particular, to compare the phenomena of involuntary employment in Russia and the means of «hiding» structural unemployment in the United States. In the Russian Federation, the policy of maintaining employment of the population is supported both by direct instructions from the authorities on its priority, and by financial assistance from the state, which can contribute to the development of involuntary employment of the population without its precariatization.

Keywords: semiotic approach, research methodology, reliability of indicators, the truth of research results, semiotic methodology to ensure the reliability of indicators, the effectiveness of the methodology, the correctness of the application of mathematics, a priori cancelling of research, psychological aspects of the application of semiotic, specifics of the Russian labor market, involuntary employment of the population, triad of employment, semiotic analysis of employment, policy effectiveness, social nature of policy, employment policy, income policy, precariat, income taxes.

JEL Classification: B41, C18, E24, E26, J08, J21, J68, O15, O39.

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-121-130

Э.В. Детнева

Эмма Васильевна Детнева, к.э.н., в.н.с. ЦЭМИ РАН, Москва, тел. +7 (499) 724-25-19, detneva@mail.ru

ПРАКТИЧЕСКОЕ ПРИМЕНЕНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ПОСТРОЕНИЯ ЕДИНОЙ СИСТЕМЫ ИНТЕГРИРОВАННЫХ БАЛАНСОВ И МОДЕЛИРОВАНИЯ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБОРОТА НА ЕЕ ОСНОВЕ

Объективное единство материального и финансового аспектов макроэкономического оборота требует увязки между собой показателей, характеризующих данные аспекты. В статье сводный материально-финансовый баланс (СМФБ) рассматривается как инструмент, интегрирующий в единой системе балансов статистическую информацию о материальном и финансовом аспектах макроэкономического оборота, и как система моделей социально-экономических процессов, основные параметры которых рассчитываются на основе СМФБ. Одновременно с построением моделей процессов разрабатываются модели конкретных видов доходов и расходов участников макроэкономического оборота. Первоочередной задачей модельных расчетов на основе СМФБ является прогноз общего состояния макроэкономического оборота с последующим анализом степени и характера его материально-финансовой сбалансированности.

Ключевые слова: макроэкономический оборот, аспекты макроэкономического оборота, балансовая система интегрированной статистической информации, методы моделирования макроэкономического оборота.

JEL классификация: B40, C82, E20, E60.

ХАРАКТЕРИСТИКА СВОДНОГО МАТЕРИАЛЬНО-ФИНАНСОВОГО БАЛАНСА МАКРОЭКОНОМИЧЕСКОГО ОБОРОТА

Сводный материально-финансовый баланс (СМФБ) является инструментом совместного отображения и анализа материально-вещественного (в денежном выражении) и финансового аспектов процесса общественного воспроизводства. В СМФБ осуществляется интеграция статистической информации о каждом из указанных аспектов для оценки степени их реального соответствия, а также состояния сбалансированности макроэкономического кругооборота в целом. Методология построения СМФБ позволяет увязывать между собой показатели, отражающие производство и использование ВВП в материально-вещественной форме (в денежном выражении) и финансовые показатели, характеризующие процессы распределения, перераспределения и конечного использования национального дохода (НД) (табл. 1).

В СМФБ производство ВВП при описании материально-вещественного аспекта оборота представляется в разрезе видов продукции и отраслей сферы материального производства, а ресурсы созданного и использованного национального дохода расшифровываются по элементам первичных доходов и конечных затрат. Стоимость ВВП распадается на фонд возмещения и ресурсы созданного национального дохода. Эти

характеристики формируют балансовую картину движения ВВП в материальной форме (в денежном выражении). По своей сути данный раздел СМФБ подобен межотраслевому балансу (МОБ) производства и распределения продукции. Его существенным отличием от классической схемы МОБ является то, что в нем одновременно присутствуют и взаимодействуют между собой продуктовый и отраслевой разрезы производства. Перечень видов произведенной продукции может быть представлен агрегированной номенклатурой «чистых» отраслей МОБ, а отраслевой разрез – номенклатурой организационно сформировавшихся (хозяйственных) отраслей-производителей. Наличие в балансе хозяйственных отраслей позволяет связать производственный механизм с механизмом его финансирования.

Таблица 1

Взаимосвязь материального и финансового аспектов воспроизводства в СМФБ

			Материальный аспект	Финансовый аспект
			Производство и использование валового внутреннего продукта	Распределение, перераспределение и конечное использование национального дохода
			М	Ф
Материальный аспект	Производство и использование валового внутреннего продукта	М	ММ	МФ
Финансовый аспект	Распределение, перераспределение и конечное использование национального дохода	Ф	ФМ	ФФ

В СМФБ производство ВВП при описании материально-вещественного аспекта представлен в разрезе видов продукции и отраслей сферы материального производства, а ресурсы созданного и использованного национального дохода расшифровываются по элементам первичных доходов и конечных затрат. Стоимость ВВП распадается на фонд возмещения и ресурсы созданного национального дохода. Эти характеристики формируют балансовую картину движения ВВП в материальной форме (в денежном выражении). По своей сути данный раздел СМФБ подобен межотраслевому балансу (МОБ) производства и распределения продукции. Его существенным отличием от классической схемы МОБ'а является то, что в нем одновременно присутствуют и взаимодействуют между собой продуктовый и отраслевой разрезы производства. Перечень видов произведенной продукции может быть представлен агрегированной номенклатурой «чистых» отраслей МОБ'а, а отраслевой разрез – номенклатурой организационно сформированных (хозяйственных) отраслей-производителей. Наличие в балансе хозяйственных отраслей позволяет связать производственный механизм с механизмом его финансирования.

Основные показатели финансового аспекта макрооборота в СМФБ описывают характер движение различных видов доходов и расходов как результат действия

определенного механизма, обеспечивающего финансирование процессов, связанных с использованием национального дохода, и установление соответствия между доходами и расходами отраслей с учетом их взаимодействия с финансово-кредитной системой. Связь между данными характеристиками показана в табл. 2.

Таблица 2

Схема финансовых связей в СМФБ

			Финансовый аспект			
			Валовый внутренний продукт	Созданный национальный доход	Перераспределение доходов	Использованный национальный доход
				Отрасли		Первичные доходы
			О	Р	Т	Р*
Финансовый аспект	Валовый внутренний продукт	Виды продукции	П	<pre> graph TD PO[РО] --> TR[ТР] TR --> TT[ТТ] TT --> RT[Р*Т] RT --> TR*[ТР*] TR* --> PP*[ПР*] </pre>		
	Созданный национальный доход	Первичные доходы	Р			
	Перераспределение доходов		Т			
	Использованный национальный доход	Конечные затраты	Р*			

Подобно тому, как МОБ дополняет систему балансов с целью анализа материального аспекта производственного процесса, в СМФБ конкретизируются балансы, в которых рассматривается финансовая сторона воспроизводства. Движение НД в СМФБ рассматривается в непосредственной связи с процессом материального производства. Это позволяет формировать финансовые пропорции на основе причинно-следственных связей, возникающих на различных стадиях воспроизводственного процесса. При таком подходе к описанию оборота ВВП и НД формируются соответствующие друг другу объемы и структуры материального и финансового оборотов, которые отражают объективное единство процесса воспроизводства.

Созданный НД (РО) в виде первичных доходов участников процесса производства (хозяйственных отраслей) поступает в процесс перераспределения (ТР). В результате оборота по перераспределению доходов (ТТ), основным звеном которого является финансово-кредитная система, образуются конечные доходы (денежные затраты) участников финансового оборота (Р*Т), предназначенные для конечного использования

материального содержания НДС (ПР*). В процессе использования НДС формируется балансовый итог (ТР*) оборота НДС (РО ↔ ПР*).

Движение НДС в СМФБ рассматривается в непосредственной связи с процессом материального производства. Это позволяет формировать финансовые пропорции на основе причинно-следственных связей, возникающих на различных стадиях воспроизводственного процесса. При таком подходе к описанию оборота ВВП и НДС формируются соответствующие друг другу объемы и структуры материального и финансового оборотов, которые отражают объективное единство процесса воспроизводства.

Единство и полнота представления материально-финансового экономического оборота в СМФБ обеспечивается присутствием в нем системы классификаций (и их пересечений), которые учитывают специфику содержания каждой из сторон оборота. Например, для процесса производства – это классификация видов продукции (П) и отраслей, производящих продукцию (С); для перераспределительного оборота – это номенклатура видов доходов и расходов (Д), а также отраслей (секторов), участвующих в перераспределительном финансовом обороте (С); для процессов создания и использования национального дохода – это классификации видов первичных доходов (Р) и конечных расходов (Р*).

В СМФБ трансформация созданного национального дохода (РО) в разрезе первичных доходов, распределенных по их видам (ДР) или секторам народного хозяйства (СР), в конечные доходы, описываемые по их источникам, в разрезе видов доходов (Р*Д) или секторов (Р*С), может быть осуществлена в следующей последовательности:

$$СР \rightarrow СС \rightarrow Р*С \quad (1)$$

или

$$ДР \rightarrow ДД \rightarrow Р*Д. \quad (2)$$

Согласно последовательности (1) переход от СР к Р*С обеспечивается в результате функционирования межотраслевого финансового оборота (СС), а согласно (2) трансформация ДР в Р*Д осуществляется в ходе формирования и расходования целевых финансовых фондов и затрат, т.е. в процессе преобразования денежных доходов в расходы (ДД).

В табл. 3 представлена схема СМФБ, отражающая обе указанные последовательности передач при перераспределении доходов (счет Т в табл. 2). Вариант схемы, соответствующий последовательности (1), представляет собой СМФБ межотраслевых (межсекторных) финансовых связей, а вариант, соответствующий последовательности (2), представляет собой СМФБ межобъектных финансовых связей. При этом виды конечных доходов (затрат) в каждом варианте раскрываются в разрезе отраслей (секторов) или видов доходов (финансовых фондов конечного использования НДС).

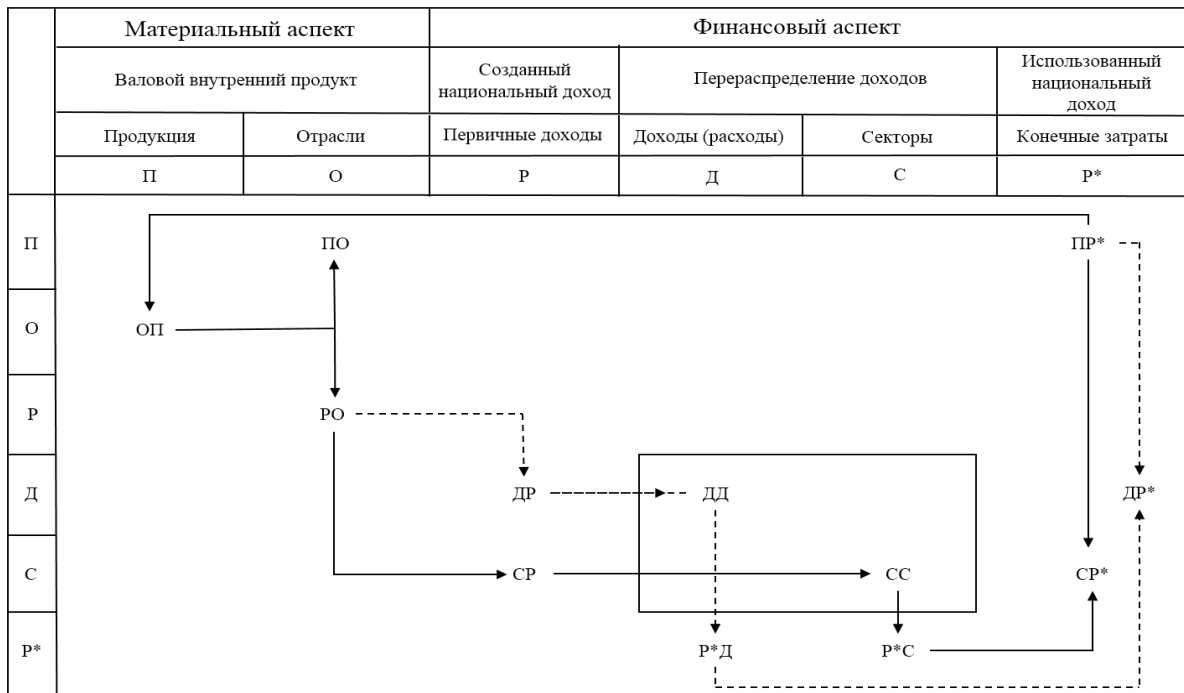
В обеих схемах, отражающих движение доходов и участие отраслей (секторов) в перераспределительном обороте согласно (1) и (2), в неявном виде присутствуют забалансовые пересечения классификаций Д и С. В результате последовательности (1) и (2) могут быть конкретизированы как

$$CP \rightarrow (CD) \rightarrow CC \rightarrow (DC) \rightarrow P^*C \quad (1a)$$

и $DP \rightarrow (DC) \rightarrow DD \rightarrow (CD) \rightarrow P^*D. \quad (2a)$

Таблица 3

Принципиальная схема СМФБ макроэкономического оборота

В первом случае (1a) между собой увязываются следующие направления анализа финансового оборота: какие хозяйственные единицы получили первичные доходы (CP); как складывается процесс перераспределения доходов между ними по разным каналам – видам доходов и расходов (CD – CC – DC); каковы конечные доходы (расходы), полученные (произведенные) отраслями в результате перераспределения национального дохода (P*C); какова степень соответствия (CP*) конечных финансовых (P*C) и материальных (PP*) фондов. В центре внимания находятся потоки денежных средств (CC), образующиеся в процессе перераспределения национального дохода между отраслями производственной и непроизводственной сфер, населением, финансовой и кредитной системами.

Во втором случае (2a) анализируется распределение первичных доходов (по видам доходов) участников перераспределительного оборота (DP), а также потоки доходов в процессе их трансформации в конечные доходы на различных этапах распределения и перераспределения доходов на уровне тех или иных участников финансового оборота (DC и CD). Основное внимание в процессе анализа обращается на объекты финансового оборота – конкретные виды денежных доходов и расходов (DD) и формирование из них конечных доходов (P*D), которые в балансе сопоставляются (DR*) с конечными затратами (PP*).

ЦЕЛЬ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ ПОСТРОЕНИЯ СМФБ

При вышеизложенном подходе к описанию финансового аспекта воспроизводства основное назначение СМФБ – это анализ согласованности (сбалансированности) экономических показателей, характеризующих материально-вещественную и финансовую стороны (аспекты) производства и конечного использования ВВП во взаимной связи, как самих процессов, так и участвующих в них отраслей (секторов). Главная задача СМФБ реализуется на основе следующих принципов и методов, которые отражают специфику рассматриваемых в балансе аспектов, делают возможной их взаимную увязку, а также позволяют построить балансовую модель экономики, доступную для математической формализации.

1. Построение СМФБ основывается на общем методологическом принципе представления и управления народным хозяйством, а именно на системном подходе к экономике. Это означает, что экономика страны рассматривается как единый хозяйственный комплекс с присущими ему структурой, связями и закономерностями функционирования. Этому требованию должна отвечать и экономическая (статистическая) информация.

2. Экономический оборот средств, представленный в СМФБ как совокупность оборотов материальных ценностей (в денежном выражении) и финансовых ресурсов, в целом отражает движение стоимости и поэтому должен анализироваться с точки зрения движения денежных средств, что позволяет оба аспекта исследовать во взаимной связи. При этом любая передача стоимости принимает вид потока, движущегося в системе экономически содержательных полюсов от одного полюса (плательщика) к другому полюсу (получателю), т.е. имеет свой конкретный адрес.

3. Оба аспекта экономического оборота, представленные в виде двух совокупностей потоков, в СМФБ рассматриваются с учетом их содержательной структуры. Инструментом анализа являются классификации, отражающие существо исследуемого объекта. Классификации позволяют создавать проблемно-ориентированные схемы баланса, предназначенные для самостоятельного изучения, каждого аспекта оборота, так и межаспектных связей в их единстве. Интегрированная система проблемно-ориентированных балансов служит информационной основой анализа комплекса отношений, возникающих в процессе макроэкономического оборота.

4. Основная идея СМФБ реализуется благодаря выделению в нем балансовых счетов, которые корреспондируя друг с другом, консолидируют все позиции, содержащиеся в СМФБ. В общем случае СМФБ содержит счета, предназначенные для изучения конкретных процессов, на которые распадается процесс воспроизводства. Счета формируются таким образом, чтобы каждый из них мог самостоятельно служить инструментом анализа, приспособленным к специфике определенного процесса, деятельности соответствующих групп хозяйственных единиц, конкретного объекта оборота. Основу СМФБ образуют счета народнохозяйственных процессов. В общей формулировке – это

счета: производства, распределения доходов, потребления, накопления, внешних экономических связей. Счета народнохозяйственных процессов разбиваются на субсчета более низкого порядка – конкретных участников процессов, а также объектов этих процессов (видов продукции, доходов, расходов, фондов) Каждый из субсчетов отражает деятельность определенной группы хозяйственных единиц в том или ином процессе или значение финансовых потоков в связи с формированием и распределением определенной совокупности видов доходов, расходов, фондов. В СМФБ выделяются следующие основные группы участников (секторов) процесса воспроизводства: производственная сфера, непроизводственная сфера, население, финансовая система, кредитная система, система внешнеэкономических связей.

5. Построение СМФБ осуществляется на основе принципа двойной записи показателей. Такой способ регистрации синтетических показателей обеспечивает их интеграцию при разработке баланса в виде единой системы, сбалансированной по построению. Сбалансированность обеспечивается в каждой точке оборота как равенство доходов и расходов по счетам СМФБ. Использование данного формального приема как метода описания и анализа финансового аспекта воспроизводства предъявляет повышенные требования к содержанию экономической информации и к ее совместимости в процессе интеграции. Статистическое сведение показателей в единую схему в виде СМФБ требует балансировки включенных в него данных на основе содержательного анализа возникающих статистических расхождений.

6. Практически целесообразно представлять СМФБ в виде квадратной матрицы, в которой каждая пара строка-столбец – это баланс (счет) отдельного участника или объекта оборота. Любой показатель в матрице связывает два корреспондирующих счета, для одного из которых (по строке) он интерпретируется как доходная статья, а для другого (по столбцу) – как расходная.

7. В целом СМФБ в матричной форме предназначается для изучения народнохозяйственных финансовых связей. Специфической особенностью СМФБ является его конкретная ориентация на описание тех или иных сторон финансового оборота. Это так называемая проблемная ориентация СМФБ. Например, схема СМФБ, приведенная в табл. 3, проблемно ориентирована на отражение межсекторных или межобъектных связей в финансово-перераспределительном обороте. Основная цель такой проблемной ориентации – это анализ согласованности (финансовой сбалансированности) сводных экономических показателей, описывающих межсекторный или межобъектный финансово-перераспределительный оборот, а также степень сбалансированности материально-вещественной (по использованию конечного продукта) и финансовой (по формированию конечных доходов) сторон процесса конечного использования ВВП (в целом или по отдельным видам продукции в определенном разрезе фондов конечного использования).

В СМФБ, ориентированном на анализ межотраслевого финансового оборота, объектом изучения является информация о том, в каких процессах и звеньях народного

хозяйства формируются основные финансовые потоки и какова балансовая интерпретация задач, для которых происходит мобилизация финансовых ресурсов. Матрица СМФБ содержит блоки, в которых раскрываются две стороны финансово-перераспределительных отношений: во-первых, прямые перераспределительные связи между участниками финансового оборота и, во-вторых, перераспределительные потоки, проходящие по каналам финансовой и кредитной системы. В СМФБ формируется картина не только перераспределительного оборота в целом, но и отдельных балансов доходов и расходов его конкретных участников. Это позволяет изучать соотношения (зависимости, пропорции, структуры и т.п.), складывающиеся между собственными, бюджетными, кредитными источниками доходов в общей картине оборота финансовых ресурсов, а также ресурсов конкретных отраслей производственной и непроизводственной сфер и населения. В целом СМФБ экономического оборота представляет собой развернутую картину межотраслевого финансового оборота, необходимую для исследования финансового аспекта воспроизводства и достаточную для измерения степени сбалансированности материальных и финансовых проектировок народнохозяйственного плана развития экономики страны.

На основе СМФБ решаются следующие задачи:

во-первых, обеспечивается интеграция показателей, характеризующих производство и использование ВВП в материально-вещественной форме (в денежном выражении) и создание, распределение, перераспределение и использование созданного НД в рамках финансового оборота между основными участниками макроэкономического оборота;

во-вторых, в единой балансовой форме обобщаются и увязываются между собой финансовые балансы отраслей (субъектов) производственной и непроизводственной сфер, баланс доходов и расходов населения, государственный бюджет, баланс кредитных ресурсов и вложений, а также другие балансы, конкретизирующие движение финансовых ресурсов, что позволяет проводить анализ перераспределительного оборота с точки зрения межотраслевых финансовых связей;

в-третьих, в рамках финансовых балансов основных участников экономического оборота формируются абсолютные величины их первичных доходов и конечных затрат, а также раскрываются взаимосвязи показателей и структуры финансово-распределительного оборота, характеризующие финансовый аспект процесса воспроизводства;

в-четвертых, определяются характеристики финансовой и материально-финансовой сбалансированности макроэкономического оборота по видам и участникам конечного использования ВВП (НД);

в-пятых, путем экономико-математического моделирования могут проводиться вариантные и оптимизационные расчеты показателей СМФБ с целью анализа и прогнозирования доходов и расходов основных участников экономического оборота,

формирования их материальных и финансовых балансов, а также условий и степени их материально-финансовой сбалансированности.

ВЫВОДЫ

1. В связи с тем, что при построении СМФБ используется методология создания балансовой (информационной) модели экономики страны, то принципиально важно практически реализовать требование, обеспечивающее качественное согласование и количественную интеграцию первичной бухгалтерской и сводной статистической информации для достижения непрерывности информационного процесса.

2. При разработке интегрированной системы моделей о макроэкономическом обороте на основе информации СМФБ возникает необходимость в более полном учете функциональных ролей субъектов как элементов экономической системы, т.е. выполняемых ими прямых и обратных связей в тех или иных процессах. В свою очередь это потребует одновременного расширения (дезагрегирования) как самой схемы СМФБ, так и системы моделей, разрабатываемых на его основе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Сводный материально-финансовый баланс (Проблемы моделирования). М.: Наука, 1978, С. 204.
2. *Исаев Б.Л.* Балансы межотраслевых финансовых связей. М.: ЦЭМИ АН СССР, Наука, 1973. С. 278.
3. *Детнева Э.В.* Концептуальная основа формирования статистической информации в свете стратегии развития Росстата и системы государственной статистики РФ до 2024 г. // Материалы XXIII Всероссийского симпозиума Стратегическое планирование и развитие предприятий. Москва, 12–13 апреля 2022 г. / под ред. чл.-корр. РАН Б.Г. Клейнера. М.: ЦЭМИ РАН, 2022. С. 365–368. DOI: 10.34706/978-5-8211-0802-9-s4-20
4. *Иванов Ю.Н., Хоменко Т.А.* К вопросу о гармонизации бухгалтерского учета и СНС // Вопросы статистики. 2020. Т. 27. № 5. С. 16–22.
5. *Иванов Ю.Н., Хоменко Т.А.* О международном стандарте статистики государственных финансов (проблемы гармонизации с СНС 2008 и применения в российской статистике) // Вопросы статистики. 2019. Т. 26. № 5. С. 23–32.
6. Manual on Government Finance Statistics. IMF; 2014.
7. United Nations Secretariat. System of National Accounts, 2008. New York, 2012.

Detneva E.V.

CONSOLIDATED MATERIAL AND FINANCIAL BALANCE (CMFB) AS A TOOL FOR IMPLEMENTING THE METHODOLOGY FOR BUILDING AN INTEGRATED SYSTEM OF BALANCES AND MODELING MACROECONOMIC TURNOVER BASED ON IT

The objective unity of the material and financial aspects of macroeconomic turnover requires a strict link between the statistical indicators that characterize these aspects. The consolidated material and financial balance (CMFB) is presented not only as a tool that ensures the integration of information on macroeconomic turnover in a single balance sheet system, but also as a system of integrated models of socio-economic processes, the main elements of which are

present in the CMFB. Simultaneously with the construction of models of economic processes, the development of models of types of income and expenses of participants in macroeconomic turnover is carried out. At the final stage of the study of the predicted state of macroeconomic turnover, an analysis of the degree of its material and financial balance is carried out. The coordination of the predicted indicators is carried out in a block in which, based on various options for the predicted dynamics of the relationship between the modeled indicators, the degree of consistency in the rates and proportions of economic development is determined.

Keywords: macroeconomic turnover, aspects of macroeconomic turnover, balance system of integrated statistical information, modeling methods macroeconomic turnover.

JEL Classification: B40, C82, E20, E60.

DOI: 10.33276/978-5-8211-0807-4-131-153

И.А. Васильева

Васильева Ирина Анатольевна, с.н.с. ЦЭМИ РАН, Москва, тел. +7 (916) 343-73-72, via_51@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ НАСЕЛЕНИЯ

В статье рассматриваются исторические этапы и формы социальной поддержки населения, начиная от благотворительности в древней Руси до современного уровня развития социальной сферы. Система социальной защиты – это совокупность институтов и механизмов, направленных на осуществление мер по социальной поддержке населения, предназначенная для формирования доходов нетрудоспособных граждан, не имеющих возможности самостоятельного обеспечения, а также выступающая важной гарантией защиты активной части населения в случае наступления социальных рисков. Комплексный подход к реформированию системы социальной защиты населения в современных условиях предусматривает упорядочение законодательства в области соцзащиты; расширение источников финансирования системы и их рациональное использование; совершенствование механизма оказания социальной помощи и поддержки малообеспеченных и социально-уязвимых слоев населения; использование программно-целевого метода планирования государственных расходов на оказание социальной помощи нуждающимся; расширение участия предприятий, некоммерческих благотворительных организаций и населения в реализации социальной защиты.

Ключевые слова: благотворительность, социальная помощь, социальное страхование, социальная политика государства, государственные программы развития социальной сферы.

JEL классификация: I13, I18, I38, N3.

Социальная поддержка нуждающихся в России имеет глубокие исторические корни и неразрывно связана с историей нашего государства. На первых этапах развития общества она проявлялась как благотворительность. Еще в VII–VIII вв. в обычаях славянских племен благотворительность имела такие формы, как раздача нуждающимся пищи и одежды.

С появлением государства поначалу мало что изменилось: в основе благотворительности, по-прежнему, лежали субъективные чувства – сострадание, родственный или соседский долг и т.п.

Большое значение для развития благотворительности в Киевской Руси имело принятие христианства (988 г.), утверждение его в качестве государственной религии. Пример такого человеколюбия и милосердия показывали русские князья: великий князь Киевский Владимир Святославович, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах и др. Их милосердие выражалось в раздаче милостыни, «кормлении» нуждающихся на княжеском дворе, устройстве приютов для калек и т. п. Княжеская благотворительность в те времена была основным направлением социальной помощи на Руси.

Другим направлением социальной поддержки людей являлась церковно-монастырская благотворительность (к концу XII в. на Руси было известно 70 монастырей). В них убогие и голодные, нищие находили приют и помощь. Княжеская власть и

духовенство практиковали также и такие формы оказания помощи: выкуп пленных, выделение средств на строительство жилья погорельцам, обучение за свои средства ремеслам детей малосостоятельных и убогих родителей и др.

Таким образом, в этот период благотворительность считалась «одним из главных средств нравственного воспитания народа». Оказание помощи больным и нищим стало одной из форм реализации христианской заповеди любви к ближнему.

С образованием единого Российского государства и по мере его укрепления усиливалась его роль в организации призрения. В 1551 г. решением Стоглавого Собора попечение о бедных было признано делом общества. Собор признал также необходимым регулировать обязанности общества «мерами государственными, путем царского повеления», т.е. законом. Предполагалось открытие в каждом городе мужских и женских богаделен, содержание их за счет благотворительных пожертвований с финансовым участием государства. Однако политические условия и экономические возможности российского государства того времени не позволяли реализовать эти замыслы. Специальные учреждения (богадельни, госпитали, приюты), содержащиеся за счет государства, появились позже – в конце XVII – начале XVIII вв.

Начало становления системы общественного призрения и превращение ее в отрасль государственного управления начинает складываться при Петре I. В этот период активно формировалась законодательная база. Значительное место в ней отводилось призрению инвалидов, престарелых, отставных военнослужащих и детей, для которых строились инвалидные дома, сухопутные и морские госпитали, специальные дома для незаконнорожденных детей, детские приюты и другие социальные учреждения.

Систематическая работа по общественному призрению начала проводиться при Екатерине II (1762–1796 гг.). Крупнейшими делами императрицы в этот период было строительство двух Воспитательных домов для призрения незаконнорожденных и подкинутых детей в Москве (1763 г.) и в Петербурге (1770 г.), создание сети специальных учреждений (губернских Приказов общественного призрения), которые были открыты в 40 губерниях. В их ведение были переданы все медицинские и благотворительные учреждения (народные школы, сиротские дома, богадельни, госпитали или больницы, дома для сумасшедших и др.), все категории населения, нуждающиеся в социальной помощи, и пенсионное обеспечение.

Однако казенных средств на эти цели не хватало, поэтому Приказы не могли помочь всем нуждающимся. В этот период оформилась идея о попечении о бедных и больных не только как государственном, но и общественном деле. Наиболее полное воплощение она получила при Александре I: для привлечения внимания общества, делу призрения был придан статус национально значимого деяния. Высочайшими покровителями этого дела стали члены императорской семьи. Как следствие, большой вклад в развитие системы социальной помощи внесли созданные в разные времена благотворительные общества и организации: Ведомство учреждений императрицы Марии (1797

г.), Императорское Человеколюбивое общество (1802 г.), общество Красного Креста (1897 г.), Попечительство о домах трудолюбия и работных домах и др.

В целом XVIII в. и первая половина XIX столетия были временем становления и развития государственной системы призрения, состоящей преимущественно из благотворительных учреждений закрытого типа, которые содержались не только за счет государства, но и филантропических обществ, церкви и частных благотворителей.

Новый аспект и развитие системы призрения в России начался с реформы губернских, уездных (1864 г.) и городских (1870 г.) органов управления. В соответствии с ней на местах создавалась система земских и городских органов самоуправления, на которые были возложены основные обязанности по оказанию социальной помощи населению. Сфера их компетенции: попечение о бедных, больных и умалишенных, заведение благотворительными и лечебными заведениями, забота о народном образовании и здравоохранении, устройство общественных библиотек, музеев, театров и других общепользовательных учреждений.

Во второй половине XIX столетия произошел подъем частной благотворительности. Ее агенты – известные предприниматели Бахрушины, Демидовы, Морозовы, Прохоровы, Строгановы, Третьяковы и др. – жертвовали на больницы, богадельни, училища и другие благотворительные учреждения крупные суммы.

После отмены крепостного права и принятия закона о приходских попечительствах (1864 г.) определенный вклад в дело социального призрения внесли церковно-приходские общества, оживившие свою благотворительную деятельность. В их задачи входило первоначальное обучение детей, содержание приходских школ и благотворительных учреждений (больниц и богаделен).

Кроме общественной, частной и церковной благотворительности во второй половине XIX в. дальнейшее развитие получило государственное призрение в форме пенсий и единовременных пособий (назначались в первую очередь государственным служащим и военным служащим).

Кроме того, практиковались и такие формы оказания социальной помощи общественными организациями и частными лицами, как: биржи труда, специализированные мастерские для женщин, воскресные профессиональные школы и т.д. Именно в этот период появляются новые принципы социальной помощи. Происходила децентрализация социального призрения и обеспечения, индивидуализация помощи, сами люди нацеливались на использование своих внутренних ресурсов для решения собственных проблем.

Таким образом, Россия имеет богатые традиции милосердия, сложившиеся на основе сочетания гуманистических устремлений отдельной личности с усилиями общественных и благотворительных организаций и государства.

В советский период в России происходит долгий переход от благотворительной деятельности к социальной работе. После Октябрьской революции (1917 г.) любая благотворительная деятельность была запрещена. Отделение церкви от государства

закрыло путь церковной благотворительности. Заботу о социально обездоленных взяло на себя советское государство. С этого времени начался новый этап становления и развития советской модели социальной помощи нуждающимся.

В 1917–1922 гг. формируется законодательство о социальном обеспечении и страховании: комплексные законы охватывали сразу несколько видов обеспечения. Они заложили основы республиканской системы социального обеспечения трудящихся: Декреты ВЦИК от 22 декабря 1917 г. «О страховании на случай болезни» и от 31 октября 1918 г. «Положение о социальном обеспечении трудящихся». Этими законами предусматривалось бесплатное оказание всех видов врачебной, лекарственной помощи, родовспоможения, устанавливались пенсии и пособия на случай временной нетрудоспособности, утраты трудоспособности, увечья, по старости и т.д., а также пособия по безработице. Средства на социальное обеспечение складывались в основном из взносов предприятий и учреждений государственного и частного характера, составляя единый Всероссийский фонд социального обеспечения. С апреля 1919 г. государство взяло на себя финансирование основной части расходов по социальному обеспечению. Для оказания помощи инвалидам войны, их семьям, старикам, несовершеннолетним, а также охраны материнства и детства 29 октября 1917 г. был образован Наркомат государственного призрения. С начала 1920-х гг. введено социальное страхование всех лиц, занятых наемным трудом на государственных, кооперативных и частных предприятиях и в учреждениях. Система страхования обеспечивала размер пособий, достаточный для поддержания среднего уровня жизни страхуемых.

Конституция СССР (1924 г.) закрепила компетенцию государства в области социального обеспечения, создается система общесоюзных органов социального обеспечения. В Конституции СССР (1936 г.) утверждаются социальные права граждан на материальное обеспечение в старости, при нетрудоспособности, в случае болезни и др.

С середины 1920-х и особенно в начале 1930-х гг. был взят курс на ликвидацию массовой безработицы, предпринимаются попытки создания системы социальной защиты безработных: всем временно оставшимся без работы из средств государственного социального страхования, а также из средств профсоюзов и других общественных организаций оказывалась материальная помощь. Кроме того, в целях сокращения безработицы на предприятиях увеличивалась сменность производства (2–3-сменная работа), поощрялось развитие мелкой и ремесленно-кустарной промышленности, расширение старых и строительство новых заводов, организация общественных работ, особенно для неквалифицированных рабочих.

Многое делалось для ликвидации безграмотности, оказания помощи старикам и инвалидам, проводилась работа с беспризорными подростками. Расширялась сеть медицинских учреждений бесплатного медицинского обслуживания, увеличивалось число женских и детских консультаций, молочных кухонь.

К началу 1940-х гг., благодаря целенаправленной деятельности государства по увеличению общественного фонда потребления и использованию его средств

снижается число эпидемий, заболеваний, связанных с условиями труда и быта, сокращается смертность населения. Работающим женщинам предоставляются полностью оплачиваемые отпуска по беременности, открываются дома отдыха и санатории для трудящихся.

В послевоенный период (конец 1950-х – начало 1960-х гг.) государство много делает для развития народного образования и здравоохранения, социально-культурной сферы, охраны труда и техники безопасности, сети детских садов и яслей. Вводятся пособия матерям и стипендии учащимся. Завершается создание системы социального обеспечения рабочих и служащих: был принят Закон «О государственных пенсиях» (1956 г.), который объединил все основные виды пенсий, установив единые правила и порядок их назначения и выплаты.

В конце 1960-х – начале 1970-х гг. особое внимание уделялось развитию общественного фонда потребления, почти половина средств которого расходовалась на удовлетворение социальных потребностей, около 40% – на материальное обеспечение нетрудоспособных, 10% – на оплату отпусков. В этот период была создана единая система пенсионного обеспечения. В 1971 г. на колхозников был распространен порядок исчисления пенсий, установленный для рабочих и служащих. Пенсионный возраст для мужчин составил 60 лет, для женщин – 55 лет. Ранее, в 1970 г., стало единым и социальное страхование членов колхозов, рабочих и служащих. В 1968 г. был на пять лет снижен возраст для назначения пенсий по старости инвалидам войны, увеличены размеры пенсий инвалидам I и II групп, выдаются пенсии инвалидам III группы, установленной вследствие трудового увечья или профессионального заболевания.

Конституция СССР 1977 г. закрепила право граждан на материальное обеспечение в старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца. В этот период развивалась система социальной реабилитации для инвалидов (от домов-интернатов до трудоустройства, обеспечения транспортными средствами, протезирования). Отдельные категории граждан приобрели право на различные льготы (обеспечение лекарственными препаратами; оплата проезда на транспорте; санаторно-курортное лечение; предоставление жилья, оплата коммунальных услуг; обеспечение продуктовыми заказами и др.).

К концу 1970-х гг. определяются дополнительные льготы по пенсионному обеспечению отдельных категорий работников ряда отраслей народного хозяйства, в том числе повышаются минимальные размеры пенсий. Были увеличены нормы расходов на питание и приобретение медикаментов в домах-интернатах для инвалидов и престарелых; расширена сеть специализированных предприятий, применяющих труд инвалидов; введены дополнительные льготы по отпускам, пособиям и условиям труда для женщин, имеющих малолетних детей. Усиливается обеспечение многодетных семей за счет общественных фондов потребления (покрытие расходов на образование, воспитание и содержание детей). С помощью общественных организаций для детей и подростков создаются различные клубы по интересам, открываются спортивные школы, дальнейшее

развитие получают музыкальные, балетные, художественные студии, кружки технического творчества. Многие виды культурно-оздоровительной работы строятся на общественных началах. В начале 1980-х гг. реализуются крупные мероприятия по оказанию помощи семьям, имеющим детей, и работающим матерям. Для женщин-матерей вводится частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до достижения им возраста одного года, увеличиваются единовременные пособия по случаю рождения ребенка, повышаются нормы расхода на питание в дошкольных учреждениях и школах-интернатах, вводится бесплатное обеспечение учащихся общеобразовательных школ учебниками. Улучшаются материально-бытовые условия участников Великой Отечественной войны, инвалидов, увеличиваются минимальные размеры пенсий, вводятся дополнительные надбавки к пенсиям за непрерывный стаж работы [6, 10].

В конце 1980-х гг. начало реформ привело к фактической ликвидации централизованной экономики, а вместе с ней начала погибать и централизованная система социальной защиты. Тяжелая экономическая ситуация на большинстве промышленных предприятий способствовала фактическому разрушению ведомственной системы социальной защиты. Практически прекратила свое существование система бесплатного распределения жилья. Политика полной занятости, проводившаяся более 70 лет, привела к возникновению массовой безработицы.

Таким образом, модель социальной помощи в СССР – социальное обеспечение – представляла собой государственную систему материального обеспечения и социального обслуживания пожилых и нетрудоспособных граждан, а также семей с детьми. Социальное обеспечение работающих граждан в СССР осуществлялась через систему социального страхования, т.е. через гарантированную государством систему мер материального обеспечения трудящихся и членов их семей в старости, при болезни, потере трудоспособности, мер поддержки материнства и детства, а также охраны здоровья членов общества. Социальное страхование охватывает всех работников отраслей народного хозяйства и непромышленной сферы, т.е. было непосредственно связано с их трудовой деятельностью.

Радикальные экономические и политические реформы, проводимые правительством России в этот период времени, породили глубокие кризисные процессы. Начался распад хозяйственно-экономических связей, резко усилился процесс имущественной дифференциации общества, обострились национальные конфликты. Все это создает опасные предпосылки для роста социальной напряженности и даже социальных взрывов. В этих условиях крайне важно, чтобы система социальной защиты и помощи населению работала эффективно. Однако старая система социальной защиты разрушилась, новая лишь только создается, на основе таких принципов, как поддержка людей в их помощи самим себе; социальные гарантии безработным, многодетным семьям, старикам, инвалидам, сиротам. Начинается создание системы адресной социальной помощи, новых социальных учреждений, учитывающих мировой опыт. Реформы в самой системе социальной защиты наталкиваются на старую проблему – отсутствие средств –

расходы на социальные программы оставались одной из последних статей государственного бюджета.

И тем не менее, в большинстве регионов России система социальной защиты и поддержки населения интенсивно формируется.

В условиях трансформации системы общественных отношений происходило активное формирование разных направлений жизнедеятельности населения и, в первую очередь, социального законодательства по вопросам социальной защиты.

Совокупность норм, определяющая эту деятельность, впервые была обозначена Постановлением Совета Министров РСФСР «О первоочередных мерах по созданию государственной системы социальной помощи семье» (1991 г.).

В последующем стратегия реформирования системы социальной защиты, отразившая позиции целого ряда политических деятелей, общественных организаций и формирований, нашла свое выражение в Конституции и законодательстве Российской Федерации.

Данные документы продекларировали переход от принципов всеобщего социального обеспечения к европейской системе социальной защиты, определив ее как государственную сферу, включающую в себя органы власти различных уровней, обеспечивающих государственную поддержку различным категориям людей, а также предприятиям и учреждениям. Решение определяемых Конституцией и законами Российской Федерации задач осуществляется, с одной стороны, через реализацию конституционных прав и социальных гарантий в сфере жизнеобеспечения населения, с другой – через создание условий для развития собственных ресурсных возможностей человека, направленных на самообеспечение.

Уже к середине 1990-х гг. были заложены основы законодательного регулирования социально-экономического положения отдельных объектов социальной защиты (пенсионеры, беженцы, инвалиды, пожилые граждане, вынужденные переселенцы и др.). В первую очередь эти законодательные акты устанавливали основы нормативно-правового регулирования в области социального обслуживания населения, а также осуществления государственной системы социальных гарантий [5].

Значительным событием в развитии данного процесса стала разработка и реализация национальной программы социальных реформ в Российской Федерации на 1996–2000 гг. Ее принятие кардинально изменило существующую систему социальной защиты: она предусматривала совершенствование государственных социальных гарантий, поддержку благосостояния семей с детьми, развитие новых социальных технологий, формирование сети специальных учреждений социального обслуживания, увеличение объема и расширение перечня оказываемых социальных услуг. Одновременно с этим осуществлялось формирование новых элементов социальной инфраструктуры, учреждений социального обслуживания граждан. При этом реорганизация концептуальных основ социальной защиты проводилась с учетом приоритета предоставления

каждому конкретному человеку установленных государством социальных благ и гарантий его жизнеобеспечения.

Для ее реализации была создана необходимая нормативная база, приняты федеральные законы «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» и «О государственной социальной помощи». Эти законы заложили основу для правоприменения прожиточного минимума при осуществлении мер социальной защиты населения, что обусловило вступление в силу целого ряда норм, реализация которых непосредственно связана с осуществлением социальной защиты населения. Актуальными были данные законы и для субъектов РФ, поскольку почти каждый регион страны относительно обособленно разрабатывал социальные стандарты, систему важнейших социальных индикаторов жизнедеятельности населения, используя при этом разные методики определения качества жизни, минимального прожиточного бюджета и т. п. Это обстоятельство обусловило разработку своей нормативной базы по вопросам социальной защиты населения на региональном уровне, способствующей упорядочению процесса в данной области.

Уже к середине 1990-х гг. были заложены основы законодательного регулирования социально-экономического положения отдельных объектов социальной защиты (пенсионеры, беженцы, инвалиды, пожилые граждане, вынужденные переселенцы и др.). В первую очередь эти законодательные акты устанавливали основы нормативно-правового регулирования в области социального обслуживания населения, а также осуществления государственной системы социальных гарантий [8].

Современная социальная защита населения является неотъемлемой составной частью государственной социальной политики по обеспечению социального положения населения, сложившееся вследствие воздействия социальных рисков. Под социальным риском полагают вероятное событие в жизни человека, наступление которого приводит к постоянной или временной утрате способности к труду либо спроса на труд. При этом человек может полностью или частично утратить доход, являющийся источником средств его существования. Причинами возникновения социального риска могут быть наступление материальной необеспеченности в результате утраты способности к труду в результате болезни, несчастного случая на производстве и других причин, отсутствия спроса на труд при безработице. Основными видами социальных рисков являются болезнь, временная нетрудоспособность, трудовое увечье, профессиональное заболевание, материнство, инвалидность, наступление старости, потеря кормильца, признание безработным, смерть застрахованного лица или нетрудоспособных членов его семьи, находящихся на его иждивении.

Выделяют следующие функции социальной защиты:

- профилактически-предупредительную – проведение организационно-технических и медицинских мероприятий по защите здоровья и трудоспособности человека;

- экономическую – возмещение человеку утраченного дохода в связи с временной или постоянной утратой работоспособности и здоровья, компенсацией дополнительных расходов, связанных с лечением, инвалидностью;
- социально-реабилитационную – предусматривает медицинскую, профессиональную и социальную реабилитацию человека для восстановления утраченного здоровья, трудоспособности;
- политическую – означает поддержание институтов и механизмов социальной защиты населения [9].

Социальная защита населения создана таким образом, чтобы она могла базироваться на следующих основных принципах:

- партнерство. Государство обязуется исполнять свои обязательства перед людьми по социальной защите, однако партнерство при этом – неотъемлемая часть. Поэтому тесное сотрудничество между государством и частными организациями наблюдается повсеместно;
- экономическая справедливость. Сама структура государства во многом основана на экономических отношениях. Государство должно выровнять возможности людей, определяя на основании принципа экономической справедливости приоритеты распределения средств, причем каждая из категорий граждан должна удовлетворить собственные установленные индивидуальные запросы для поддержания комфортной жизни;
- адаптивность. Социальная защита должна работать так, чтобы она постепенно самосовершенствовалась, за что отвечают разные звенья всей системы социальных взаимоотношений, функционирующих в государстве;
- приоритет государственных начал. Основной задачей РФ в социальном направлении является необходимость помогать достигать определенного приемлемого уровня жизни людям, которые самостоятельно по объективным причинам этого сделать не могут;
- превентивность мер по соцзащите. Определение факторов риска, связанных с социальным направлением. Как правило, работает на региональном уровне, имеет собственные звенья управленческого приоритета, основной задачей которого считается наиболее гибкое сочетание предоставления услуг на платной или бесплатной основе для поддержания нормальных условий жизни.

В качестве субъектов социальной защиты выступают общество, органы государственной власти, органы местного самоуправления, политические партии, общественные объединения и организации, профессиональные ассоциации, организации, предприятия, учреждения, работодатели. Солидарность субъектов социальной защиты основывается на распределении между ними ресурсов, в том числе финансовых для ее осуществления. Среди других принципов можно назвать такие, как ответственность общества и государства за реализацию права человека на социальную защиту. ее государственные гарантии, дифференцированный подход в организации социальной защиты и

др. Дифференцированный подход означает учет специфики в осуществлении социальной защиты различных категорий населения (работников, военнослужащих, граждан, инвалидов, детей, безработных).

Следует подчеркнуть, что всеобщий характер социальной защиты предполагает распространение ее на всех членов общества и обеспечение условий для доступа человека к трудовой деятельности, образованию, здравоохранению, культуре, физической культуре, спорту, санаторно-курортной сфере, жилищно-коммунальным и другим объектам социальной инфраструктуры и видам социальных услуг. Кроме того, социальная защита должна осуществляться на протяжении всей жизни человека.

Выделяют две основные формы социальной защиты населения – негосударственная и государственная. При негосударственной форме застрахованные люди и их иждивенцы получают социальную помощь, пособия, пенсии за счет юридических и физических лиц. Например, негосударственный пенсионный фонд являясь особой организационно-правовой формой некоммерческой организации социального обеспечения, осуществляет деятельность по негосударственному пенсионному обеспечению, обязательному пенсионному страхованию и профессиональному пенсионному страхованию. Деятельность по *негосударственному пенсионному обеспечению* участников фонда в соответствии с договорами негосударственного пенсионного обеспечения осуществляется на добровольных началах. Она включает аккумулирование пенсионных взносов, размещение и организацию размещения пенсионных резервов, учет пенсионных обязательств фонда, назначение и выплату негосударственных пенсий участникам фонда. Деятельность негосударственного пенсионного фонда в качестве страховщика по *обязательному пенсионному страхованию* в соответствии федеральным законом и договорами об обязательном пенсионном страховании означает аккумулирование средств пенсионных накоплений, организацию инвестирования средств пенсионных накоплений, учет средств пенсионных накоплений застрахованных лиц, назначение и выплату накопительной части трудовой пенсии застрахованным лицам. Деятельность негосударственного пенсионного фонда в качестве страховщика по *профессиональному пенсионному страхованию* в соответствии с федеральным законом и договорами о создании профессиональных пенсионных систем включает аккумулирование средств пенсионных накоплений, инвестирование средств пенсионных накоплений, учет средств пенсионных накоплений застрахованных лиц, назначение и выплату профессиональных пенсий застрахованным лицам и регулируется федеральным законом.

Негосударственной формой социальной защиты населения является также добровольное (коллективное или индивидуальное) медицинское страхование, которое обеспечивает гражданам получение дополнительных медицинских и иных услуг сверх установленных программами обязательного медицинского страхования. Страхователями выступают граждане, обладающие гражданской дееспособностью, или предприятия, представляющие интересы граждан. В добровольном медицинском страховании

участвуют страховые медицинские организации, имеющие государственную лицензию на право заниматься медицинским страхованием.

Государственная социальная защита населения представляет собой систему, состоящую из таких подсистем, как государственная социальная помощь, социальная поддержка, обязательное социальное страхование, социальное обслуживание. В свою очередь, каждая из подсистем состоит из разнообразных элементов – нормативные правовые акты; организации, предприятия и учреждения; органы управления; пенсии; социальные пособия; компенсационные денежные выплаты: социальные услуги; социальная помощь; социальные льготы и др.

Социальное обеспечение – это организованная государством форма помощи для утвержденного круга лиц, оказываемая при наступлении определенных юридических фактов, в установленных законом ситуациях, с целью выравнивания социального положения граждан. Социальное обеспечение включает: выплаты, услуги либо натуральные блага, предоставляемые при наступлении (или наличии) определенных социальных рисков, связанных с невозможностью граждан своими силами обеспечить себя или нетрудоспособных членов своей семьи достаточными средствами к жизни.

Неотъемлемая часть социального обеспечения – предоставление нуждающимся гражданам социальных услуг взамен либо в дополнение к денежным выплатам (например, услуг домов-интернатов и других социальных учреждений), а также разного рода преимуществ (например, по оплате лекарств, по бесплатному протезированию и др.).

Социальное страхование – это система компенсации населению последствий социальных рисков, связанных с потерей трудоспособности и доходов. Она основана на страховых начислениях работодателей, работников и распространяется только на лиц, осуществлявших выплату страховых взносов. Социальное страхование может быть обязательным (при страховой поддержке государства) и добровольным (построенным на принципах коллективной взаимопомощи). При этом фонды добровольного социального страхования рассматриваются как дополнение к обязательному страхованию.

Социальная помощь представляет собой финансирование потребностей отдельных индивидов или категорий населения, не имеющих других источников существования. Социальная помощь носит адресный характер и изначально предполагает проверку нуждаемости лица, претендующего на ее получение. В отличие от социального страхования, которое основано на страховых отчислениях, социальная помощь предоставляется независимо от уплаты взносов, она может иметь и денежную, и натуральную формы (обеспечение горячим питанием, лекарствами и т.д.).

Одним из основных направлений социальной помощи являются программы по поддержке малообеспеченных граждан, финансируемые за счет правительственных средств. Организационной основой системы социальной помощи являются социальные программы.

Социальная защита – это многоуровневая система экономических, правовых, организационных, медикосоциальных, педагогических, психологических и других мер,

направленных на реализацию прав и свобод личности в области социального обеспечения, гарантированность не только выживания, но и достаточного уровня и качества жизни.

Различают обязательную и дополнительную социальную помощь.

Обязательную помощь предоставляют государственные программы оказания материальной помощи и социального обслуживания населения по устранению последствий воздействия социальных рисков или их минимизации.

Дополнительная социальная помощь включает программы оказания помощи, базирующиеся на деятельности общественных организаций и благотворительных фондов, благотворительные взносы юридических и физических лиц, а также гуманитарную помощь.

Социальная помощь в виде социальных льгот выполняет две функции – компенсирующую и стимулирующую.

Компенсационный характер льгот состоит в создании равных условий для субъектов с неравными возможностями (инвалиды, сироты), а *стимулирующая* функция льгот заключается в побуждении к отдельным видам общественно полезной деятельности.

Кроме того, социальная помощь предоставляется в виде безналичных жилищных субсидий для малоимущих категорий населения.

К мерам социальной защиты относятся следующие мероприятия:

- установление минимального уровня оплаты труда, пенсий, стипендий;
- меры по преодолению безработицы;
- поддержка многодетных семей;
- выплата пособий на детей;
- контроль за соблюдением прав детей.

Система социальной защиты в Российской Федерации включает действие бюджетных и внебюджетных фондов на федеральном, региональном и местном уровнях.

В настоящее время в РФ действуют три государственных внебюджетных фонда, обеспечивающие социальную защиту:

- пенсионный фонд Российской Федерации¹;
- фонд социального страхования Российской Федерации;
- фонд обязательного медицинского страхования.

¹ С 1 января 2023г. Пенсионный фонд Российской Федерации и Фонд социального страхования Российской Федерации объединяются в Фонд пенсионного и социального страхования.

К средствам государства для создания социальной защиты относятся:

- нормативные ограничения. Они созданы, чтобы посредством использования определенных инструментов невозможно было осуществить влияние на состояние незащищенных слоев населения. Для этого устанавливаются минимальные зарплаты, уровни пособий, существует бесплатная медицина и бесплатное образование;
- социальные стимуляторы в виде субсидий, льготных форм помощи, частично оплачиваемых с бюджета услуг;
- анализ результатов проведенных работ по поддержанию среднего уровня жизни. В рамках этих программ разрабатываются правила страхования.
- существование негосударственных пенсионных систем, что позволяет людям вкладывать средства, направляемые в бюджет для последующего получения пенсий, вносить их в частные фонды на других условиях;
- создание комплекса действий по обслуживанию и социальной защите нетрудоспособных граждан. Например, могут выдаваться медицинские средства или материалы для больных;
- организация благотворительных фондов, направляющих средства для поддержания более высокого уровня жизни разных социальных групп.

Принятый в 1999 г. ФЗ «О государственной социальной помощи»² устанавливает правовые и организационные основы оказания государственной социальной помощи малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам и иным категориям граждан, предусмотренным настоящим Федеральным законом, а также определяет порядок учета прав граждан на меры социальной защиты (поддержки), социальные услуги, предоставляемые в рамках социального обслуживания и государственной социальной помощи, иные социальные гарантии и выплаты, установленные законодательством Российской Федерации, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, муниципальными нормативными правовыми актами. Законом устанавливаются такие понятия как:

- государственная социальная помощь – предоставление малоимущим семьям, малоимущим одиноко проживающим гражданам, а также иным категориям граждан социальных пособий, социальных доплат к пенсии, субсидий, социальных услуг и жизненно необходимых товаров;
- социальное пособие – безвозмездное предоставление гражданам определенной денежной суммы за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации;
- субсидия – имеющая целевое назначение полная или частичная оплата предоставляемых гражданам социальных услуг;

² Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (с изменениями и дополнениями).

- набор социальных услуг – перечень социальных услуг, предоставляемых отдельным категориям граждан в соответствии с настоящим Федеральным законом;
- социальная доплата к пенсии – предоставление гражданину (пенсионеру) денежной суммы к страховой пенсии и (или) к пенсионному обеспечению, осуществляемому за счет средств федерального бюджета, с учетом денежных выплат и отдельных мер социальной поддержки, предоставляемых в натуральной форме, которые предусмотрены настоящим Федеральным законом, иными федеральными законами, законами и иными нормативными правовыми актами субъектов Российской Федерации, до величины прожиточного минимума пенсионера, установленной в субъектах Российской Федерации по месту его жительства или месту пребывания, за счет средств соответствующих бюджетов бюджетной системы Российской Федерации. Социальная доплата к пенсии состоит из федеральной социальной доплаты к пенсии или региональной социальной доплаты к пенсии.
- социальный контракт – соглашение, которое заключено между гражданином и органом социальной защиты населения по месту жительства или месту пребывания гражданина и в соответствии с которым орган социальной защиты населения обязуется оказать гражданину государственную социальную помощь, гражданин – реализовать мероприятия, предусмотренные программой социальной адаптации;
- программа социальной адаптации – разработанные органом социальной защиты населения совместно с гражданином мероприятия, которые направлены на преодоление им трудной жизненной ситуации, и определенные такой программой виды, объем и порядок реализации этих мероприятий;
- трудная жизненная ситуация – обстоятельства, которые ухудшают условия жизнедеятельности гражданина и последствия которых он не может преодолеть самостоятельно.

Социальная поддержка, социальная защита людей, в целом социальная работа определяются социальной политикой государства как определенным ориентиром и системой мер по оптимизации социального развития общества, отношений между социальными и другими группами, созданию тех или иных условий для удовлетворения жизненных потребностей их представителей. Цель социальной работы состоит в интеграции усилий государства и общества, направленных на проведение справедливых социальных преобразований в обществе в интересах всех его членов и особенно тех, кто по объективным причинам сам не может обеспечить себе достойный уровень жизни. В этой связи она представляет собой составную часть федеральных государственных гарантий по обеспечению мер социальной защиты.

Реализация государственной социальной политики отражается в формировании расходной части бюджета, поскольку социально ориентированная экономика имеет четкую направленность на создание оптимальных условий социально-экономического развития страны.

В условиях недостаточного разноуровневого бюджетного финансирования организационно-правовых структур социальной сферы возрастает актуальность решения проблем стратегического развития социальной сферы.

Государство, выполняя социальную функцию, добиваясь цели поддержания и развития человека как «высшей ценности любого общества», призвано реализовывать и принимать конкретные меры по социальной защите граждан. Как отмечают российские специалисты, крупный масштаб существующих проблем в данной сфере потребовал формирования новой модели социальной политики и защиты.

С начала 2000-х гг. в России разрабатываются различные концепции и программы стратегического развития страны. Первым инструментом комплексного решения целевых задач стали федеральные целевые программы, их начали принимать с 2002 г.

5 сентября 2005 г. Президент на расширенном совещании с членами правительства, руководством Федерального собрания РФ и членами президиума Госсовета объявил о начале реализации в РФ приоритетных национальных проектов. Целью этих программ является концентрация бюджетных и административных ресурсов по главным направлениям социально-экономического развития РФ, что должно было привести к повышению качества жизни граждан России.

В октябре 2005 г. для разработки мер, направленных на реализацию нацпроектов, при главе государства был образован Совет по реализации приоритетных национальных проектов (в 2006–2010 и 2012–2016 гг. – Совет при президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике; в 2010–2012 гг. – Комиссия при президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике; в 2016–2018 гг. – Совет при президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам).

С 1 января 2006 г. в России началась реализация четырех нацпроектов: «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса» (В 2008 г. нацпроект был преобразован в Государственную программу развития сельского хозяйства).

НАЦПРОЕКТ «ДОСТУПНОЕ И КОМФОРТНОЕ ЖИЛЬЕ – ГРАЖДАНАМ РОССИИ»

Целью национального приоритетного проекта «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» было заявлено формирование рынка доступного жилья и обеспечение комфортных условий проживания российских граждан. Сроки реализации – 2006–2010 гг. Одной из поставленных задач был рост ежегодного объема жилищного строительства в РФ к 2010 г. до 80 млн м². Однако этого показателя достичь в оговоренные сроки не удалось: в 2008 г. объем жилищного строительства, по данным Росстата, составил 64,1 млн м², в 2010 г. – 58,4 млн м². Показатель в 80 млн м² в год был достигнут только по итогам 2014 г. В рамках реализации нацпроекта было также запланировано увеличение объемов выдаваемых ипотечных кредитов с 20 млрд до 415 млрд руб. в год.

В 2010 г., по данным Банка России, в стране было выдано ипотечных кредитов на сумму 380,1 млрд руб., в 2011 г. – 716,9 млрд руб.

НАЦПРОЕКТ «ЗДОРОВЬЕ»

Проект «Здоровье» предусматривал повышение доступности и качества медицинской помощи, подготовку медицинских специалистов, обеспечение дополнительных выплат врачам и медперсоналу, строительство центров высоких медицинских технологий и др. В 2006 г. на осуществление этих целей из бюджета было выделено 62,6 млрд руб. Всего в 2006–2010 гг. в рамках реализации нацпроекта «Здоровье» было потрачено 607 млрд руб. С 2006 г. участковым врачам и медсестрам к основной зарплате осуществлялись дополнительные ежемесячные выплаты в размере 10 тыс. руб. и 5 тыс. руб. Работники скорой помощи и фельдшерско-акушерских пунктов также получили прибавку: для врачей она составляла 5 тыс. руб., фельдшеров – 3,5 тыс., медсестер – 2,5 тыс. руб. В 2006–2010 гг. в России, по словам вице-премьера правительства РФ Александра Жукова, в рамках нацпроекта более 10 тыс. клинических учреждений были оснащены современным диагностическим оборудованием, обновлено около 70% парка автомобилей скорой помощи. 20 марта 2006 г. постановлением правительства был определен перечень из 15 федеральных центров высоких медицинских технологий (14 в регионах и один в Москве), которые планировалось построить. В ходе реализации нацпроекта «Здоровье» было завершено строительство 13 федеральных медицинских центров. В рамках нацпроекта с 1 января 2006 г. начала действовать программа «Родовой сертификат», позволяющая свободный выбор родильного дома, а также получение диспансерное наблюдение ребенка в течение первого года жизни.

НАЦПРОЕКТ «ОБРАЗОВАНИЕ»

В рамках национального проекта «Образование» осуществлялась поддержка лучших учебных заведений, внедрение современных образовательных технологий, стимулирование вузов и школ, активно внедряющих инновационные образовательные программы, обеспечение всех российских школ интернетом. В 2006–2010 гг. общий объем финансирования нацпроекта «Образование» составил 280 млрд руб. Государственную поддержку получили 3 тыс. инновационных школ (по 1 млн руб. каждая) и 10 тыс. лучших учителей (по 100 тыс. руб.). Семнадцати лучшим инновационным университетам России были предоставлены гранты в сумме 5 млрд руб. Более пяти тысяч победителей различных олимпиад и конкурсов получили премии для поддержки талантливой молодежи по 60 тыс. и 30 тыс. руб. Программа подключения российских школ к интернету была завершена досрочно в 2008 г. В Южном и Сибирском (в Ростове-на-Дону и Красноярске) федеральных округах в 2006 г. были созданы федеральные университеты (еще восемь федеральных университетов сформированы в 2010–2014 гг.). Решением Совета при президенте РФ по реализации приоритетных национальных проектов и

демографической политике от 19 января 2010 г. нацпроект «Образование» стал одним из инструментов реализации национальной образовательной инициативы «Наша новая школа».

ПРОДЛЕНИЕ СРОКОВ РЕАЛИЗАЦИИ НАЦПРОЕКТОВ, ГОСПРОГРАММЫ

29 июля 2010 г. на заседании Совета по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике были утверждены основные параметры нацпроектов на период с 2011 по 2013 г. Всего на реализацию трех проектов («Здоровье», «Образование», «Доступное жилье») было запланировано выделить 1 трлн 392 млрд руб., в том числе около 798 млрд руб. из федерального бюджета.

В частности, в рамках проекта «Здоровье» было запланировано достичь увеличения продолжительности жизни на 2,3 года до 71,3 лет (фактически этот показатель был достигнут в 2015 г.). Нацпроект «Образование» предполагал в 2011–2013 гг. финансирование программы развития ведущих российских университетов на сумму в 41 млрд руб., ежегодную поддержку не менее 25 региональных программ, направленных на оптимизацию сети образовательных учреждений и внедрение новых экономических механизмов управления, дополнительное обучение более 17 тыс. школьных педагогов и др.

В 2010 г. правительство утвердило новые документы государственного стратегического планирования – государственные программы («Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан РФ», «Доступная среда на 2011–2020 гг.» и др.). По состоянию на конец 2018 г. в России действовали 43 госпрограммы.

МАЙСКИЕ УКАЗЫ 2012 Г.

В мае 2012 г. президент РФ В. Путин подписал 11 так называемых майских указов, в которых были обозначены основные направления социально-экономического развития страны до 2020 г. Документы затрагивали основные вопросы экономической и социальной политики, здравоохранения, образования и науки, обеспечения граждан доступным жильем и повышения качества услуг ЖКХ, совершенствования системы госуправления, а также развития Вооруженных сил РФ.

В пакете законов, подписанных президентом, был определен ряд социально-экономических показателей, которые должны быть достигнуты до 2018 или 2020 г. в рамках исполнения майских указов. Среди них рост в 1,5 раза реальной зарплаты и производительности труда; создание 25 млн высокопроизводительных рабочих мест, где зарплата выше средней по отрасли; рост ожидаемой продолжительности жизни в стране к тому же сроку до 74 лет и др. По итогам 2018 г. ожидаемая продолжительность жизни в России составила 72,84 года (оценка Росстата, в 2012 г. – 70,5 лет, целевой показатель в 2018 г. – 74 года).

Численность высокопроизводительных рабочих мест в 2017 г. составляла 17,6 млн при целевом показателе 25 млн к 2020 г.

ПРИОРИТЕТНЫЕ ПРОЕКТЫ 2016–2018 ГГ.

30 июня 2016 г. президент РФ подписал указ о создании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам. Этим же решением были упразднены два других консультативных органа, действовавших при главе государства: советы по реализации приоритетных национальных проектов и демографической политике, а также по жилищной политике и повышению доступности жилья. Новый совет был создан для подготовки предложений главе государства по разработке и реализации основных направлений стратегического развития страны, определения ключевых параметров наиболее важных государственных проектов и программ.

13 июля 2016 г. на заседании Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам был утвержден перечень из 11 основных направлений стратегического развития РФ на период до 2018 и 2025 г.: здравоохранение; образование; ипотека и арендное жилье; ЖКХ и городская среда; международная кооперация и экспорт; производительность труда; малый бизнес и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы; реформа контрольной и надзорной деятельности; безопасные и качественные дороги; моногорода; экология. Тогда же было принято решение о формировании к 1 декабря 2016 г. «пилотного портфеля» приоритетных проектов для их реализации.

15 октября 2016 г. в качестве постоянных органов управления проектной деятельностью в РФ были утверждены президиум Совета по стратегическому развитию и приоритетным проектам, а также Департамент проектной деятельности Аппарата правительства РФ.

В 2016–2018 г. были утверждены паспорта 29 приоритетных проектов (например, «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации», «Формирование здорового образа жизни» и др.). В 2017 г. в федеральном бюджете на реализацию приоритетных проектов было выделено в общей сложности порядка 177 млрд руб., в 2018 г. – 168 млрд руб. С 2018 г. также ряд государственных программ был переведен на проектное управление.

В бюджетных посланиях Президента РФ Федеральному собранию в последние годы неоднократно подчеркивалась необходимость расширения практики программно-целевого планирования и исполнения расходов бюджета. Особое внимание данной проблеме было уделено в Программе Правительства РФ по повышению эффективности бюджетных расходов на период до 2012 г., где среди основных направлений выделены: внедрение программно-целевых принципов организации деятельности органов исполнительной власти и органов местного самоуправления; переход к утверждению «программного» бюджета.

Программно-целевой метод бюджетного планирования в сфере социальной защиты заключается в системном планировании бюджетных средств в соответствии с утвержденными целевыми программами, составляемыми для осуществления социально значимых задач. Именно такой метод планирования финансовых ресурсов в системе социальной защиты населения позволяет обеспечить единый подход к формированию и рациональному распределению финансовых ресурсов по конкретным направлениям, к их концентрации и целевому использованию, усилению контроля, что, в свою очередь, повышает уровень эффективности освоения средств и адресность бюджетных расходов. Целевые программы являются одним из важнейших инструментов осуществления государственной социальной политики.

Социально-экономическая ситуация в стране потребовала разработки и реализации целевых программ на всех уровнях управления, направленных на защиту прав и интересов инвалидов, малообеспеченных граждан, детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, граждан пожилого возраста, на охрану и укрепление здоровья, организацию посильной занятости, предоставление широкого спектра социальных услуг, способствующих их нормальной жизнедеятельности, на развитие системы социального обслуживания нуждающихся граждан и ухода за ними.

В 2021 г. была произведена реформа инструмента государственных программ Российской Федерации, а также организации деятельности федеральных органов исполнительной власти по разработке новых Госпрограмм.

Цели госпрограмм формируются исходя из установленных Президентом Российской Федерации национальных целей развития Российской Федерации, а также иных приоритетов социально-экономического развития и национальной безопасности, установленных документами стратегического планирования (отраслевыми стратегиями, стратегий пространственного развития и иными указами Президента Российской Федерации). При этом требованиями к целям являются конкретность, измеримость – в виде конкретных показателей, достижимость, актуальность и ограниченность по период достижения [11].

В настоящее время основными направлениями госпрограмм являются:

- сохранение населения, здоровье и благополучие людей;
- возможности для самореализации и развития талантов;
- комфортная и безопасная среда для жизни;
- достойный, эффективный труд и успешное предпринимательство;
- развитие науки, промышленности и технологий;
- цифровая трансформация;
- сбалансированное региональное развитие.

В рамках направления «Сохранение населения, здоровье и благополучие людей» осуществляются мероприятия, направленные на выполнение социальных обязательств государства, формирование и поощрение здорового образа жизни населения, а также обеспечение сочетания доступности (в том числе территориальной) базовой

медицинской помощи первичного звена, повышения качества диагностики и доступности высокотехнологичной помощи.

В данное направление входят следующие госпрограммы.

1. Развитие здравоохранения

Цели госпрограммы:

- снижение смертности от всех причин до 11,5 на 1000 населения к 2030 г.;
- повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 г.;
- удовлетворенность доступностью медицинской помощи, процент.

Финансовое обеспечение госпрограммы на 2022–2024 гг. (млн руб.)

	2022	2023	2024	Итого
Государственная программа (всего), в том числе:	3 816 110,9	3 940 600,4	4 127 163, 5	11 883 874,9
Федеральный бюджет	1 015 052,3	989 480,4	1 006 851,7	3 011 384,3
в том числе:				
межбюджетные трансферты	582 480,5	560 263,8	563 464,7	1 706 209,0
Консолидированные бюджеты субъектов	582 480,5	560 263,8	563 464,7	1 706 209,0
Бюджеты гос. внебюджетных фондов	2 801 058,7	2 951 120,0	3 120 311,9	872 490,6

2. Сохранение населения, здоровье и благополучие людей.

Цели госпрограммы:

- не превышение к 2030 г. значения уровня регистрируемой безработицы более 1%;
- создание условий для формирования культуры безопасного труда и повышение эффективности мер, направленных на сохранение жизни и здоровья работников в процессе трудовой деятельности.

Финансовое обеспечение госпрограммы на 2022–2024 гг. (млн руб.)

	2022	2023	2024	Итого
Государственная программа (всего), в том числе:	79 915,4	77 752,6	77 851,4	235 519,4
Федеральный бюджет	79 769, 05	77 612, 08	77 723,8	235 104, 9
в том числе:				
межбюджетные трансферты	64 867, 2	64 867, 2	64 867, 9	194 602,4
Консолидированные бюджеты субъектов	65 013,6	65 007,7	64 995,6	195 016,9
Бюджеты гос. внебюджетных фондов	0,00	0,00	0,00	0,00

3. Социальная поддержка граждан

Цели госпрограммы:

- повышен уровень социального обеспечения граждан – получателей мер социальной поддержки, государственных социальных и страховых гарантий, направленного на рост их благосостояния, исходя из принципов адресности, справедливости и нуждаемости;
- повышена доступность социального обслуживания населения и сохраняется на уровне 100% до 2030 г.;
- обеспечена социальная поддержка семей при рождении детей.

Финансовое обеспечение госпрограммы на 2022–2024 гг. (млн руб.)

	2022	2023	2024	Итого
Государственная программа (всего), в том числе:	3 121 204,3	3 394 779,2	3 638 359,2	10 154 342,8
Федеральный бюджет	2 217 281,8	2 416 372,4	2 583 555,04	7 217 209 219,70
в том числе:				
межбюджетные трансферты	64 867,2	64 867,2	64 867,9	194 602,4
Консолидированные бюджеты субъектов	65 013,6	65 007,7	64 995,6	195 016,9
Бюджеты гос. внебюджетных фондов	0,00	0,00	0,00	0,00

4. Доступная среда

Цели госпрограммы:

- формирование безбарьерной среды в РФ посредством повышения доли доступных для инвалидов и других маломобильных групп населения приоритетных объектов до 73,2% к 2030 г. и обеспечения трансляции не менее 16 тыс. часов ежегодно скрытых субтитров телепрограмм общероссийских обязательных общедоступных телеканалов для глухих и слабослышащих граждан;
- повышение качества жизни инвалидов посредством обеспечения 98% нуждающихся качественными реабилитационными услугами к 2030 г.

Финансовое обеспечение госпрограммы на 2022–2024 гг. (млн руб.)

	2022	2023	2024	Итого
Государственная программа (всего), в том числе:	63 895,4	64 629,20	65 164,5	193 689,2
Федеральный бюджет	63 679,3	64 514,7	65 033,76	193 227,8
в том числе:				
межбюджетные трансферты	40 614,6	40 614,6	40 614,0	121 843,84
Консолидированные бюджеты субъектов	3 211,54	3 109,9	3 126,2	9 447,65
Бюджеты гос. внебюджетных фондов	37 619,2	37 619,2	37 619,2	112 857,6

5. Развитие физической культуры и спорта

Цели госпрограммы:

- увеличение доли граждан, систематически занимающихся физической культурой и спорта, до 70% к 2030 г.;
- вхождение олимпийской сборной команды Российской Федерации в тройку лидеров в неофициальном общекомандном зачете к 2030 г.;
- увеличение доли российских спортсменов, вошедших в восьмерку лучших спортсменов на чемпионатах мира и чемпионатах Европы в спортивных дисциплинах, включенных в программу соответствующих Олимпийских игр, в общем количестве российских спортсменов, принимающих участие в чемпионатах мира и чемпионатах Европы, до 50% к 2030 г.

Финансовое обеспечение госпрограммы на 2022–2024 гг. (млн руб.)

	2022	2023	2024	Итого
Государственная программа (всего), в том числе:	78 912,6	61 093,3	55 484,9	195 490,87
Федеральный бюджет	76 494,4	56 779,53	52 265,7	185 539,6
в том числе:				
межбюджетные трансферты	34 591,6	21 519,1	13 277,9	69 388,6
Консолидированные бюджеты субъектов	37 005,7	25 828,8	16 493,03	79 327,6
Бюджеты гос. внебюджетных фондов	4,10	4,10	4,10	12,30

В целях повышения гибкости управления Госпрограммами в Бюджетном кодексе Российской Федерации с 2022 г. введено основание для возможности перераспределения бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на реализацию госпрограмм как внутри госпрограммы, так и между госпрограммами, путем корректировки сводной бюджетной росписи без внесения изменений в закон о бюджете в пределах 10% об общего объема финансового обеспечения госпрограмм на соответствующий год (при согласовании со специальной Комиссией Федерального Собрания). Такой подход позволит оперативно управлять ходом реализации госпрограмм.

В настоящее время в Правительстве Российской Федерации ведется разработка порядка подготовки и принятия решений по перераспределению бюджетных ассигнований федерального бюджета, предусмотренных на реализацию госпрограмм.

Социальная сфера представляет собой целостную, постоянно изменяющуюся подсистему общества, порожденную объективной потребностью общества в непрерывном воспроизводстве субъектов социального процесса. Это устойчивая область человеческой деятельности людей по воспроизводству своей жизни, пространство реализации социальной функции общества. Именно в ней обретает смысл социальная политика государства, реализуются социальные и гражданские права человека. Приоритетным направлением социальной политики государства является гарантия конституционных прав граждан в области социальной защиты и социальной помощи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

- Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.] // Официальный интернет-портал правовой информации.
- Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» (с изменениями и дополнениями).
- Федеральный закон от 30 апреля 2021 г. № 134-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон « государственной социальной помощи».
- Федеральный закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями).
- Аверин А.Н.* Государственная система социальной защиты населения. М.: Изд-во РАГС, 2010. 124 с.
- История социальной помощи в России / сост. М. В. Фирсов // Антология социальной работы: в 5 т. М., 1994.
- Замараева З.П.* Ресурсно-потенциальный подход в системе социальной защиты населения: монография / Замараева З.П.; Ассоциация работников социальных служб. М.: Социальное обслуживание, 2014. 259 с.
- Замараева З.П.* Становление института социальной защиты населения в России. М.: Изд-во РГСУ, 2011. 207 с.
- Роик В.Д.* Основы социального страхования: экономика и право: М.: Изд-во РАГС, 2007. 321 с.
- Фирсов М.В.* История социальной работы. М.: КноРус, 2012.
- Портал госпрограмм РФ. URL: https://programs.gov.ru/Portal/government_program

Vasilieva I.A.

TO THE QUESTION OF THE RELEVANCE OF SOCIAL SUPPORT OF THE POPULATION

The paper examines the historical stages and forms of social support for the population, ranging from charity in ancient Russia to the current level of development of the social sphere. The social protection system is a set of institutions and mechanisms aimed at implementing measures for social support of the population, designed to generate income for disabled citizens who are unable to provide for themselves, and also acts as an important guarantee of protecting the active part of the population in the event of social risks. An integrated approach to reforming the system of social protection of the population in modern conditions provides for the streamlining of legislation in the field of social protection; expansion of sources of financing of the system and their rational use; improving the mechanism for providing social assistance and support; use of the program-targeted method of planning public expenditures for the provision of social assistance to those in need, expanding the participation of enterprises, non-profit charitable organizations and the population in the implementation of social protection.

Keywords: charity, social assistance, social insurance, social policy of the state, state programs for the development of the social sphere.

JEL Classification: I13, I18, I38, N3.

Сборник научных трудов

**ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
ПРЕОБРАЗОВАНИЙ
В РОССИИ**

Выпуск 54

Главный редактор: *д.э.н., проф. Б.А. Ерзкян*

Подписано в печать 30.11.2022 г.

Формат 60×90/16. Печ. л. 9,6. Тираж 80 экз. Заказ № 10

ФГБУН Центральный экономико-математический институт РАН

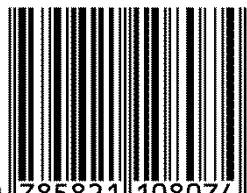
117418, Москва, Нахимовский пр., 47

Тел. 8 (499) 724-21-39

E-mail: ecr@cemi.rssi.ru

<http://www.cemi.rssi.ru/>

ISBN 978-5-8211-0807-4

9 785821 108074